

Межмировая няня, или Алмазный король и я

Аннотация:

Бывает, поссоришься с бывшей своего будущего мужа и — вуаля! Ты в другом мире, в теле актрисы, претендентки на должность... няни для дочерей Алмазного короля.

Фернан Демаре по праву считается самым богатым человеком Ньеरры, обладающим золотым запасом магии, а я... В общем, со мной никто считаться не хочет. Но это только пока...

И, кстати, я буду не я, если не найду обратную дорогу на Землю. А пока буду искать, главное, не забывать, что служебные романы хороши только в фильмах и книгах. Ведь так?

Глава 1 Туалет в другой мир

Ира Илларионова

— Стерва крашеная! — рявкнули на меня.

Ну крашеная, подумаешь. Я, между прочим, мечту свою студенческую осуществила — стала блондинкой. Правда, из-за этого домой теперь придется ходить пешком аж два месяца, но оно того стоило.

Наверное.

— Я с тобой говорю!

Понятно, что со мной. Я вздохнула и перевела взгляд на стоявшую передо мной девицу с ногами от ушей и блестящей черной гривой такой густоты, которой любая модель из рекламы шампуня может позавидовать. Все остальное, в общем, соответствовало. Я даже со своими натуральными каштановыми рядом с ней бледной молью смотрелась бы, а сейчас и подавно.

— Лилия Юрьевна, — сказала спокойно, — если хотите что-то со мной обсудить, давайте выйдем, и я вас выслушаю...

— Никуда я выходить не буду! — взвизгнула она так, что в конце коридора задребезжали стекла, а соседняя дверь приоткрылась и из-за нее выглянула уборщица. Екатерина Павловна подозрительно

сощурилась, но под взглядом брюнетки тут же втянулась обратно в кабинет заведующей.

На самом деле мне еще повезло, что бывшая моего будущего мужа решила выяснить отношения в конце рабочего дня, когда почти всех детей забрали домой, а заведующая нашего сада ушла пораньше, как обычно в пятницу.

— В таком случае, до свидания. — Я развернулась с намереньем тоже уйти, но меня перехватили за локоть.

— Уж не представляю, что он в тебе нашел, но лучше откажись от него сама!

Остроту наманикюренных коготков я почувствовала даже через плотную вязку свитера.

— Руки уберите, — посоветовала, теряя терпение.

— У меня бабка — цыганка в пятом поколении, так и знай!

— А у меня дед — майор КГБ в отставке, — заметила, не впечатлившись угрозой.

И, прежде чем красотка успела опомниться, сбросила ее руку, надавив на две болевые точки. Этому меня, кстати, научил тот самый дед.

— Ах ты... Чтоб тебе войти и не выйти! — прошипела она, подаввшись ко мне так яростно, что я едва успела отпрянуть.

Голова закружилась, я попятилась и уперлась спиной в холодную стену, а брюнетка, напоследок одарив меня ненавидящим взглядом, метнулась по коридору со скоростью молнии. В сторону выхода — и то ладно.

Я смотрела ей вслед, когда услышала тоненький голосок:

— Ирина Александровна!

— Маша?!

Голос доносился из туалета, находившегося в конце коридора, и я бросилась туда. Машу Лебедянцеву всегда забирали последней, но когда приехала эта... стерва некрашеная, она сидела в общей комнате и играла во что-то на смартфоне. Лебедянцевы — очень обеспеченная семья, но Маша — дочь от первого брака. После женитьбы отца она превратилась в падчерицу, и няня в новой семье на нее постоянно жаловалась. Поэтому девочку отдали в садик.

— Ирина Александровна!

— Что-то слу...

Я влетела в абсолютно пустой туалет и замерла.

Все дверцы кабинок распахнуты, внутри никого. Только журчит вода в последней, неисправный бачок нам обещают починить уже вторую неделю. С тех пор и чинят. Огляделась: здесь и спрятаться-то негде, и все же я была более чем уверена, что голос доносился отсюда. За несколько лет работы успела изучить детсад как свои пять пальцев, или мне так только казалось. Или надо меньше работать, что тоже, в принципе, верно.

Напоследок бросив на себя взгляд в затертое зеркало, которое как-то странно исказило мое лицо, развернулась и шагнула к двери:

— Маша! Маша, ты где?

С этими словами я вышла... и едва не ослепла, уткнувшись взглядом в до блеска начищенный паркет.

Вышла и остолбенела. Паркет? Откуда в нашем госучреждении взяться дорогому покрытию, если в коридорах латаный-перелатанный линолеум, который давно следовало перестелить, а в игровых и спальнях — ковролин, по возрасту старше моей писклявой пропажи.

— Ма... — начала снова звать девочку, делая шаг, а за ним следующий. Да так и застыла с раскрытым ртом, когда в такт несмелому движенью шевельнулась бахрома, чисто символически прикрывавшая колени.

Еще и бахрома...

Но я ведь в брюках была!

— ...ша, — зачем-то растянула губы в извиняющейся улыбке.

Только не понятно, перед кем извинялась. Перед дюжиной странно одетых девиц, вдруг разом откликнувшихся на Ма-шу и вперивших в меня взгляды. Или перед своим внезапно помутившимся сознанием. Просила прощения за странные галлюцинации.

С ума сойти! Я сошла с ума за два месяца до свадьбы!

Уф, еще и заговариваюсь.

— Мирэль Тонэ! И вы тоже здесь?! — едва не опрокинул поднос на одну из девушек незнамец в строгом костюме.

Поставил угощения на маленький круглый столик и поспешил ко мне.

— И я тоже... Здесь... — пробормотала, не то спрашивая, не то соглашаясь, и продолжила оглядывать пронзенный иглами солнечных лучей зал. А встрепенувшись, перевела на подошедшего взгляд и с надеждой, что всему наверняка есть простое и вполне логичное объяснение, осторожно добавила: — Здесь — это где?

Секунда, две — нахмуренные брови разгладились, неловкое покашливание и невнятную фразу: «Опять чем покрепче баловались», приглушил прижатый к губам костлявый кулак. Еще спустя мгновение я получила недоответ. В смысле не те слова, которые надеялась услышать.

— Вы, должно быть, потом сразу в театр. Такая нарядная. Придется подождать. — Подавшись ко мне, черный фрак вполголоса добавил: — Как видите, у нас сегодня полный аншлаг.

А у меня, кажется, шлак. Под черепной коробкой.

— Давайте помогу. Мируар Демаре очень удивлен, что и вы тоже решили попробовать...

— Не уверена, что решила я...

— ...Себя в качестве няни для мирэль Кристин и мирэль Аделин, — лишил меня незнакомец... белоснежного боа. Ага. Как будто было мало бахромы и колготок в черный горошек.

Ан нет, судя по ощущениям, это чулки.

И сумочку со шляпкой, формой смахивающей на колокольчик, попросил.

Дзинь-дзинь. А это уже под вышеупомянутым «прибором».

— Чаю?

— Нет, спасибо, — выдавила с усилием.

Встала с краю, стараясь не привлекать к себе внимание, и, пока стояла, судорожно размышляла над одним единственным вопросом: Куда. Я. Попала?!

Все было очень... натурально. И слуга, который, не успев отойти, вернул своему лицу фирменную улыбку и продолжил, кланяясь, разносить напитки. И девушки, затянутые в винтажные платья, как в чехлы, с нитками жемчугов на шеях и волнистым каре.

Такое ощущение, что смотрю на вырезку из старого, очень старого журнала. Или присутствую на съемках фильма про далекие двадцатые не такого уж далекого двадцатого века.

Ущипнула себя украдкой. Раз, другой. Мечтая оказаться среди знакомых предметов и людей. Сил больше нет смотреть на эту вычурную мебель и всех этих манерных леди!

— ...А на днях выловили еще одного, — плеснуло в меня глубоким, звучным голосом. Его обладательницей была жгучая брюнетка, сидевшая на диванчике неподалеку. — И откуда только иномиряне берутся?

— Намного интересней, куда их, отловив, отправляют, — подхватила другая девушка, в горчичного цвета платье. — Они как будто растворяются.

— Как по мне, так их просто... — выразительно провела ребром ладони по своему горлу первая и продолжила цепко оглядывать просторную гостиную. Словно прикидывала, что бы, будь на то ее воля, изменила в окружающей обстановке. — Не забрасывать же обратно. Это ведь так кристаллозатратно.

— И то правда, — согласилась миниатюрная блондинка, вздыхая.

— Но все-таки немного жалко. Могли бы работать на шахтах.

— Может, и работают. Какая, в сущности, разница? Лишь бы нам на глаза не попадались.

Я упустила момент, когда слуга, дворецкий (или кем у них здесь числится тот усато-франтоватый мужик с плиссированной манишкой) вышел. Потому как сама глубоко ушла в свои мысли. Отчего не сразу заметила, что на меня снова косят все «прошловековые», а вернувшийся лакей, в очередной раз раскашлявшись, методично повторяет:

— Мирэль Тонэ... Мирэль Тонэ... Мирэль Тонэ!

— А? — кажется, ко мне обращаются.

— Мируар Демаре приглашает вас к себе в кабинет.

В кабинет так в кабинет. Почему бы не познакомиться с еще одной галлюцинацией. Под аккомпанемент недовольного шипения, что посмела влезть вне очереди, я отправилась общаться с загадочным мируаром. Уж не знаю, обращение это или парню шутники-родители при рождении дали такое дурацкое имя.

Стоило оказаться внутри, как я поняла, что вряд ли его родители умеют шутить. Потому что ну не могут люди с чувством юмора произвести на свет такого мрачного типа, чей взгляд, как погоны из

чугуна, шмякнулся на мои плечи немыслимой тяжестью. Сидевший за столом мужчина был широк в плечах и явно высок, потому что даже громадная спинка кресла не смогла скрыть его рост. Зачесанные все по той же старинной моде каштановые волосы и легкая небритость делали его похожим на гангстера из голливудских фильмов. Хотя нет, для гангстера ему не хватало сигары в зубах и автомата подмышкой.

— Мирэль Селани Тонэ, — произнес мужчина с таким видом, словно это имя вызывало у него зубную боль. Он даже не пытался подняться и смотрел на меня, как на вредное насекомое, которое следует прихлопнуть прежде, чем оно укусит. — Зачем вы здесь?

Вроде и спросил, но не дал мне и рта раскрыть.

— Ах да, вы претендуете на должность няни для моих детей. Чудно, — он крутил между пальцев перьевую ручку с таким видом, будто собирался воткнуть ее в стол. Или метнуть вместо дротика в меня. — И чему вы собираетесь их учить? Клоунаде?

От такого приема я обалдела, если не сказать больше.

Мало того, что он даже не оторвал свою задницу от кресла, так еще и смотрел на меня, как на нечто плавучее, которое никогда не тонет.

— Если потребуется, — сообщила я светским тоном. — Желаете включить клоунаду в программу обучения?

Терпеть не могу хамов, даже если у этих хамов за спиной мебель красного дерева, стеллажи с фолиантами, которыми прибить можно запросто; дворецкий и толпа длинноногих девиц.

Хам угрожающе сдвинул брови, перо в его руках едва не хрустнуло.

— Нет, силюсь понять, на что рассчитываете. — Он все-таки отложил ручку и поднялся. — Так и будете стоять в дверях?

Да, в дверях мне как-то спокойнее, через них можно и деру дать, невзирая на Плиссированную Манишку и манекенщиц.

— А вы приглашали меня сесть?

— Не приглашал. Потому что не считал нужным. Тем более что раньше вы не отличались стеснительностью, — добавил он, и в угрозу ворвалась насмешка.

Такая же опасная, как он сам.

Интересно, чем еще я-не я не отличалась раньше?

Возможно, поинтересовалась бы у него лично, но к этой минуте меня уже слегка потряхивало от фамильярности и неприязни, которыми изобиловали голос и взгляд хама. Понятия не имею, зачем вышеназванная мирэль Селани Тонэ приперлась к этому невыносимому хмырю наниматься няней, но точно знаю одно: я с ним не хочу иметь ничего общего, не то что детей. Тыфу ты, то есть не хочу я становиться няней его детей, вот!

— Это не стеснительность, а правила хорошего тона, — заметила я. — Этому я тоже могу обучить, но не стану. Всего доброго!

Не дожидаясь, пока до меня снизойдут с ответом, развернулась к долгожданным дверям и взялась за ручку.

— Стоять! — в спину ударили приказ. Но остановило меня не это, а щелчок в замке: с силой дернула дверь и обнаружила, что она заперта. Обернувшись, увидела, как вспыхнул перстень-печатка на пальце Демаре. Впрочем, сияние тут же померкло, а вот ярость в голубых глазах хама — нет. — Мы не закончили. Выйдете отсюда, когда вам позволю.

Ма-ма... магия?!

Я подхватила первое, что попалось под руку, то есть тяжелую бронзовую статуэтку, стоявшую на ополовиненной колонне:

— Не подходите! — заявила воинственно.

— Или что? — поинтересовался он.

— Я буду защищаться!

— Этим? — Укращение вспыхнуло снова.

Статуэтка выскользнула из рук, как смазанная мылом, и плавно опустилась на место. Покляться могу, что мои пальцы сжимались на ней как клешни краба на носу кота из мультфильма, но в эту минуту стали мягкими и податливыми, словно пластилин. Я открыла было рот, но тут же его захлопнула, поскольку с пальцев Демаре сорвалось искрящееся лассо, которое опоясало меня и подтянуло к столу. Вторая попытка заговорить ни к чему не привела, больше того: кресло недобро пнуло меня под коленки, ноги подогнулись, и я шмякнулась прямо в него.

— Я, конечно, подозревал, что ваши умственные способности оставляют желать лучшего. — Хам вальяжно опустился в свое, чуть

натянув лассо, из-за чего я подъехала к столу вместе с креслом. — Но не представлял, что настолько. В том, что вы отличная... — последнее прозвучало с издевкой, — актриса, не сомневаюсь, равно как и вся Ньеrra, но меня интересует другое. Начнем сначала. Зачем вы здесь?

Зачем вы здесь, зачем вы здесь... Заклинило его, что ли?

Внимание привлек легкий дымок и запах не то вишни, не то черешни с горчинкой. Я скосила глаза вправо и за подставкой для письменных принадлежностей увидела дымящуюся в массивной пепельнице сигару.

Да чтобы мне всю жизнь стирать вручную!

Магический гангстер!

— Я жду, — нетерпеливо добавил мужчина, явно намекая, что он, конечно, ждет, но ждать будет недолго. Поэтому если не-я не отвечу, то меня могут закатать в бетон или сбросить с моста, или что там делают гангстеры с теми, кто им не нравится.

Он взял сигару и затянулся, рассматривая меня так, словно уже раздумывал над способами казни. Ну а что? Сейчас придушит меня сам по-тихому или кто-нибудь еще... Да хотя бы тот же Плиссированный Воротничок по его приказу вытащит через потайную дверь в ковре и сбросит в Гудзон. То есть в какой-нибудь Магзон.

Ой, мама.

С трудом подавила желание глупо хихикнуть.

— Я... — теперь мне казалось, что нужно очень и очень осторожно подбирать слова. — Пришла, чтобы стать няней?

— Это вы у меня спрашиваете?

— Да. То есть нет, — осторожненько, насколько позволяла искрящаяся вокруг меня веревка, склонилась влево. На всякий случай заглянула за стол, потому что, если там стоит магический автомат, мне нужно знать это прямо сейчас. Магического автомата не стояло, а вот лассо натянулось и угрожающе зашипело.

— Мирэль Тонэ! Что вы там все высматриваете? — в его голосе слышалось раздражение.

— Ствол, — честно призналась я.

Брови гангстера взлетели вверх, а о дымящейся, зажатой между пальцами сигаре, казалось, он и вовсе забыл, уставившись на меня во все глаза.

— Вы сейчас вообще о чем?!

— Ствол, — терпеливо пояснила я, — это такая штука, мощная, когда ее берешь в руки, она стреляет.

Сигара выпала из его пальцев и ткнулась кончиком в пепельницу. Кажется, сейчас случилось то, что мама называла «эффект Ирочки». Первый раз меня накрыло на детской елке, когда нужно было читать стишок перед другими детьми: я тогда сильно перенервничала и вместо стишка поделилась со всеми своими открытиями. В частности, о том, что Деда Мороза не существует, а изображает его папин друг дядя Игорь, и что в подарках не будет вафельных конфет, потому что их съел дядиигорев немецкий овчар Рекс. После этого на елки меня больше не приглашали.

— У вас нет ствола? — решила разобраться. — Это для меня очень важно. Проверьте, если бы не было важно, я бы не спрашивала. То есть если у вас нет ствола, я не сидела бы здесь и сейчас. То есть, конечно, вы меня удерживаете, но если у вас еще и ствол...

— Хватит! — рявкнул так, что я подпрыгнула. — Вы окончательно сошли с ума?!

Еще нет, но очень к этому близка.

— Или... — его голос стал угрожающе-низким, благодаря чему я покрылась мурашками даже на пятках. — Вы издеваетесь?

— Да! — ухватилась за предложенную подсказку.

— Да?!

— Нет!

— Что — нет?!

— А что — да?!

Наш разговор можно было бы внести в справочник по психиатрии. Если выберусь отсюда живой, обязательно расскажу Светке этот случай, по нему кандидатскую защитить можно.

— Хмарь изначальная! — выдохнул он. — У меня там за дверями два десятка претенденток, кто бы мне объяснил, почему я трачу свое время на вас...

— Не тратьте, — посоветовала я. — Вы же видите, я слегка не в себе.

— Замолчите! — это больше напоминало рычание.

— Ни за что. Вы связали меня этой магической штукой... — Подергала лассо, которое обиженно зашипело. — Обзвали неумной, и явно не горите желанием принимать на работу. Поэтому давайте покончим с этим скорее и расстанемся по-хорошему: вы отпустите меня, я выйду вон через ту дверь, и мы больше никогда не увидимся.

Судя по одежде, Селани точно не последний кусок хлеба доедает, так что будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

— Это собеседование, — рычание опустилось до тех низин, в которых обычно обитают чудовища. Он дернул лассо на себя, отчего меня подтянуло вперед и впечатало в стол, — а не один из ваших спектаклей, мирэль Тонэ. Вы пришли на него по добной воле и, если сейчас же достойно не объясните, почему я должен принять вас на работу, можете забыть о своей карьере. Потому что я вас уничтожу.

Что я там говорила о проблемах?

Кажется, первая уже нарисовалась. Если раньше думала, что этот гангстерский тип может меня убить, то сейчас поняла: убить — в его случае самый простой выход. Проблема заключалась в том, что я не представляла, чего он от меня хочет на самом деле, поэтому продолжала говорить правду.

— Я очень люблю детей, — сказала, мысленно возвращаясь к своим ребятам из садика, — и хочу подарить каждому ребенку, с которым занимаюсь, частичку души. Мне нравится им читать и нравится играть с ними. Конечно, когда...

Под его взглядом почему-то запнулась, но все-таки продолжила:

— Когда они начинают сходить с ума, я умею установить границы, но все-таки считаю, что счастливое детство — это веселое детство, и что подвижность не менее важна, чем книги или развивающие игры. Возможно, у меня особый взгляд на воспитание, но я уверена, что воспитание складывается не из правил и ограничений, а из любви.

Я не сказала ни слова неправды, но взгляд его потемнел еще сильнее, а брови сошлись так, что казалось, вот-вот сплавятся воедино.

— И как же вы собираетесь совмещать актерскую карьеру и карьеру гувернантки? — не то процедил, не то выплюнул Демаре.

На миг захотелось закончить все это и просто сказать, что я вообще ничего не собираюсь совмещать, а планирую как можно скорее вернуться в свой горячо любимый детсад, но в памяти неожиданно всплыли слова одной из девушек: «Намного интересней, куда их, отловив, отправляют». Проверять, куда именно, на собственном опыте совсем не хотелось.

— Я брошу театр.

— Вон.

— Что?

— У вас еще и со слухом плохо?! Вон из моего кабинета!

Лассо исчезло, щелкнул замок, и я тут же вскочила.

Встретилась с тяжеленным злющим взглядом и неожиданно для себя выдала то, что точно говорить не следовало:

— В моей жизни было очень много собеседований, но это — самое отвратительное, которое мне довелось пережить. Когда будете нанимать няню для своих детей, позаботьтесь о том, чтобы она владела манерами и этикетом, потому что вам их явно не достает! Но главное — не забудьте про сердце! Оно должно у нее быть непременно, и должно быть очень большим, раз уж папаша его лишен напрочь.

Не дожидаясь, пока мне ответят, развернулась и вылетела за дверь. Прижалась к стене, потому что ноги не слушались и сердце в груди отбивало неровный ритм. Не успела перевести дух, как объявился плиссированный лакей и протянул боа с таким видом, словно собирался меня на нем вздернуть.

— Ваши вещи, мирэль. — Слуга сунул мне в руки шляпку и звякнувшую цепочкой сумочку. — Сожалею, что мируар Фернан вам отказал. Но вы должны понимать, не всякой дано стать наставницей для наследниц Дома Демаре.

Подслушивал, шельмец.

— Не-всякие, вроде меня, будут счастливы оказаться как можно дальше от вашего мируара. Будьте любезны... как вас там, покажите выход.

— Разве так сложно запомнить, мирэль? — с обидой в голосе проговорил дворецкий. — Меня по-прежнему зовут Этиль Жужжен. Но вы всякий раз спрашиваете мое имя.

— Извините.

Обратная дорога лежала через все ту же гостиную. Меня встречали и провожали все те же лица, только сейчас на них сорняками расцветали злорадные улыбки. Может, наше с хамом общение транслировалось по какому-нибудь маглевизору?

Меня продолжало знобить. От всего увиденного и услышанного. Если это дурной сон, то пора бы уже проснуться. А если реальность, тоже дурная, надо как-то из нее выбираться!

А для этого необходимо понять, почему и как я здесь оказалась...

— Вот, пожалуйста! — Рискуя растянуться в шпагате на мраморном полу, в который можно было смотреться, как в зеркало, ловя в нем свое размытое отражение, Фитиль Жужжен бросился открывать двери.

Отражение!

Я подскочила к оправленному в позолоту зеркалу, занимавшему почти всю немалых размеров стену, и замерла как вкопанная.

Только сейчас, с большим опозданием, до меня наконец начало доходить, что я не просто переместилась в другой мир (ой, мамочки!), я перестала быть Ирой Илларионовой. В этой модельного вида дылде не было ничего от миниатюрной сероглазой Иришки, в которую влюбился Миша и в которой не чаяли души родители.

Длинные волосы насыщенного карамельного цвета ложились на плечи идеальными волнами, как у голливудских звезд былых времен. Глаза — что обласканное солнцем синее-синее море, опасное и бездонное. Мои всегда лучились теплотой, по крайней мере, так уверждала лучшая подруга Светка. В глазах же Селани, казалось, отплясывала дикие танцы нечисть.

«С такой внешностью сам бог велел блестать на сцене», — рассеянно подумалось мне, пока обводила взглядом идеальной красоты черты: аккуратный прямой нос и не нуждавшиеся в помаде яркие, сочные губы. Как будто созданные для поцелуев.

— Мирэль Селани, — кашлянул дворецкий.

— Скажите, Жоффрен...

— Жужжен, — поправил терпеливо, хоть я заметила, как на тощей шее дернулся кадык.

Наверное, мирэль Селани вызывала в этом кузнецнике, как и в его хозяине, сильные приступы раздражения. И если первый как мог пытался себя сдерживать, последний не утруждался демонстрировать показную вежливость.

— А мы давно знакомы?

— Больше, чем хотелось бы... — Поняв, что только что сморозил, дворецкий поспешил исправиться: — Прошло уже три месяца с тех пор, как мы впервые с вами свиделись.

Хотела спросить, при каких таких обстоятельствах мы могли здесь свидеться, если у хозяина всего этого великолепия только при виде меня начинается обильное ядовыделение, но вовремя спохватилась. Этот любитель покашлять и пожужжать и так уже на меня косится с подозрением. Лучше не буду усугублять свое и без того «усугубленное» по самое не хочу положение.

Поэтому больше не стала задерживаться. Простившись с Воротничком, замерла на крыльце, не зная, куда податься. Ну то есть до ворот, кованым узором темневших на фоне малахитовой листвы, я, конечно, доберусь сама, без подсказок. А вот дальше...

Из автомобиля с открытым верхом, этакого прадедушки кабриолета, показался уже немолодой, но с виду крепкий мужчина. Несмотря на то, что погода в этом черт-его-знает-где стояла хорошая и солнце даже припекало немного, упакован он был в костюм-тройку. И, наверное, вовсю потел под многослойной одеждой.

Приподняв черное кепи, незнакомец чуть поклонился:

— Мирэль Тонэ.

Я облегченно выдохнула. Личный водитель — мое спасение! Вот только непонятно, зачем той, у которой есть прислуha, самой становиться прислугой? Ну даже если и няней, то все равно тем же обслуживающим персоналом.

Я села в машину.

— Куда теперь, мирэль Тонэ?

— Домой, — проронила негромко и поморщилась от головной боли: виски как будто прокалывали иголками.

Кивнув, водитель захлопнул дверцу и устроился за рулем. Машина покатила по мощеной улочке, мимо роскошных особняков, утопавших в зелени фруктовых садов.

Наверное, Селани — очень известная актриса, какая-нибудь там суперприма, раз у нее есть даже личный шофер. Миша мне тоже все пытался такого в кепке и при галстуке навязать, в комплекте с машиной. А я отказывалась, потому что не хотела, чтобы другие няни завидовали. Да и не привыкла чувствовать себя зависимой. От кого бы то ни было. Вот и вчера, посетив дорогой салон и оставив в нем половину зарплаты, решила, что лучше буду ходить домой пешком, чем клянчить деньги у папы или обращаться за помощью к Соколову. Ему только дай повод — снова начнет уговаривать бросить работу. Потому что, как любит повторять, он сам в состоянии меня обеспечить, а я просто бесцельно трачу время.

Но как же я без своих ребят?!

Не сдержавшись, громко шмыгнула носом. Миша, папочка, мамуля, моя малышня... Как вы там без меня будете? И если я здесь, то кто тогда там, в моем теле? Эта сердцеедка? У Селани на лбу написано — хищница и коварная соблазнительница.

У-у-у, мало мне было этой натуральной стер... брюнетки Лили!

Смутно помню, как добралась до чужого дома. Кто открывал входную дверь и кто вел меня по незнакомым хоромам. Когда в поле зрения попала кровать, я рухнула на нее не раздеваясь.

Закрыла глаза и, уже уплывая в сон, молила высшие силы скорее вернуть меня обратно домой.

Селани Тонэ

— Мируар Демаре, мируар Демаре, — звала актриса, силясь разомкнуть отяжелевшие, будто налитые свинцом веки.

Как же так вышло-то? Она и потеряла сознание? Да она никогда не теряет сознание! За исключением тех случаев, когда ей это необходимо.

Селани поморщилась от неприятных ощущений, прошивших все тело, стоило ей пошевелиться. Голова гудела церковным колоколом, не избежавшим участия столкнуться с коррозией. Наверное, при падении сильно ударилась затылком о мраморные полы в холле, а

этот глистообразный Жо... Жу... Жульен, в общем, не удосужился вовремя подхватить гостью.

И так всегда: является, когда его не просят, а когда нужен — не дозвовешься.

— Миуар Демаре... Вы спасли меня... — томно выдохнула актриса, уверенная, что на помочь ей бросился никто иной как сам Алмазный король. Пусть она и легче перышка, но этому ходячему стручку фасоли, дворецкому то есть, не по силам тянуть на руках такие «перышки».

Наверняка именно Фернан ее поднял, и вот она в его кабинете. Пытается вынырнуть из затянувшего все вокруг марева, а бахрома платья тем временем соблазнительно соскальзывает со стройных ножек, приоткрывая ее идеальные колени. О, один вид этих коленей способен свести с ума даже евнуха из гарема! А уж Фернана Демаре евнухом явно не назовешь. Самый завидный вдовец Ньеरры (Жизель наверняка уже отдыхает на том свете), конечно, знает толк в женской красоте и уже успел по достоинству оценить ее прелести.

Селани томно застонала, незаметным движением пальцев стараясь подтянуть повыше платье, чтобы и кружево чулок не осталось без внимания. Кажется, у нее ничего не вышло, но девушка не стала зацикливаться на этой мысли. Ей сейчас вообще было сложно на чем-то сфокусироваться. Даже глаза открыть не получалось.

...Говорят, у супругов Демаре последнее время отношения не ладились. Быть может, потому Жизель и сбежала. Или ей помогли «сбежать»... Но уж она-то, Селани, знает, как нужно вести себя с *таким* мужчиной. Жестким,ластным,неукротимым. Такие, как Фернан Демаре, не поддаются дрессировке. Но их можно очаровать, соблазнить и, возможно даже, со временем приручить. Селани надеялась стать неотъемлемой частью его жизни. Сначала просто няней для этой несносной кудрявой мелочи. А после, если повезет, и их мачехой. Не то чтобы мирэль Тонэ прельщала идея в свои неполные двадцать шесть превратиться в наседку... Но упускать возможность украсить безымянный палец обручальным колечком с бриллиантом, размеру и чистоте которого позавидует сама королева

Ньерры, она не собиралась. Ради этого потерпит даже близняшек. А там, кто знает, может, получится их кому-нибудь сбагрить...

Селани снова поморщилась. Только на этот раз не от боли, а от неприятных воспоминаний, незаметно прокравшихся в разум. Последние два месяца она давала частные уроки актерского мастерства Жизель Демаре. Этой холеной стервочке, с которой был знаком Грэгуар Фриэль. Тесная дружба с антрепренером Ле Гранда уже не раз выручала мирэль Тонэ. Грэгуар подкидывал ей неплохие роли, а следовательно, и на заработок она не жаловалась. Узнав, что эта прожигательница жизни Жизель от нечего делать ищет себе учительницу, Селани убедила антрепренера рекомендовать именно ее.

До того как начала работать на Демаре, она видела Алмазного короля лишь на передовицах журналов и газет, а повстречавшись с Фернаном лицом к лицу, поняла, что сделает все возможное, чтобы познакомиться с ним поближе.

Поначалу Селани готова была довольствоваться даже скромной ролью любовницы. Вот только, несмотря на все ее ухищрения, мируар Демаре не спешил назначать тайные свидания. В дело шло все: откровенные платья, томные взгляды. Соблазнительно закусленные губы и даже мимолетные касания, когда они «случайно» сталкивались в коридорах. Селани видела, как в такие моменты в холодных голубых глазах мужчины вспыхивает темное пламя. Уж она-то знала, на что похожа мужская жажда, с трудом сдерживаемое желание. Но, наверное, наличие жены его отрезвляло.

А раз уж теперь жена пропала...

В своем успехе Селани не сомневалась.

— Мируар Демаре, — повторила девушка и, следя своему плану, чувственно закусила губу.

И только тут поняла, что голос звучит как-то странно. Не просто хрюпло — низко, басовито. И вместо юбки, которую все пыталась незаметно приподнять, оказалось, что все это время тщетно как дура задирала брюки. И голова по-прежнему раскалывается...

С трудом Селани удалось открыть глаза. Открыть и осознать, что она не в доме Демаре. А когда, поднявшись, девушка встретилась взглядом со своим отражением, отпечатавшимся в высоком зеркале, закричала что есть силы:

— А-а-а!!! — Селани продолжила кричать, мечтая, чтобы скорее прекратился этот кошмар. — Этого не может быть! Это не я! Не я-а-а!!!

Актриса впилась взглядом в резкие и почему-то такие знакомые черты мужского лица. Дрожащими руками принялась ощупывать себя, с каждой секундой все глубже погружаясь в пучину отчаянья.

Она — мужчина! Стопроцентный настоящий мужчина!

— Только не это, — глухо простонала девушка. — Только не я...

«Кто же, кто же, кто же ты?!» — запустив руки в короткие жесткие волосы и мечась по комнате, лихорадочно повторяла она.

Где она могла его видеть? Где?!

«Точно! — Селани запнулась. — В доме Демаре!»

Борясь с желанием зажмуриться, приблизилась к зеркалу.

Десмонд Шерро — друг Фернана. Очень близкий друг. И вот теперь она... в нем. А он тогда где?

— Но почему?.. Хмаря изначальная! За что?!

Селани выскочила наружу и, оттолкнув служанку, наверняка примчавшуюся на вопли хозяина, рванула по коридору.

— Нужно все исправить, — твердила она, задыхаясь. — Сейчас я найду себя и тогда...

Как поступит дальше Селани не представляла, но точно знала, что надолго в этом теле она не останется. Вернет свою жизнь обратно!

Глава 2 Ягуар и ББИ

Ира Илларионова

Просыпаться не хотелось от слова совсем. Не хотелось возвращаться в реальность, в которой вместо точечных светильников на потолке — вычурная хрустальная люстра, и сам потолок, к слову, весь в лепных загогулинах. Дневной свет приглушают не жалюзи, а тяжелые шторы. И плазму на стене (подарок родителей по случаю начала самостоятельной жизни) заменяют картины.

Селани явно увлекалась авангардизмом.

А вон там ажурная ширма с перекинутым через нее пеньюаром и одиноко свисающим чулком в сетку. А вот здесь...

Перевела осоловелый взгляд влево и едва не закричала, увидев рослую девицу, сидевшую в кресле.

— Мирэль Тонэ, как самочувствие? — участливо поинтересовалась девушка.

Должно быть, служанка, раз на ней строгое черное платье с белым фартуком и рукавами-фонариками.

— Вроде бы лучше.

Хотя нет, вру. Хуже. От того, что проснулась все там же, то есть неизвестно где.

— Мигрень больше не мучает?

— Мигрень не мучает.

А вот осознание, что застряла в чужом теле, еще как мучает. Прямо-таки истязает. Никаких плетей не надо.

— Это все из-за браслета, — обрадовалась моему ответу девушка.

Проследив за ее взглядом, я заметила на запястье Селани (временно моем запястье) украшение с прозрачным камнем. Его сердцевина, как перстень Демаре, излучала подозрительное мерцание.

Тварь изначальная! Магическая цацка!

Меня подбросило на кровати, как подаваемый ракеткой воланчик.

Или что он там говорил, тварь-хмарь? И почему я вспоминаю слова этого мерзавца? О нем вспоминаю... Вот гадство.

Браслет украсил собой тумбочку, а я перестала украшать собой кровать. Подскочила на ноги, решив, что хватит лежать. Пора отсюда выбираться.

— Ну что же вы? — заволновалась безымянная. — Зачем же сняли? Сами ведь говорили, что аурин помогает, когда голова раскалывается. Я его на вас и надела. Вы вернулись совсем болезная.

— Мне уже легче, обойдусь и без браслета.

Я продолжала озираться, не зная, с чего начинать освободительную кампанию самой себя из чужого тела и из чужого мира. Для начала, наверное, лучше переодеться во что-то более простое. Повседневное. Без выреза, из которого пышная грудь

актрисы так и норовила вывалиться; и без висюлек, практически заменявших Селани юбку.

А еще надо будет подкрепиться. Об этом настойчиво напоминал урчащий желудок.

— Я бы хотела перекусить.

Девушка округлила глаза:

— Но вы же после трех никогда не едите!

— Это все из-за головной боли, — не растерялась я. — Она вытянула из меня все соки. Пожалуйста, принеси чего-нибудь. И побольше.

Есть и правда хотелось неимоверно. Должно быть, всему виной стрессы.

Служанка продолжала удивленно на меня плятиться, и я поняла: нужно вести себя осторожней. В идеале — разузнать о привычках актрисы и, пока вынуждена быть ею, постараться привить их себе. Только невредные, конечно. Потому что поститься изо дня в день после трех — это насилие над телом.

Мне снова вспомнился разговор конкурсанток в доме местного Аль Капоне. Не хочу быть ни без вести пропавшей, ни трудиться во благо Ньеерры на шахтах. Вообще не хочу иметь ничего общего с этим миром.

После ухода служанки я приступила к знакомству с апартаментами мирэль Тонэ. Одна из светлых дверей вела в не менее светлую ванную. Другая уводила в гардеробную, едва ли уступавшую размерами спальне.

Сколько же тут было тряпок! Десятки, если не сотни платьев, плиссированных юбок и воздушных блуз. Уже не говорю про обувь и аксессуары. Одна стена была сплошь завешана шарфиками! Меховыми, перьевыми, из пайеток и шелка. Бесчисленные коробки со шляпками и футляры с перчатками громоздились на тянувшихся к лепным сводам полках. Всезывающее-яркое, кричащее. С трудом удалось отыскать простое темно-зеленое платье, а к нему сумочку из, подозреваю, змеиной кожи.

Переодевшись, я не без опаски приблизилась к туалетному столику и, плюхнувшись в кресло, взглянула на свое отражение. Поежилась. Потом, вздохнув обреченно, пригладила растрепавшиеся

после сна волосы. Чтобы слиться с образом, заглянула в первую попавшуюся шкатулку и повесила на шею жемчужные бусы. Надавив на помпу, пшикнула на себя парфюмом. Это была одна из многочисленных бутылочек, красовавшихся на трехъярусной стеклянной горке, словно пирожные макарон в витрине маленькой французской кондитерской.

Служанка все не появлялась, и я продолжила рыться в вещах актрисы. Повыдвигала ящики секретера в поисках чего-то, что помогло бы ближе с ней познакомиться. Но вместо Селани неожиданно для самой себя лучше узнала Фернана Демаре. Владельца всемирно известного ювелирного Дома и самого большого алмазного карьера во всей Эоне. В общем, местного Креза.

Со страницы газеты на меня хмуро, тяжело, как несколько часов назад в кабинете, взирал Алмазный король. По крайней мере, так его называл неизвестный журналист.

«Загадочное исчезновение Жизель Демаре», — гласил заголовок на первой полосе.

Схватив газету, я заскользила по строчкам взглядом. Статью проглотила, можно сказать, не жуя, и чуть ею не подавилась.

Вот значит как! У Демаре таинственным образом пропала жена. Подозреваемых нет, но газетчик как бы между прочим отмечал, что в последнее время отношения у супругов были так себе. Напряженные. Если не сказать взрывоопасные. «Они часто скандалили, в том числе на людях», — заявлял автор статьи.

Дочитать я не успела, потому что в комнату снова вплыла служанка.

— Мирэль Тонэ, вас к телефону. Грегуар Фриэль, — заговорщицки понизив голос, произнесла она, потом приподняла брови и добавила: — Кажется, сердится.

Грегуар. Фриэль.

Кажется, сердится.

Кажется, мне нужна записная книжка, потому что у меня скоро голова треснет от всех этих мируаров, ягуаров и жужженов. Интересно, у Селани есть записная книжка? И почему на нее все сердятся, хотелось бы знать.

— Сейчас подойду. — Я отложила газету и поднялась. Чуть не навернулась со шпилек и увидела, как у служанки округлились глаза.
— Не выспалась, — пояснила, оглядывая себя в зеркале.

Не объяснять же ей, что вся моя обувь — это балетки, туфли-лодочки с детским каблуком или сабо на невысокой платформе. А зимой и подавно, ходить по нашим улицам в сапогах на каблуке может только профессиональная каскадерша или модель, оттоптавшая с десяток подиумов. Снег у нас убирают по большим праздникам, а лед скалывают еще реже.

Стоило вспомнить про снег и лед, как память услужливо нарисовала родной район, дома-девятиэтажки и громыхающие по проспекту трамваи. Наверное, специально для того, чтобы мне захотелось домой еще больше. Обнять Мишку, рассказать ему эту сумасшедшую историю и вместе над ней посмеяться.

Так, все.

Сейчас не время бередить себе душу. Сначала поговорю с Грегуаром, потом подумаю о том, как отсюда выбираться. Пока меня не отловили и не отправили в каменоломни. Ну или еще куда-нибудь.

Только тут я поняла, что понятия не имею, где в этом доме телефон. Явившись с собеседования, я в трансе прошла вслед за кем-то (подозреваю, что как раз за служанкой) до спальни, поэтому даже приблизительно не представляю, куда мне сворачивать. А сворачивать было куда! Высунув нос из спальни, я обнаружила по меньшей мере три пути: направо, налево и прямо, совсем как в сказке.

Искренне надеюсь, что сказка не будет страшной.

Учитывая, что направо и налево расходился коридор, решила пойти прямо и не прогадала: прямо вывело меня к лестнице. Последняя туго накрученным локоном уходила вниз, а внизу, в холле, стоял пресловутый... телефонный аппарат. Иначе этот бронзовый антиквариат с массивной трубкой и диском-кругляшом назвать было нельзя. Телефон обнаружился на столике, рядом с которым расположился небольшой полосатый диванчик, на него я и приземлилась.

Во-первых, стоять на таких шпильках долго я не могла, а во-вторых, лучше сразу сесть, потому что мало ли что услышу.

Подхватила трубку и чуть не выронила снова: с непривычки выдающийся рожок впечатался в подбородок:

— М-м-м... да?

— Селани! — рявкнула трубка мужским голосом. Высоковатым на мой вкус, но весьма грозным. — Ты почему не на репетиции?

Репетиция?!

— Я...

— Я-а-а-а! — передразнила трубка. — Немедленно в Ле Гранд! Ко мне в кабинет!

Прежде чем я успела вставить хоть слово, мне в ухо что-то щелкнуло, но вопреки привычным коротким гудкам воцарилась тишина.

— Эй? — на всякий случай позвала я.

Поскольку мне не ответили, вернула трубку на рычаг. Только сейчас заметила, что в самой сердцевине диска мигает камушек. Сияющий такой.

В общем, все понятно. Магтелефон.

Еще понятно, что начальство во всех мирах одинаково. Непонятно только, что мне делать с репетицией, потому что актриса из меня как из слона балерина. И то, мне кажется, из слона балерины сделать гораздо проще. Тот случай с новогодним утренником был не единственным, в школе меня пытались включить в спектакль, на роль служанки для мачехи Золушки. Я вышла на сцену, увидела полный зал учителей, родителей и школьников, и залипла. К счастью, не растерялась одноклассница, которая играла мачеху, она пинками выпроводила меня за кулисы за нерасторопность и спасла спектакль.

В общем, в том, что касается актерского мастерства, Ира Илларионова — полный профан. И ведь умею общаться с людьми, с детьми так вообще чувствую себя замечательно, но когда вижу толпу, в которую надо говорить — меня как будто вырубает. Я либо начинаю нести полную чушь, либо молчу и глазами хлопаю. Подозреваю, что это из-за той выволочки, которую мне дядя Игорь после елки устроил, но справиться с детской травмой пока не могу.

Еще подозреваю, что вряд ли такое оправдание устроит звонившего, но надо что-то решать. Пока я не знаю, как вернуться в свой мир, игнорировать этот по меньшей мере глупо. Но даже если

бы мне это удалось, я сейчас не в своем теле и настоящая Селани не заслуживает проблем, в которые я вляпаюсь, пока она... гм, отсутствует. По идеи, если я вернусь в свой мир, она вернется сюда...

Ой.

При мысли об этом я окончательно уверилась в том, что нужно ехать.

Хотя бы потому, что мне не хотелось бы вернуться домой и обнаружить, что меня уволили и что заведующая при виде меня крутит у виска пальцем.

Решено!

Сейчас поеду в театр, поговорю с начальством Селани и попытаюсь объяснить, что я не здоровая. Не знаю, устрицами там, отравилась. Или чем у них тут травятся... Это позволит выиграть время, пару дней, например, а потом я (надеюсь) найду способ вернуться домой.

— Накрыли обед, мирэль Тонэ. — Служанка возникла рядом со мной. — Все, как вы любите: на крыше, с видом на площадь.

Все как я люблю!

— Я передумала, — сказала, прикидывая, как бы узнать ее имя.

— Еду в театр. Предупреди водителя, пожалуйста.

Девушка кивнула:

— Хорошо, сейчас скажу Луарду.

Судя по тому, что она ничуть не удивилась, «передумала» для Селани было обычным делом, а я в очередной раз вспомнила о записной книжке.

Луард, водитель, водитель, Луард. Это я повторяла, пока поднималась наверх.

Сборы много времени не заняли, на туалетном столике Селани Тонэ обнаружилось все необходимое. Пудра сделала лицо бледнее, губы я красить не стала, еще и слегка растушевала под глазами темные тени, из-за чего стала похожа на жертву маньяка или панду в стиле ретро. Ну ладно, до панды я по окружным габаритам не дотягивала, а вот до жертвы маньяка — вполне, особенно если с воплями носиться по дому.

На выходе меня встречал Луард, который слегка округлил глаза. Тактично кашлянул, но все-таки распахнул передо мной дверцу:

— Мирэль Тонэ.

Я опустилась на мягкое кожаное сиденье, отметив навесную крышу, сверкающий ослепительной белизной лак и хром на ручках. Не представляю, как они здесь называются.

Водитель повторно округлил глаза, но снова ничего не сказал. Обежал машину, я же старалась не пялиться на старинный торчащий из пола рычаг и руль в кожаной одежке. А вот ключей здесь вообще не было, но в следующую минуту я уже поняла, как она заводится. Едва опустившись на сиденье, Луард достал из кармана камень и вставил его в небольшое углубление на панели, рядом с рулем. Ромбовидный камушек вспыхнул, рассыпая сияние, и автомобиль ожила.

Мы прокатились по подъездной дорожке до распахнутых ворот и выехали на улицу.

Сейчас, когда моя голова больше не напоминала чугунный колокол, я прилипла взглядом к стеклу. Сначала замелькали ухоженные домики, все как на подбор трехэтажные, явно соревнующиеся друг с другом по вычурности отделки и красоте завитушек на тяжелых воротах. Я даже вывела формулу: чем больше завитков и крендиблей на решетке, тем больше позолоты на фасаде, а еще лепнины и прочей отягчающей архитектурный ансамбль красоты.

Из обители золота и сияния мы выехали на улочку, ведущую вниз, и я сразу забыла обо всем на свете. Дорога шла под гору, а внизу открывался такой вид, что перехватывало дыхание. Безбрежное море переливалось всеми оттенками синего и бирюзы. Смягченная слепящим солнцем, которое еще не собиралось садиться, но уже всерьез об этом подумывало, вода напоминала растянутое на ткацком станке полотно, по которому изредка проходила легка рябь волн. Я настолько засмотрелась на эту красоту (в отличие от позолоты и лепнины совершенно естественную), на подступающую к кромке воды нитку берега, на которую были нанизаны бусины вилл, на белые пятнышки яхт, на возвышающиеся над ними горы, что чуть не пропустила явление Ле Гранд.

Огромные буквы были отлично видны даже с большого расстояния.

Театр расположился на набережной, на огромной уходящей в воду площадке, и напоминал... гм, алмаз. В том, что здесь все помешаны на драгоценных камнях с магической составляющей, я уже убедилась, но понятия не имела, что настолько. Алмаз, то есть театр, стоял на острие, из-за чего создавалось ощущение, что он парит над окружавшей его площадью. Сама площадь представляла собой круг, к которому с воды протянулись ниточки причалов, а с суши — подъездные дорожки. К одной из таких мы и спускались, петляя по извибающемуся змеей склону дороги, и чем ниже мы опускались, тем больше алмаз вырастал над нами.

А он точно не грохнется?

Я поняла, что спросила это вслух, когда водитель в очередной раз на меня вылупился.

— Я что-то не то сказала?

— Вы сегодня немного странная, мирэль Тонэ.

— Это почему же? — решила сразу уточнить, что делаю не так.

— Во-первых, вы никогда не садитесь на переднее сиденье.

— А во-вторых?

— А во-вторых, с чего бы ему падать? — Луард покосился на меня. — Его держит магия кольца из девяти ардунийских камней.

Ну кто бы сомневался.

— Я пошутила. По-шуттила, Луард! Представляете, что будет, если он грохнется?

Водитель покосился на меня.

— Погибнет много людей.

Да, с чувством юмора у Луарда туда.

— Еще вы никогда не называли меня Луардом и не выходили из дома если... — мужчина замялся, — неважно себя чувствуете.

А у меня туда с конспирацией. Ладно хоть грим под панду удался. То есть под неважно чувствующую себя девицу.

Приободрившись этой мыслью, решила по возможности меньше говорить и больше слушать. Машина вкатилась на подъездную дорожку и остановилась у самого острия. Отсюда, конечно, это было никакое не острие, а вполне себе квадратная низушка, то есть вход. Огромные стеклянные двери приглашали в холл со всех четырех

сторон, и, если сооружение такое шикарное снаружи, я даже не представляю, какое оно должно быть внутри.

Кстати, о внутри.

— Проводите меня к мируару Фриэлю? — слабым голосом попросила я и для достоверности потерла виски. — Я действительно не очень хорошо себя чувствую и буду очень вам признательна.

— Разумеется, мирэль Тонэ.

Вот и чудесно.

— Только сначала мне нужно будет отогнать автомобиль. Здесь запрещено парковаться.

Кивнула, и, стоило водителю подать мне руку, задрала голову. Снаружи «алмаз» был непрозрачным, а вот внутри... Внутри все выглядело роскошно. Огромный холл переливался проникающим сквозь грани солнечным светом, из-за чего узоры на мраморе казались золотыми. Колонны, щедро увитые лепниной, хрустальные люстры, лестница и лифты, а еще балконы, перила которых представляли собой сделанные из золота завитки. Не успела я как следует проникнуться помпезнстью Ле Гранда, как ко мне подлетел Луард:

— Мирэль Тонэ! Что вы здесь делаете? Нам же нужен служебный вход.

Ах, да. Служебный вход.

— Зашла полюбоваться. — Я капризно надула губы. — Мне так редко удается посмотреть на театр со стороны зрителя...

Луард пробормотал что-то неразборчивое и потянул на себя тяжелую ручку, открывая передо мной дверь.

Служебный вход оказался за алмазом, и, коротко поздоровавшись с администратором в форменной одежде, я оперлась на руку водителя. К счастью, по пути нам никто не попался, и у кабинета звонившего мы оказались в считанные минуты. За это время я успела насладиться мягкостью ковровой дорожки, поглощавшей стук каблуков, поглазеть на бесчисленные настенные светильники в форме алмазов и хотя бы приблизительно сложить в голове план разговора.

Я опоздала на репетицию, потому что приехала домой и неважно себя почувствовала. Вот только прилегла на минуту-другую, как провалилась в сон и забылась, поэтому я очень-очень прошу меня

извинить и предоставить отпуск за свой счет, ну или как это у вас там называется, но мне вот позарез нужно вернуться в свой мир. То есть отдохнуть, буквально пару дней, после чего я свеженькая как огурчик вернусь и сыграю роль так, что все упадут.

На этой оптимистичной ноте я действительно поверила в то, что у меня все получится, поэтому даже когда мы затормозили у кабинета с массивной дверью и тяжелой бронзовой ручкой, подвоха не заподозрила. Водитель с явным облегчением от меня отцепился и кивнув — мол, жду снаружи, ретировался, а я постучала и прошла в кабинет. То есть сначала в приемную.

Сидевший за столом секретарь вздернул голову, но тут же поморщился и ткнул в сторону соседней двери.

— Ждут-с.

Я рванула на себя дверь и вошла в кабинет, не забыв предварительно прижать пальцы к виску:

— Мишуар Фри... — начала было я, но договорить не успела.

Во-первых, кресло за столом пустовало. А во-вторых, меня притянули к себе так резво, что я не успела даже пикнуть. Притянули, облапав за нижние девяносто (или сколько там было у Селани), а потом ткнулись горячими губами в шею.

Да, к такому повороту событий жизнь меня не готовила.

И к такому тоже: когда мужская рука скользнула под платье, задирая подол, я извернулась с несвойственной мне сноровкой и отскочила в сторону. Это дало возможность наконец-то рассмотреть владельца кабинета (а может, и всего театра, судя по табличке «антрепренер» на обратной стороне двери). Невысокий, едва достающий Селани макушкой до подбородка, широкоплечий, с намечающимся пузиком, которое, однако, пока еще удерживали плотно застегнутая рубашка и пиджак. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад и так щедро пропитаны гелем, что я не представляла, как он их вечерами расчесывает. Лицо — скорее привлекательное, с крупными чертами и особенно выдающимся вперед носом с горбинкой, губы не по-мужски мягкие, а глаза... глаза сверкают, и что-то мне это совершенно не нравится.

— О-о-о, мой фидруарчик хочет поиграть? — произнес мужчина, вскинув густые брови.

Фидру... кто? В следующую минуту меня перестало это интересовать, потому что, хитро подмигнув, он повернул ключ в замке и двинулся в мою сторону.

— Послушайте, мистер... мессир... мируар...

— Какая ты сегодня игривая! Грэг, Ани, для тебя просто Грэг... Но я не возражаю, если ты будешь звать меня мируар Грэг.

А вот это уже катастрофа!

Я попятилась, наткнулась попой на стол и пятой точкой проехала по нему вправо.

— Ар-р-р! — изобразила оголодавшего тигра надвигающаяся катастрофа. Даже пальцами шкрябнула по воздуху для достоверности.

Не знаю, есть ли в этом мире дикие кошки, но дикие антрепренеры точно водятся.

— Грэгуар Мирг... то есть...

На меня прыгнули прямо к столу, я соскользнула с уголка, но больше ничего сделать не успела. На сей раз меня сграбастали в объятия с такой силой, что перехватило дыхание, а потом на этот самый стол вернули, и что-то мне подсказывало, совсем не для того, чтобы поговорить о репетиции.

— Муя...

Шлеп!

Я вовремя подхватила первую попавшуюся папку, которую антрепренер поцеловал взасос, а следом стоявший поблизости графин, содержимое которого перекочевало прямо на пылающего от страсти мируара-ягуара. Взвыл он совершенно по-человечески, после чего как ошпаренный отскочил от меня на пару метров.

Я же, наконец почувствовав свободу, твердо вскочила на ноги (насколько позволяли каблуки): в одной руке папка, в другой графин. Кажется, идея с «плохо себя чувствую» бездарно провалилась.

— Совсем с ума сошла?!

— Назад! — предупредила воинственно.

— Ну разумеется! — Он выдернул платок из кармана пиджака с таким треском, что чуть не оторвал сам карман, и принялся вытираять залитое водой лицо. — Думаешь, построила глазки Демаре, и он уже у твоих ног? Так вот, моя дорогая Ани, это не про него!

— Демаре?

Демаре!

— Не строй из себя невинность! — рыкнул он, багровея лицом до перезрелого томата в стадии «сейчас брызну». — Луард позвонил мне сразу, как вы вернулись, и рассказал, что ты сегодня ездила к Демаре! Думаешь, я не понимаю, что это значит?

Ну почему же, я понимаю. Луард помимо водителя при Селани подрабатывает стукачом, а Селани, кажется... Тоже подрабатывает.

— Полагаю, не стоит напоминать, что дом, в котором ты живешь, принадлежит мне! — Грегуар вскинул вверх свой сосисочный палец. — И не только дом, но и платье, в котором ты сейчас вертишь своим соблазнительным задом направо и налево, и туфельки, и чулочки, и диадема...

Да поняла я, поняла: Селани вся его с потрохами. То есть содержанка.

— Помимо этого, — антрепренер отогнул второй палец, — актриса из тебя никакая! Ты ни одной роли толком не вытягиваешь, на тебя уже жаловались все, кому не лень!

— За что? — поинтересовалась я, стратегически отступая к двери.

Мне сейчас главное в приемную выбраться, пока он опять не решил, что я с ним кокетницаю.

— За что?! Ты играешь медсестру в военном госпитале, а ведешь себя как танцовщица из кабаре!

Он шагнул было ко мне, но я вскинула руку с графином, и мужчина остановился.

— В общем, так! Либо ты сейчас же обещаешь мне, что больше никогда... слышишь, никогда ни на шаг не приблизишься к дому Демаре, либо ты уволена!

В общем-то, пообещать я могла (не имею ни малейшего желания приближаться к дому Демаре), но после этого мне вряд ли удалось бы обойти антрепренера по окружности: в процессе этого маневра Грегуар крутился вокруг своей оси, ни на миг не выпуская меня из виду. Только оказавшись у двери, я водрузила графин на секретер, а папку на всякий случай по-прежнему держала в руке.

Прости, Селани, но кажется, тебе придется искать новую работу.

— Ладно, — сказала и быстро повернула в замке ключ.

— Ладно?! — взвыл Фриэль не своим голосом, но я уже рванула дверь на себя и выскочила в приемную.

Секретарь, завидев меня, снова скривился, а в следующую минуту подскочил.

— Ты пожалеешь! — Вслед за мной вылетел директор Ле Гранд.

— Слышишь, Селани, ты пожалеешь!

Уже жалею, ага. Вот прямо сейчас и жалею.

— У тебя есть сутки, чтобы убраться из моего дома!

Я остановилась, словно на невидимую стену налетела.

Обернулась, чтобы встретиться с торжествующим взглядом Грегуара и поймать отвисшую челюсть секретаря. Тоже взглядом, разумеется, потому что чужие челюсти не моего ума дело. Точно так же, как и чужие дома, и чужие любовники! Мелочные, к слову сказать.

Я протопала обратно, мимо секретаря: он снова опустился за конторку и подпер подбородок руками. Видимо, чтобы все-таки не потерять челюсть. Выразительно посмотрела на антрепренера, который уже праздновал победу, и безразлично произнесла:

— Да пожалуйста!

— Не только дом, слышишь, Селани?! Всю одежду, все драгоценности, которые я тебе подарил!

А я что говорила? Мелочный жлоб!

— Подавись! — отмахнулась.

— Заберешь хоть что-нибудь — заявлю в полицитариат!

— Не заберу, — хмыкнула я. — Оставлю тебе все платья, будешь надевать на светские приемы. С чулочками в сеточку.

Теперь челюсть отвисла у Грегуара.

Секретарь следил за происходящим со всевозрастающим интересом. Тонкие усики на треугольном лице подергивались, словно он как мышь принюхивался к свежей головке сыра.

— Будешь ходить пешком и спать под мостом! — рявкнул антрепренер.

— Лучше спать под мостом, чем спать с тобой! — парировала в багровое лицо.

Сунула папку, которую чуть не утащила с собой, ему в руки, после чего развернулась и направилась к дверям.

— Сегодня же съедешь! — ударило мне в спину волной антрепренерского гнева. — Прямо сейчас! Ключи Луарду отдай!

Но я уже вылетела за дверь, кипя от негодования. Так хлопнула ей, что у самой зазвенело в ушах, а после устремилась по коридорам предположительно в сторону, откуда меня привел Луард. Честно говоря, его сейчас тоже видеть не хотелось, особенно после того, что я узнала. Увы, выхода у меня не было, но позволить себе пятнадцать минут без Грегуаров, их прихлебателей и прочих я точно могу.

Основательно поплутав по коридорам, я все-таки вышла в холл, в тот самый, в который забрела, совершенно забыв про служебный вход. Мне распахнули дверь, и я устремилась на свежий воздух, уж что-что, а воздух здесь был действительно свежий. Пронзительный, звенящий, напоенный солью и солнцем.

Цокая каблуками по плитам, которыми была выложена площадь, приблизилась к металлическому парапету. Находился Ле Гранд довольно высоко, внизу камень облизывали волны, и я подумала, что в случае шторма театр наверняка защищает то же самое кольцо. Справа протянулась длинная лента набережной, слева — пляжи, за которыми вырастали очертания роскошных вилл.

Поздравляю, Ира, ты ББИ. То есть Бездомная Безработная Иномирянка.

И что с этим де...

Развернувшись, чуть не кувыркнулась от неожиданности за парапет: прямо на меня наступал внушительного роста мужик.

Глава 3

Сигарные разговоры

Фернан Демаре

Фернан отвлекся от изучения отчета по шахтам на восточном побережье и взглянул на часы. Большие, напольные, из темного дерева, с серебряным маятником и стрелками, показывавшими время даже в темноте. Они, по словам антиквара, были старинными и единственными в своем роде. Именно поэтому Жизель, не

раздумывая, отвалила за них двенадцать тысяч бронов на аукционе. Она любила все эксклюзивное и без сожаления тратила деньги на раритеты. Правда, для гостиной часы не подошли, в холле тоже в интерьер не вписались, зато сразу прижились в кабинете.

Фернану они нравились тем, что всегда показывали точное время, никуда не спешили, но и не опаздывали, работали без сбоев. Если бы все люди были так же точны, мир, без сомнения, стал бы лучше.

Вот и сейчас стрелки замерли ровно на четырех часах пополудни.

Его девочки познакомились с новой няней в обед, и в доме пока все спокойно. Это означало, что чутье не подвело его и на этот раз. Оно вообще редко его подводило, и алмазная империя была тому подтверждением.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Фернан вернулся к отчету и потянулся к оставленной в пепельнице сигаре, но не успел поднести ее к губам, как стол дернуло, пепельница опрокинулась на пол, а его самого подбросило в кресле.

По дому ураганом пронесся сильнейший магический всплеск и шел он со стороны сада, где в это время обычно гуляли...

Девочки!

Фернан забыл и про сигару, и про отчет. Вообще забыл обо всем на свете. Расстояние до холла он преодолел в считанные секунды, где и столкнулся с дворецким, перепрыгивающим через ступени ведущей на второй этаж лестницы.

— Этиль, что произошло?

— Бассейн, мишуар Демаре! Механизмы отказали... и вода...

— Где девочки?

Вопрос был риторическим, потому что через минуту они уже оказались во внутреннем дворе.

Гигантский бассейн тоже был гордостью его жены, спроектированный каким-то всемирно известным дизайнером. Расположенный на возвышении, он занимал несколько ярусов, имитируя пороги горной реки. Глубина на всех ярусах была разной: наверху располагались мелководные чаши, внизу — глубокие. Самая

нижняя была утоплена в землю, создавая впечатление, будто находишься на берегу лазурного озера.

Увы, теперь в его доме бассейна не стало. Вода низвергалась с высоты подобно бушующему водопаду, смывая на своем пути розовые кусты, заливая землю до самой веранды. В этом Фернан убедился, когда спустился с крыльца и вступил в лужу. Выругался, пытаясь охватить взглядом всю видимую часть сада.

Где же они?!

— Па-ап! — крик донесся откуда-то сбоку.

Повернувшись, он заметил парящие в воздухе сферы, напоминающие мыльные пузыри. В них, словно в коконах, застыли близняшки.

Фернан коснулся перстня на пальце, и сферы притянуло к нему, словно магнитом. Плавно опустило на крыльцо, на которое он взлетел в одно мгновение. Сферы лопнули с тихим «дзинь», и девочки с плачем бросились к отцу. Уткнулись заплаканными лицами ему в штанины и наперебой стали жаловаться. Вот только сквозь детские рыданья было сложно что-либо разобрать.

Фернан опустился, обнял близняшек и строго сказал:

— Тихо!

Аделин икнула и заплакала еще громче, Кристин же распахнула голубые глаза и посмотрела так испуганно, что у него дрогнуло сердце. Вот и как с ними проявлять строгость?

— Кристин, Аделин, — мужчина постарался, чтобы голос звучал мягче, — объясните, что случилось.

— Вода рванула! — всхлипнула первая.

— Как фонтан... Прямо в небо!

— А потом вниз как хлынет! Чуть нас не задела!

— Мы так испугались, — добавила вторая.

— Очень! Но активировали сферы...

— Как ты и просил, — девочки синхронно коснулись миниатюрных колечек на пальчиках.

Близняшки все время общались вот так: дополняя друг друга, добавляя подробности, а иногда и вовсе одна заканчивала начатое другой.

— Молодцы, — похвалил их Фернан. Кольца были его идеей, они защищали девочек от неожиданностей. Вроде этой.

Осталось понять, что вообще произошло. Но с тем, почему механизм вышел из строя, он разобраться успеет.

— Где мирэль Барр?

Близняшки насупились.

— В бассейне.

— Что?!

— Она предложила нам с ней поиграть! — выпалила Аделин.

— Ага, — поддакнула Кристин, комкая платье. — И мы согласились.

— Она погналась за нами.

— И поскользнулась.

— И упала в бассейн! — горестно закончили хором.

Фернан едва сдержался, чтобы не выругаться снова. Но не при детях же.

— Где она сейчас?

— Мишуар Демаре! Мишуар Демаре!!! — ворвался в их разговор голос Жужжена.

Вот и няня нашлась.

Дворецкий как раз вытаскивал женщину из бассейна. Упираясь ногами в скользкую землю, помог ей выбраться и усадил на скамейку. В отличие от няни, не перестававшей дрожать и кашлять, платья близняшек и их темные кудряшки совсем не намокли.

— Мирэль Барр, как так получилось, что вы играли с детьми в потенциально опасном для них месте?

— Потенциально опасном? — взвизгнула няня, вскочив на ноги и прижимая к себе пиджак дворецкого, который тот набросил ей на плечи. — Это ваши дети потенциально опасны, мишуар Демаре!

Ее макияж потек, оставив некрасивые следы на щеках, отчего новоиспеченная гувернантка стала похожа на пятноглаза, что водился в восточных лесах. Глаза ее лихорадочно блестели, а указательный палец был обличительно направлен в сторону девочек.

— Они... Они — это просто кошмар! Я воспитывала многих детей, но нормальных! И те не толкали приличных людей в воду!

— Мы вас не толкали! — воскликнула одна из девочек.

Фернан не разобрал кто, потому что в тот момент пристально изучал няню.

— Осторожнее, мирэль Барр, — обманчиво спокойно произнес он. Так спокойно, что у Жужжена дернулся правый глаз. — Вы сейчас говорите о моих детях.

— Это не дети, мириар Демаре, — не унималась женщина, — а маленькие чудовища! Они не только толкнули меня в бассейн, но и сделали так, чтобы он взорвался. Вы даете им магические кристаллы и позволяете творить невесть что. Я бы на вашем месте задала им хорошую трепку!

Фернан смерил няню тяжелым взглядом. К тому моменту раздражение уже перешло все мыслимые границы и прорвалось рычанием сквозь сжатые зубы:

— Предлагаете мне наказывать детей?

— Увы, другие методы здесь бессильны.

— Я больше не нуждаюсь в ваших услугах.

— Что?! — ахнула женщина.

— Вы уволены.

Дальше он слушать не стал, велел слуге проводить несостоявшуюся воспитательницу из особняка.

Пара часов. Это был рекорд. К тому же ситуация была довольно незаурядной, потому что на этот раз он сам уволил няню. Обычно те уходили без его вмешательства. Некоторые даже сбегали, не попрощавшись.

— Пап, мы не нарочно, — хлюпнула носом Аделин, подергав его за штанину.

— Не верь ей, пожалуйста, — невинно взмахнув ресницами, попросила Кристин.

На доверчивых мордашках отражалось вполне искреннее раскаяние. Опустившись на корточки, Фернан подхватил своих крошек, хрупких, как цветы из оранжереи, на руки. Одним рывком, и они завизжали, теперь уже от восторга.

— Ну и что на этот раз? — устало поинтересовался он.

— Что? — хором спросили девочки.

— Чем вам няня не угодила?

Они переглянулись, словно общались мысленно, и Кристин слегка кивнула.

— Она слишком строгая, — наморщила носик Аделин, в глазах которой больше не было ни слезинки.

— И не любит играть.

— Совсем.

Как и все предыдущие. Мало кому хватало терпения и сил совладать с таким неугомонным дуэтом. Кто бы мог подумать, что будет так сложно найти женщину, которая любит играть?

Играть...

Почему-то в голове возник образ Селани Тонэ. Возник и отказывался его покидать.

«Когда они начинают сходить с ума, я умею установить границы», — эта фраза отчетливо отпечаталась в памяти. Как и все подробности их разговора.

Похоже, играть мирэль Тонэ все-таки умела. Он сам почти поверил в ее слова.

— Ты поиграешь с нами, пап? — вернул его в реальность звонкий голосок Кристин.

— Вы же знаете, вашему отцу нужно работать, — вздохнул Фернан.

— Пожалуйста! — сложила ладошки Аделин. И они обе посмотрели на него огромными чистыми, как небо над Лазурным берегом, глазами.

На столе его дождался отчет по шахтам, и еще много всего. Но в сознание занозой впились слова клятой актрисульки о том, что у него нет сердца.

У него есть сердце!

— Хорошо, — кивнул он. — Но недолго.

Близняшки радостно обхватили его руками за шею и прижались еще крепче.

А Фернан подумал о том, что ему снова нужна няня. И чем скорее, тем лучше.

Ира Илларионова

Секунду или две мы буравили друг друга взглядами. А потом он, издав воинственный клич, бросился ко мне.

Мамма мия, санта Лучия! А этому-то что от меня понадобилось?!

Выражение лица самое что ни на есть зверское, глаза навыкат. Как еще слюна изо рта не капает. Рычит не хуже бульдога. И зубы так натурально скалит…

Чувствуя себя красной тряпкой, на которую прет разозленный тореадором бульдобык, я тоненько пискнула и, не придумав ничего лучшего, попыталась перелезть через парапет. Глупо, конечно, если не сказать безумно, но в тот момент контролировать свои поступки мне было сложно, вот я и полезла.

— Ненормальная! — совсем не по-мужски завизжал этот потный детина, подлетая ко мне. — Ты чтотворишь?!

— От вас спасаюсь. — Платье-чехол и шпильки не придавали мне маневренности, поэтому перелезть я никуда не успела. К счастью, наверное. — Не подходите! — испуганно отскочив, на всякий случай выставила вперед руку и замахнулась сумочкой.

Небось, еще один селаниеевский ухажер. Как будто мне было мало месье Яго. Ягуара то есть. Тьфу ты! Грегуара!

— Ты была на репетиции?! — не впечатлившись сумочкой, зашипел незнакомец.

Сжал руки в кулаки (одним таким можно запросто отправить в нокаут) и продолжил свое наступление.

А я — отступление.

— Не была, — отодвинулась еще на шаг, потом на два и едва не застонала, когда каблук угодил в выбоину в плитах, и, судя по подозрительному треску, не выжил.

— А что же Грэг… Ну то есть Мируар Фриэль?!

— А мируар Фриэль, наверное, был, — съежилась под полыхнувшим безумием взглядом.

— Ты виделась с ним? Что он тебе сказал?! Нет! Что *ты* ему сказала?!

— Что… увольняюсь? — огляделась по сторонам, гадая, как бы половчее скинуть туфли, чтобы было удобней бежать до театра. Выражение лица сталкера, зачехленного в элегантный костюм-тройку, если честно, пугало.

— Дура! — взвыл черноволосый, да так громко, будто ему только что на больную мозоль наступили или Луард проехал по ноге колесом. — Какая же ты дура! Ты все испортила!

К чувству страха прибавилось раздражение. Ну знаете ли. Нападает, пугает, оскорбляет. Наверное, и правда настало время звать Луарда.

Чем я и пригрозила. Водитель ростом и шириной плеч будет не меньше этого бугая.

— Все, адью, — попрощалась холодно. Доломав каблук, прихрамывая, поковыляла в сторону театра. Там ведь должна быть какая-никакая охрана.

— Постой! — удержал меня за руку мужик в клеточку, вызвав в моем теле массовое самоубийство последних оставшихся в живых нервных клеток. — А как прошла встреча с Демаре? Только не говори, что ты и на собеседовании провалилась! Он тебя взял?

Да чтобы всякие Демаре меня брали?!

И куда только мысли сползают...

— Извините, а вам что за дело? — дернула локтем в попытке сбросить ручищу преследователя.

— Какое ты произвела на него впечатление? — не обращая внимания на мои попытки от него избавиться, продолжал докапываться подозрительный тип, пяля на меня свои темные, горящие нездоровым любопытством глаза. — Ему понравилось? О чем он тебя спрашивал?

— Не знаю, понравилось ли мируару, а вот мне однозначно нет. Всего доброго, сэр.

На этот раз бульдобык не стал меня задерживать, но и оставлять в покое тоже не спешил. Шел следом и назойливо дышал в затылок:

— Ладно, сам-а... Я сам! Разберусь. А ты сиди пока дома и никуда не высовывайся! Тебе ясно?!

Легко сказать, сиди дома. Не высовывайся. А как мне в нем сидеть, если у меня больше нет этого самого дома? Тело забрали, из мира родного выбросили. Теперь вот еще и из дома не родного выставляют. И куда мне здесь бедной податься? К кому?

Я никогда себя не жалела, слезы лить не любила, но в тот момент мне стало так за себя обидно, что захотелось вот прямо сейчас взять и

разреветься. Что я и сделала. Шмыгнула носом и поняла, что все, не могу больше держать это в себе. С горем пополам добралась до кованой скамейки, сидя на которой можно любоваться лазурью неба, незаметно перетекающей в морскую. Но сейчас мне было не до лазурей и не до любования.

— Мируар Фреон... Фриэль... ик... выгнал меня... ик... из до-о-ома-а-а...

Незнакомец пристроился рядом, а я была настолько поглощена своими переживаниями, что даже не подумала от него отодвинуться.

— Ну все, все, прекрати, — проговорил он успокаивающее, после чего добавил ворчливо, но без тех рычащих ноток, от которых у меня на всем теле волосы вставали дыбом: — И так на чучело похожа, — вздохнул горестно. — Я же сказал: все решу! Только успокойся и перестань ныть. Из-за слез ты начинаешь краснеть и лицо распухает. Смотреть жалко! Пойдем, провожу к машине.

Мужчина подал мне руку, в которую я растерянно вложила свою.

— Сейчас поедешь домой... То есть в дом мируара Фриэля и соберешь вещи. И проведешь там ночь. Он не зверь, чтобы выгонять милую девушку вот так на ночь глядя.

Насчет не зверь я бы поспорила.

— А завтра с утра я приеду за тобой и заберу к себе, — закончил он.

«Может, старший брат Селани?» — мелькнула мысль. Вон как проникся, когда узнал обо всех моих бедах.

Нужно это выяснить наверняка, кем он приходится актрисе, и тогда уже продумать стратегию поведения: быть сумочкой или благодарить. А вообще, мне здесь помощники как воздух нужны. Потому что, если этот жлобский Фриэль и правда меня выгонит, я останусь без крыши над головой. А остаться без работы и крыши над головой в незнакомом мире — это даже хуже, чем поститься после трех каждый день.

Передав меня из рук в руки Луарду, поприветствовавшему незнакомца почтительным «мируар Шерро», этот самый Шерро помчался все разруливать и улаживать или куда-то еще. А я продолжила ломать голову над тем, какое место в его жизни занимает мирэль Тонэ.

Селани Тонэ

Дверь ей открыл дворецкий. Просиял до блеска начищенной туфлей и, чуть не впечатавшись в пол лбом (так старательно кланялся), отошел в сторону, пропуская гостя.

— Мируар Шерро! Пожалуйста, проходите!

Селани передернуло от произнесенного вслух ее-чужого имени, но она тут же взяла себя в руки и постаралась ответить на подобострастную улыбку Жужжена неким подобием улыбки. Хоть вместо расшаркиваний с подлизой с удовольствием бы впечатала его в этот самый пол. С кулаками Десмонда и силой, которая в нем, в ней, так и бурлила, она могла поддаться этому искушению и раскатать дворецкого черно-белым ковром.

Но пришлось сдержаться, хоть руки и чесались.

При виде нее Жужжен вечно строил кислую мину, а иногда так кривился, словно впускал в дом Демаре не очаровательную молодую женщину, талантливую актрису, а большую зеленую муху, за которой, точно знал, ему потом придется гоняться по всем комнатам с мухобойкой.

— Фернан у себя? — деловито осведомилась Селани, получив в ответ заискивающее:

— Сегодня из дома работали. Сами понимаете, няни... Уверен, мишуар обрадуется вашему визиту. Ему необходимо отвлечься. Знали бы вы, что тут случилось!

— И что же у вас опять стряслось? — спросила актриса, вся внутренне ежась от низкого звучания своего собственного голоса. Ну то есть, конечно же, не ее — чужого. Непросто будет привыкнуть к этим грохочущим ноткам...

Хотя с чего это она вдруг должна привыкать?! Не получится самой разобраться с проблемой, отправится в МОРГ с заявлением. Пусть вытаскивают из ее тела эту приблудную и возвращают его законной хозяйке!

Селани была почти уверена, что душа, угодившая в ее совершенную, идеальную оболочку, не принадлежит Десмонду. Тот бы не растерялся, а действовал. Уж точно не шлялся бы по театрам, не размазывал по щекам тушь и не выглядел таким потерянным.

Покинув дом Шерро, актриса первым делом отправилась к себе и допросила служанку. Полин не удивилась столь неожиданному проявлению интереса со стороны незнакомого мируара, потому как поклонники часто интересовались ее хозяйкой, что приводило в бешенство ревнивца Грегуара. От служанки Селани узнала, что, вернувшись домой с собеседования, мирэль Тонэ почувствовала себя неважно. Да еще и вела себя странно. Как будто чего-то боялась.

Проверить, иномирянка это или нет — труда не составит. Скорее всего, так оно и есть, потому что Селани прежде не доводилось слышать, чтобы эонцы скакали в тела друг друга, как блохи. А с пришельцев из других миров станется! Не зря же их сразу отлавливают и куда-то прячут. Или что там в МОРГе с ними вытворяют.

От Мальмарского отдела розыска гостей из другого мира Селани предпочитала держаться подальше, как и от полиссаров, да и вообще от любых представителей органов правопорядка. Непростое прошлое обязывало... Да и вообще, вдруг и правда такого прежде не случалось: чтобы души телами менялись. Как начнут изучать этот феномен, ставить над ней опыты... А превращаться в подопытного кролика Селани желанием не горела. И телом своим тоже рисковать не хотела.

Девушка решила подождать, не действовать сгоряча. Тем более что у нее созрел интересный план, и ей не терпелось начать воплощать его в жизнь. А побывать в МОРГе она всегда успеет. Главное, заставить чужачку слушаться ее во всем, помалкивать и беречь тело. Ну и Фернана подтолкнуть к нужным ей умозаключениям.

— ...А потом заявились эта пигалица. Актрисулька! Вы ее, наверное, и не помните, — прервал ход мыслей девушки мажордом.

— Мирэль Тонэ? — уточнила Селани, встрепенувшись, хоть и так прекрасно знала, о ком говорит этот напомаженный сноб.

— Она самая! — слуга пренебрежительно фыркнул.

— И до чего они с Фернаном договорились?

— До того, что мируар ее взял и выставил, — злорадно сообщил дворецкий, и Селани подумалось, что на паркете в гостиной его расплощенная голова смотрелась бы куда интересней.

Миновав просторную комнату, они вышли в коридор, освещенный несколькими бра, формой напоминавшими распустившиеся бутоны цветов.

Кажется, этот коридор вел на веранду и к бассейну.

— Вы же знаете, как она его нервирует.

Селани не знала и предпочла бы и дальше об этом не знать. Расстроенно поджала губы, но потом решила не обращать внимания на слова усатого высокочки. Пусть битва проиграна, но победа в войне останется за ней! И полгода не пройдет, как ее пальчик будет украшать то расчудесное колечко, которое она не далее как два дня назад видела в витрине одного из бутиков Демаре.

Главное сейчас, действовать осторожно, не отчаиваться и не паниковать.

— Нашли хоть няню? — Селани задержала дыхание.

— Нашли, — кивнул дворецкий и тут же со вздохом добавил: — И сразу потеряли.

— Что значит потеряли?

— Мируар изволили ее уволить.

— Вот как! — Селани задумчиво закусила губу. — Отчего ж так?

— Сейчас сами все увидите, мишуар Шерро, — ответствовал дворецкий, распахивая перед гостем широкие стеклянные двери.

На веранде в плетеном кресле сидел хозяин алмазной империи, в компании сигары и бокала оръятта многолетней выдержки. Фернан задумчиво смотрел куда-то вдаль и, проследив за его взглядом, Селани ахнула. Казалось, над многоярусным бассейном, которым она не переставала восхищаться, пронеслось настояще торнадо.

— Что здесь произошло?

— Произошли мои дочери, — со вздохом сказал Фернан и поднялся, чтобы поприветствовать друга.

От крепкого рукопожатия актрису бросило в жар, а от пристального пронзительного взгляда тело закололи тысячи невидимых иголочек. Селани опомнилась, лишь когда Демаре вопросительно вскинул брови. Мысленно на себя прикрикнув, поспешила сунуть пылающую ладонь в карман.

Стараясь вести себя так, как, по ее мнению, должен вести себя мужчина, пробасила:

— А принеси-ка мне, Жульен, чего-нибудь выпить. Да покрепче!

— Жужжен, — поджав губы, поправил гостя дворецкий, но тот даже ухом не повел в его сторону.

Селани чувствовала, ей и правда сейчас не помешало бы расслабиться, потому что в присутствии Фернана у нее, казалось, оголялись все нервные окончания.

Демаре указал на свободное кресло, расположенное по другую сторону круглого стола. Селани еще ни разу не доводилось находиться здесь вот так, в качестве гости. Расположившись в кресле, любоваться зеленым садом, затемненным вуалью сумерек. Дневной зной спал, и находиться на веранде сейчас было особенно приятно. Скользить взглядом по светлым резным перилам, по покатому навесу, с которого крупными ярко-фиолетовыми цветами ниспадала ольва — вечнозеленое растение, обладавшее едва уловимым сладким ароматом. Полумрак разбавляли светильники на веранде и мерцающие в саду кристаллы, напоминавшие застывших в воздухе светлячков.

— Это потому сбежала няня?

— Я уволил ее, — неспешно выпуская дым, ответил Фернан. Вспомнив, что не предложил гостю его любимые шевронские сигары, поспешил исправить эту оплошность и потянулся к нагрудному карману жилета. — Будешь?

Селани рассеянно кивнула. Дождавшись, когда Фернан с помощью золоченой гильотины отрежет кончик сигары, неумело ее запалила и глубоко затянулась. А в следующий момент почувствовала, как у нее из глаз сыплются искры. Девушка едва не задохнулась от кашля. Благо прискакавший вовремя Жужжен сунул ей в руки бокал с оръяттом. Который, как назло, неприятно обжег горло, и актрисе почудилось, что еще секунду-другую и она превратится в огнедышащего дракона.

— Пытаюсь бросить, — прохрипела, дрожащими пальцами впечатывая тлеющий кончик сигары в пепельницу и спеша отодвинуть ту от себя.

Ей нравились легкие сигареты, но никак не эта вонючая дрянь. Нравилось сжимать в узанных кольцами пальцах длинный

изящный мундштук, изредка подносить его к губам, соблазнительно их приоткрывая. А потом запивать горечь дыма игристым напитком.

Представив Десмонда с мундштуком в зубах, бокалом шипучего вина и наброшенным на плечи перьевым шарфом, девушка тряхнула головой, прогоняя неуместные мысли, и сосредоточилась на единственно сейчас важном — Фернане Демаре.

— И что ты теперь намерен делать? — Селани обвела взглядом учиненный близняшками погром.

— Искать новую няню. Вернее, я ее уже нашел.

— Да? И кто же она? — в голос помимо воли ворвалась досада.

— Дениз де Вьен.

— А-а-а... — не растерявшись, многозначительно протянула актриса и хитро покосилась на вмиг помрачневшего «друга».

Это была именно та реакция, на которую Селани и рассчитывала: Фернан нахмурился и резко спросил:

— Ты с ней знаком?

— Нет, представлены мы друг другу не были. Но я слышала... слышал, что мирэль де Вьен питает слабость к сильным мужчинам и крепким напиткам.

— Неужели? — обронил Фернан с легким оттенком раздражения. Селани часто закивала головой.

— А ты разве не знал, кого принимаешь на работу? Дамочка заменяет утренний въярн оръяттом, а на ночь вместо сноторного закидывается висентом. Первое, что я бы сделал на твоем месте, — это повесил на дверь погреба большой амбарный замок. Прежде чем впускать такую няню в дом.

По тому, как напряглась рука Демаре, сжимавшая сигару, Селани поняла, что ее маленькая хитрость сработала, и Алмазный король снова в поисках.

— Почему бы тебе еще раз не побеседовать с мирэль Тонэ? — как бы между прочим предложила она.

— Ты это серьезно? — Фернан недоверчиво посмотрел на друга.

— Вполне.

— И ты вполне способен представить эту актрисульку в роли няни? Я — нет.

Селани с трудом потушила в себе вспышку злости. Такой Фернан — циничный, холодный — ей совершенно не нравился. И в то же время, даже сейчас, когда в его голосе звучало столько пренебрежения, ее тянуло к нему как магнитом.

— Уверен, из нее получится отличная няня!

— С чего это вдруг? Она заявилась ко мне полуголая, вся разукрашенная. От нее за милю разило духами. Разве такие нанимаются в няни?

— Просто мирэль Тонэ так... самовыражается, — не растерялся лже-Десмонд. — Поверь, ей сейчас как никому другому нужна работа. Ее ведь попросили из театра.

— Бедняжка. — Фернан прикрыл глаза, с наслаждением вдыхая горький дым, всем своим видом показывая, что судьба какой-то там актрисы ему безразлична и совершенно неинтересна.

— Ее домогался антрепренер. А она его послала.

— Такие как мирэль Тонэ никогда никого не посыпают, — прозвучало издевательски, и Селани от досады едва не заскрежетала зубами. — Она ведь живет в его доме. Не сложно догадаться, чем расплачивается.

— Аренду вычитают из ее зарплаты!

— Откуда ты столько о ней знаешь?

— Признаюсь, в свое время я думал за ней приударить. Вот и наводил справки. Согласись, мирэль Тонэ — лакомый кусочек. Настоящая красавица!

В ответ Фернан неопределенно хмыкнул, и Селани к своей досаде так и не смогла понять, какого же он все-таки о ней мнения, ну или хотя бы о ее внешности. Актриса продолжила уговаривать мужчину с еще большим рвением, не без удовольствия отмечая, сколько выгоды она сможет извлечь из теперешнего ее положения близкого друга Демаре.

Так что, наверное, с визитом в МОРГ действительно можно повременить.

— Ну так почему не приударил?

— Мирэль Тонэ и мне отказалась.

Селани уже успела понять, жаль, с опозданием: легкодоступные женщины Фернана Демаре не интересовали. Как и всякий охотник, он

любил выслеживать, нападать, завоевывать. К счастью, еще не поздно исправить прошлые ошибки и начать все сначала.

— По-моему, недотрога — это не про Селани.

— Ты плохо ее знаешь!

— А ты — хорошо?

— Я же говорю, наводил справки. Кстати, она росла с тремя младшими братьями. И представь себе, как-то с нимиправлялась.

— Такое ощущение, что ты не в постель ее хотел затащить, а собирался на ней жениться! — резко проговорил Демаре. — Может, и с родителями уже успел познакомиться?

— Ты порой бываешь невыносимым! — вспыхнула актриса.

— А ты ведешь себя странно.

Селани вздрогнула под жестким, вдруг ставшим тяжелым взглядом и поняла, что на сегодня достаточно. Ей следует все хорошенъко обмозговать и решить, как действовать дальше. А пока...

— В общем, ты, конечно, сам смотри: приглашать в дом вертихвостку и алкоголичку или же вытащить из бедственного положения красивую, интеллигентную, талантливую(!) девушку. Лишившись работы, Селани останется и без крова. И, поверь, за должность няни она будет держаться руками и ногами. Такую как она разрушенным бассейном не напугаешь!

Сославшись на неотложные дела, Селани-Десмонд быстро простились и, провожаемая цепким взглядом Демаре, толкнула стеклянные двери, спеша покинуть «замок» Алмазного короля.

Глава 4

Няня в кустах

Ира Илларионова

Модный журнал, модный журнал, модный журнал...

Я вздохнула и отодвинула стопку (если так можно выразиться о горке, которая грозила вот-вот съехать со столика на пол) периодики в сторону. В библиотеке Селани Тонэ не водилось ничего, кроме журналов мод. Собственно, это место и библиотекой-то можно было назвать с большой натяжкой, поскольку стеллажи сверху донизу были забиты изданиями, знакомившими с последними тенденциями моды,

начиная от причесок и заканчивая духами, фирменными туфлями, сумочками и прочими милыми женскому сердцу безделушками. Рекомендации по созданию стиля, рекламы украшений, шляпок и прочих аксессуаров — все это, к сожалению, никак не могло мне помочь с возвращением домой.

Равно как целый один любовный роман, который пылился на нижней полке с закладкой на пятой странице, и пособие «Как стать гениальной актрисой» Вирджинии Несравненной. Не представляю, кому в голову пришло взять такой псевдоним и зачем, но это меня волновало в последнюю очередь.

Идея заскочить в местную библиотеку посетила меня слишком поздно, и сейчас я понимала, что к счастью. Во-первых, я смутно представляла, что искать, а во-вторых, сомневаюсь, что у них в библиотеках найдется книга «Как вернуться домой в свой мир. Пособие для чайников». Но даже если предположить, что она бы все-таки отыскалась, наверное, за мной бы уже кого надо прислали, если у них такой строгий контроль над иномирянами.

Словом, домой я не вернусь.

Не в ближайшее время, это уж точно, зато в ближайшее время стану той самой ББИ, о которой думала перед встречей с... с... Память отказывалась подсказывать имя очередного знакомого Селани, перед которым я так позорно разревелась. Если честно, решать проблемы слезами я не привыкла, но видимо, в тот момент у меня сдали нервы. Сейчас они вообще лопнули и вяло позывали, как музыка ветра, в аккомпанемент моим скорбным мыслям.

У меня нет дома.

У меня нет работы.

У меня есть тело актрисы (судя по всему, весьма посредственной, несмотря на советы Вирджинии Несравненной) и есть бывший любовник. Может быть, два. Насчет второго я была не уверена.

Хорошая новость: я понимаю язык обитателей этого мира или конкретно этой страны. Как так получилось — не представляю, но видимо, дело в голове Селани. То есть в ее мозгах, которые хоть и подхватили пролетающую мимо (как фанера над Парижем) меня, все равно сохранили способность различать язык.

Еще одна: непонятнолюбовникилинет обещал все уладить, но что он сделает, как, а главное — что за это потребует с меня, оставалось пока загадкой.

На этом хорошие новости заканчивались, поэтому «музыка ветра» начала вытренькивать похоронный марш. Знала бы я, что любимое Светкино выражение: «Куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдаться», материализуется и примет такие впечатляющие масштабы, не пошла бы на Машин голос в тот злосчастный туалет.

Хотя кому вру? Все равно бы пошла.

Для меня дети в саду уже стали родными. Мысль о том, что я никогда их больше не увижу, так же как маму с папой, Мишу и Светку, чуть было не заставила меня снова зареветь в голос, но я усилием воли затолкала ее поглубже. Если сейчас начну рыдать или того хуже — биться в истерике, меня сдадут в психушку. Может статься, и правильно сделают?

Я как-то смотрела один психологический триллер, и там героиня была в коме: ударились головой, а все, что она видела и чувствовала, было лишь игрой ее сознания. С другой стороны, это как же надо было удариться, чтобы такое придумать? Я фантастикой никогда не увлекалась, предпочитала больше современную прозу и любовные романы, но тоже в нашей реальности. Светка — да, она обожает фэнтези, про всяких там властных драконов, оборотней и орков, и читает эти книги запоем, а я как-то так и не рискнула приобщиться к столь популярной нынче литературе. Даже «Гарри Поттера» только еще собиралась прочитать, для общего развития.

В общем, такому вот...

Я открыла журнал на первой странице: с рекламного разворота во все тридцать два зуба улыбалась красотка, касавшаяся пальчиками сверкающих камней в оправе из белого золота. «Ожерелье с алмазами обаяния. Надевающая его особа вполне может испытывать легкое головокружение (небольшой побочный эффект), зато весь оставшийся вечер голова будет кружиться только от нее».

...в моей голове точно взяться неоткуда.

Получается, у них тут официально разрешен приворот?

Закончить эту мысль я не успела, потому что дверь распахнулась с такой силой, словно собирались слететь с петель, и в недобиблиотеку ввалился Ягуар... то есть Грегуар Фриэль. Пиджак его почему-то оказался без рукава, рубашка измята так, будто ей натирали полы, да и сам он в целом выглядел не лучше. Под глазом наливался синим цветом фингал, скула основательно поцарапана, спиртным от него разило на всю комнату.

С трудом сфокусировав на мне взгляд, антрепренер вскинул руку и с пафосом произнес:

— Беру себе последний шанс! Даю тебе шансовый послед... —
Тут он нахмурился, явно заподозрив, что несет какую-то чушь. — В общем, уходи моей или будь! Решай никогда или сейчас!

Прежде, чем он успел сделать шаг, я была уже на ногах. Оыта общения с нетрезвыми бывшими любовниками у меня не было, но кое-какие мысли на этот счет имелись: например, о том, что оставаться с ними один на один нежелательно. Особенno нежелательно, учитывая, что сейчас поздний вечер. Полин, служанка, уговаривала меня поесть, несмотря на зырканье Луарда, который ей все рассказал, но потом пошла спать. Луард тоже. В итоге я сейчас совершенно одна в совершенно огромном доме с совершенно нетрезвым директором театра, который совершенно не понимает отказов.

— Куда-а-а же ты? — пропел он, растопырив руки.

— Как — куда? Ухожу. Освобождаю помещение, — пробормотала я, подумывая, с какой стороны лучше обежать чужого любовника.

— Уходишь? — в мыслительный процесс Грегуара закралось сомнение. — Уходишь?! Значит, насчет тебя и Демаре все правда?!

— Правда! — ухватилась за спасительное предположение. — И он должен за мной приехать прямо сейчас. Поэтому в твоих же интересах немедленно оставить меня в покое.

Как ни странно, голос почти не дрожал, особенно когда я указала Фриэлю на дверь. При упоминании Алмазного гангстера антрепренер как-то странно съежился, однако количество выпитого сработало получше алмазов обаяния. Он с ревом бросился на меня, я с визгом от него, и ведь почти успела проскочить... Но видимо, лимит везения я

на сегодня исчерпала, потому что Грегуар вцепился мне в плечо мертвой хваткой и потащил к двери.

— Не... благодарная... ик! — рычал он. — Больше... ни дома в моей минуте! Ик! Сголоднешь сдоха, как и все твоё семейство, которое ты бросила!

— Мируар Фриэль! Мируар Фриэль! — на его вопли выскочила перепуганная служанка. — Что же вы делаете-то... Ай!

Хозяин дома запульнул в неё вазой, стоявшей на постаменте, девушка едва успела увернуться. Очередные туфельки приказали долго жить: у одной сломался каблук, другую я попросту сбросила, чтобы не остаться без ног. Как выяснилось мгновением позже, не зря: Грегуар распахнул дверь и швырнул меня прямо в ночь, с крыльца. Я полетела кубарем в ближайшие кусты (к счастью, не в розовые) и сгруппировавшись успела только благодаря йоге, на которую ходила уже два года.

Под грохот захлопнувшейся двери я на четвереньках выползла на мощенную мелким камнем дорожку, чувствуя, как саднят содраные коленки.

— Чтоб тебе в штаны наложить по самый воротничок! —
пожелала ему от души.

И уткнулась макушкой в мужские ноги.

Поднявшись взглядом по стильным брюкам и выше, обнаружила, что стою в позе кошки аккурат перед Фернаном Демаре.

— М-да, — протянуло его алмазное величество, глядя на меня сверху вниз.

— Тьфу! — высказалась я.

И попала прямо на до блеска начищенный ботинок.

Глаза Демаре в тот момент надо было видеть, но я на них зациклившись не стала. Как и на своем поведении. Когда у тебя во рту застряла какая-то горькая трава, об этикете думаешь в последнюю очередь. Судя по всему, Фернан посчитал так же, потому что протянул мне руку.

— Поднимайтесь.

При других обстоятельствах его рука была бы последним, чем бы я воспользовалась, но других обстоятельств у меня не было. Поэтому

скрипя остатками земли на зубах, ухватилась за сильные пальцы, и меня в один миг поставили на ноги.

Окинув таким взглядом, от которого срочно захотелось помыться (но если честно... помыться и правда не помешало бы), Демаре скомандовал:

— Отряхивайтесь — и в машину.

После чего развернулся и направился к распахнутым воротам. Как он сюда попал, я уточнять не стала. Похоже, пьяный ягуар забыл закрыть калитку. У-у-у, жлоб! Жалко было девушку оставить переночевать.

Я последовала за королем, а поравнявшись с ним, резко сменила траекторию движения и направилась в противоположную от Демаре сторону. Признаться честно, не представляла, куда иду, но упорно ковыляла по улице.

— Вы совсем рехнулись?! — громыхнуло мне вслед.

— По-моему, вы сегодня уже задавали этот вопрос, — не оборачиваясь, заметила философски.

— Я сказал: садитесь в машину, мирэль Тонэ! — в голос его ворвалось раздражение.

— А то — что?

Вжих!

Ну вот, опять. Почему-то я совершенно не удивилась, когда на меня упало магическое лассо и потянуло назад. Тормозить пятками в капроновых чулках по брускатке невыгодно, сразу вам говорю. Я упорно молчала, пока меня тянуло несколько метров вдоль узорчатой ограды тигрожлоба. Молчала даже, когда меня развернули лицом к себе.

Только когда обошли и с высоты своего мируародемарейского положения посмотрели, как на какое-то ничтожное насекомое, при этом еще и гневно раздувая ноздри, высказала все, что думаю:

— Джентльмен из вас препаршивый.

— Кто?

— Мужчина, который уважительно относится к женщине.

— Я уважительно отношусь к тем женщинам, которые этого заслуживают, — парировал несносный тип. — Так что садитесь в

машину, мирэль Тонэ, вы сегодня достаточно испытывали мое терпение.

— Я вас вообще не испытывала, — возразила и выдернула из волос репейник.

Точнее, что-то очень на него похожее, а после поежилась: во-первых, холод проникал в меня сквозь драные пятки, то есть сквозь драные чулки, а во-вторых, не знаю, какое здесь время года, но сейчас ощущало похолодало. Градусов так на десять, как весенней или осенней ночью после обманчиво теплого дня.

— Да ну? — хмыкнул Демаре.

А потом скинул с широких плеч пиджак. На меня.

Если бы остались силы удивляться, я бы удивилась, но в тот момент почувствовала себя такой разбитой, что просто устало поинтересовалась, подцепив пальцем магическое лассо:

— Что вам вообще от меня надо?

Интересно, у них тут патрули ходят? И если я заору, меня заберут в полицию?

— Я хочу предложить вам работу.

Работу?

Работу, Ира, работу. Это значит, что ты можешь стать БРИ. То есть бездомной работающей иномирянкой.

— Какую это работу вы собирались предложить мне на ночь глядя? — спросила недоверчиво.

— А на какую вы приходили сегодня устраиваться? — Сарказмом в его голосе можно было затопить парочку Марианских впадин по самый последний миллиметр. — Или вы уже передумали?

Передумала ли я?

Определенно.

Я открыла рот, чтобы ему об этом сообщить, но тут меня оглушило мыслью: я попала в этот мир через дом Демаре. Если только предположить, что мне нужно просто оказаться там, чтобы вернуться на Землю, то я просто обязана с ним поехать! Да даже если этого и не предполагать, у Демаре наверняка библиотека больше нашей областной. Он определенно сильный маг, а это значит, что сейчас самое время передумать обратно, потому что БРИ быть легче,

чем ББИ. Тем более что лучшего случая попасть в его дом, чем устроиться к нему на работу, мне точно не представится.

— Не передумала, — сказала я. — Но учитывая то, как вы со мной обошлись, я соглашусь только на оклад вдвое больше обещанного.

Брови мужчины поползли вверх.

— И при условии, что буду проживать в вашем доме, пока не найду себе новое жилье.

Его брови заползли бы и выше, но выше уже было некуда — кончался лоб. Широкий такой, по-мужски красивый, несмотря на то, что сейчас он хмурился. Да и в целом Демаре можно было назвать привлекательным, таким... привлекательным истинно мужской красотой, без признаков смазливости. Его черты были скорее резкими, чем правильными, а в свете фонаря они казались выточенными из камня. Суровыми. Но все равно привлекательными.

На этой мысли я решила закруглиться, а остальное додумать завтра.

— Мне кажется, или вы действительно не в том положении, чтобы ставить условия? — спросил он, опомнившись.

— Мне кажется, или не я вас сейчас удерживаю? — поинтересовалась ему в тон.

Демаре хмыкнул, и лассо свернулось. Или, вернее, втянулось в перстень, на миг окутав сильную ладонь искрящейся магией.

— Значит так, Селани...

— Мирэль Тонэ.

— Мирэль Тонэ, — мужчина скрежетнул зубами. — У меня есть две шестилетние дочери, которых нужно уложить спать. Справитесь — считайте, что вы приняты.

«Сумеете ответить — столик ваш», — вспомнилась фраза из одного шедеврального мультика.

— А не сумеете...

— Век меня помнить будете?

— Что? — Демаре нахмурился еще сильнее.

— Ничего, — махнула рукой. — Едем укладывать спать ваших девочек?

Он как-то странно на меня посмотрел, но мне было уже не до странностей. Если повезет, через пару часов я стану ДРаНей, то есть домашней работающей няней. Если очень повезет, то через три часа буду спать сама. А если повезет капитально, магический портал, перекинувший меня в дом Демаре, сработает в обратную сторону, и я буду спать в собственной постели, вспоминая все случившееся, как бредовый кошмар.

Всю дорогу до демареновских хором и я, и он хранили молчание. Я — потому что все ресурсы организма уходили на борьбу со сном, который нет-нет да и брал верх над изможденным сознанием. Другими словами, мне было банально лень ворочать языком, и я то и дело отключалась. Почему молчало его алмазное величество — не имею ни малейшего понятия. Да и меня это совершенно не интересовало. Если б еще не косил в мою сторону своим фирменным булыжным взглядом и не сидел вот так, вольготно развалившись на заднем сиденье, отчего приходилось вжиматься в обитую кожей дверцу, цены б ему не было.

Но сидеть компактно Демаре, наверное, даже не пробовал, поэтому, когда автомобиль остановился, я с трудом отодрала себя от дверцы (из-за долгого пребывания в неудобной позе левая рука занемела) и услышала насмешливое:

— Вообще-то я не кусаюсь, мирэль Тонэ.

— Предлагаете поверить вам на слово, мируар Демаре? — сказав это, с трудом подавила рвущийся наружу зевок.

Не дожидаясь, пока мне помогут выбраться из машины, сама из нее вытряхнулась, а заодно и из пиджака мируара, после чего окинула сонным взглядом роскошный дом. Может, стоит только оказаться в его стенах, и я действительно перенесусь обратно на Землю?

Ах, это было бы чудесно!

От волнения, что вот сейчас самый безумный день в моей жизни, возможно, закончится, я быстро взбежала на крыльце.

За что была вознаграждена еще одной колкой репликой:

— Так не терпится приступить к своим обязанностям?

— Вам, как отцу, должно быть известно, что в такое позднее время детям уже давно положено находиться в постелях, — отбила я пас и, прежде чем окунуться в яркий свет холла, зажмурилась,

отчаянно надеясь, что, когда открою глаза, окажусь в детском саду или у себя дома. Да, так и будет.

Так должно быть!

Переступая порог, как назло, едва о него не споткнулась. Почувствовала, как крепкие мужские пальцы сдавили, словно раскаленными тисками, мой локоть.

— С вами все в порядке, мирэль Тонэ?

О, он просто не представляет, насколько все... не в порядке. Огляделась по сторонам, едва не застонала. Все тот же роскошный холл. Все тот же усатый мажордом. Фернан и я в теле бездомной актрисы.

— Это я от радости, что стану няней, не чувствую под собой ног.

— Осторожно высвободила руку из крепкого захвата демареновских пальцев. — Месье Жлобен, — поздоровалась вежливо, обращаясь к дворецкому, лупившему на меня свои и без того навыкате глаза.

Видно, не каждый день Фернан Демаре приводил к себе припыленных девиц без туфель, в разодраных чулках и с сорняками в волосах.

Слуга выразительно цокнул. Должно быть, чем-то Селани его не устраивала, раз у него при каждой встрече возникала на нее чуть ли не аллергическая реакция. А раз теперь Селани — это я, и мне неизвестно сколько придется здесь находиться, нужно будет налаживать отношения и со Жлобеном, и с его гангстероватого вида хозяином. А главное — с дочерьми гангстероватого хозяина.

Надеюсь, они характером пошли не в папу.

— Проводите меня к девочкам в спальню? — постаралась вежливо улыбнуться, как делала это всегда, общаясь с родителями своих воспитанников, но улыбаться Демаре почему-то не получалось.

— По-моему, вы этот дом знаете лучше меня и можете провести себя сами, — снова уколол Фернан словами, а я мысленно обрушила ему на голову висевшую под потолком большую хрустальную люстру.

Уверена, ему бы пошла юбочка из блестящих висюлок.

Не скажу, что стало легче, но эта мысль помогла справиться со вспышкой гнева. Мне сейчас гневаться никак нельзя. И лишаться работы тоже.

— Что ж, если вас это так затрудняет, пусть меня проводит Жермен, а заодно покажет мою комнату. Или предлагаете мне самой определиться с выбором, раз уж я так хорошо знакома с вашим домом?

— Ваша комната — смежная с детской, — сделал Демаре контрольный выстрел взглядом. После чего развернулся и, уже скрываясь в недрах своего особняка, повелел: — Этиль, проводи мирэль Тонэ наверх.

— А где ее вещи? — захлопал глазами дворецкий.

А нету у меня вещей. Даже очки нет. Я тут же успокоила себя, рассудив, что это самая незначительная из всех свалившихся на меня бед. Поспать ведь можно и в нижней сорочке, а что касается одежды... Может, его величество будет столь любезен выдать мне аванс и отпустить на часок-другой в магазины?

Но об авансе и магазинах сейчас лучше не заикаться. Главное, уложить спать себя... вернее, алмазных наследниц. Иначе и правда придется укладываться под ближайшим мостом.

Так и не получив от хозяина ответа, что-то негромко ворча, кажется, сетя на дырявую, как решето, память некоторых молодых особ, дворецкий поднялся вместе со мной наверх. Довел до конца коридора, облаченного в психodelические картины и так контрастирующие с ними светленькие обои. Хмуро на меня покосившись, толкнул дверь, ведущую в небольшую, но вполне себе уютную комнату.

— Вот здесь будете жить вы. А вон там спальня мирэль Кристин и мирэль Аделин, — указал на соседнюю комнату, не преминув вполголоса продолжить: — Хоть вам, конечно, понравилось бы ночевать совсем в другой спальне.

На что это он намекает?!

Продолжая что-то бурчать себе под нос, дворецкий надменно вздернул подбородок и направился к лестнице.

Уложить спать... Уложить спать двух шестилетних девочек, и тогда можно будет самой, хотя бы ненадолго, сбежать из этой сумасшедшей реальности.

Тихонько постучав, прислушалась. За дверью не раздавалось ни звука, и в щель между створкой и полом не пробивалось даже

малейшего лучика. Может, девочки не дождались новой няни и улеглись сами? Было бы здорово. Подумав так, осторожно приоткрыла дверь и шагнула внутрь. Откуда-то сверху послышался подозрительный хлопок, из темноты — сдавленное хихиканье. А в следующий момент я звучно чихнула, когда на меня обрушилось что-то сыпучее. Очень много чего-то сыпучего. Похожая на муку пыльца, только блестящая, даже в темноте переливавшаяся всеми цветами радуги, окутала меня, осела на волосы, одежду, кожу.

Мысленно застонав, подула на упавшую на глаза прядь. Что ж, это вполне закономерное окончание безумного дня. В кустах я побывала, с землей поцеловалась. Моему внешнему облику явно не доставало последнего штриха. Яркого такого акцента в виде непонятного светящегося вещества.

Зажегшийся ночник рассеял тьму, и я увидела двух смеющихся малышек.

— Ой, — удивилась одна из девочек, прижимая к груди странного вида игрушку — помесь чебурашки с драконом. Хорошо, что я эту игрушку при свете ночника увидела, потому что в противном случае заикание мне было бы гарантировано. Если не до конца жизни, то на пару дней точно.

— Мы думали, это Жужжен, — подхватила другая, садясь на кровати.

— Мы просто пошутить хотели, — добавила первая.

Понять, которая из них — Кристин, а которая — Аделин, не представлялось возможным. Девочки были совершенно одинаковыми: кудрявые, курносые и голубоглазые.

Я настороженно к себе принюхалась.

— Вкусно пахнет. Как фруктовая жвачка.

— А что у вас в волосах? — поинтересовалась одна из близняшек.

— И вообще с волосами.

— Почему у вас платье грязное?

— Я упала в кусты, — призналась честно.

Девочки слаженно хихикнули.

— Зачем?

— Как?

— А вот так. — Я вскинула руки и изобразила, что кувыркаюсь со ступенек.

Близняшки расхохотались.

— Вы на нас не сердитесь, мирэль Тонэ? — хором спросили они.

На то, чтобы сердиться, нужны силы. А у меня их уже не осталось. Последние высосал из меня ваш драгоценный папочка.

Разумеется, вслух я этого не сказала.

— Не сержусь. Хотите сказку послушать?

— Мы не любим сказки! — об этом мне тоже сообщили в один голос.

После чего девочка с «чебуроном» сказала:

— Мы их все уже наизусть знаем. Они скучные!

— А еще мама говорила, что все сказки — глупые, и учат одним только глупостям.

— Все?

— До единой! — серьезно заявила близняшка без игрушки, сложив руки на груди.

— Ну ладно, — сдалась я. — Тогда не буду рассказывать вам про Русалочку.

— Про кого?! — снова хором.

Упс.

— Это такая человекорыба, — я развела руки в стороны. — Большая, размером с...

— Пятноглаза? — подсказала одна из близняшек.

Если я здесь задержусь, точно придется разбираться в том, кто из девочек кто, а главное, кто такой пятноглаз.

— Примерно.

— И такая же толстая?

— Нет, она красивая. — Я устроилась прямо на полу, на мягком ковре, хоть и был риск его запачкать. Но это уже проблемы Жульена. Или кто тут у них за уборку ответственный. — Изящная, у нее длинные ярко-красные волосы, вместо ног красивый чешуйчатый хвост, а еще волшебный голос. Она поет так, что заслушаться можно. Но однажды она полюбила мужчину, который ходит по земле...

— Мама любила петь, — сказала одна из девочек грустно. — Но дедушка ей не разрешал, поэтому она не стала певицей.

Я сочувственно вздохнула.

— Отец Русалочки тоже не позволил ей быть с возлюбленным. Поэтому она решилась отправиться к злой ведьме... — для себя я уже решила, что вариация Уолта Диснея лучше первоисточника.

— К злой — кому?

Только не говорите, что у них слова «ведьма» нет.

— К злой-презлой человекорыбе, которая хотела заполучить ее голос. Кстати, вот она была толстой.

— Разве можно заполучить чей-то голос?

— С помощью магии.

— А-а-а... — девочка вскинула раскрытую ладонь. — Это как если перенастроить кольцо...

Чебурон прилетел ей в руку раньше, чем она успела закончить. Сестра выразительно на нее посмотрела, малышка ойкнула и спешно спросила:

— А что было дальше?

— А дальше ложимся-ка поудобней и готовимся к захватывающему путешествию в далекое-предалекое морское царство...

Заинтригованные, девочки подтянули повыше одеяла и замерли в ожидании. И пусть потом не говорят, что не любят сказки. Вон как глаза блестели.

— Ариэль отдала свой голос за возможность выйти на берег...

...Близняшки заснули сразу после того, как Русалочка вместе с принцем отбыли на корабле в свое долго и счастливо, а я прислонилась к стоявшему поблизости креслу, думая о том, что надо подоткнуть им одеяла. На этой мысли я и провалилась в море, где почему-то скакала по волнам на русалочьем хвосте, распевая в стиле Ариэль: «А-а-а-а! А-а-а-а-а!», а следом за мной на серф-доске несся Демаре, одетый как Аль Капоне. Злобно хохоча и размахивая магическим лассо.

Фернан Демаре

О том, что притащил в свой дом актрису, Фернан пожалел почти сразу же. Это чувство было ему незнакомо, потому что он никогда ни о чем не жалел и всегда отвечал за любые свои действия. Например,

когда нехило вложился в добычу кармилия, а шахту завалило из-за неустойчивости пород. Хорошо, что произошло это ночью, и никто из рабочих не пострадал, но убытки компания понесла колоссальные. Естественно, в следующем году он заработал вдесятеро больше, однако та история научила его все взвешивать, прежде чем принимать важные решения, и заранее просчитывать риски.

До этого странного во всех отношениях дня.

Начиная с утреннего собеседования с мирэль Тонэ, уничтожения бассейна, разговора с Десмондом (который его и надоумил на эту аферу) и заканчивая выползающей из кустов актрисой. Последняя картина особенно ярко отпечаталась в памяти: Селани, лишенная своего привычного лоска, босая, смотрящая на него снизу вверх, и при этом пытающаяся артачиться и дерзить...

Может, все дело в этом. Отправляясь к дому владельца театра и по совместительству ее любовника, Фернан совсем не ожидал увидеть то, что увидел. Растерянность на лице девушки, усталость в глазах. Первой мыслью было: весь этот цирк устроен для него, друг попросту решил пошутить и подкупил актрису. Но Фернан быстро отмел подобное предположение. У мирэль Тонэ напрочь отсутствовал актерский талант, а у Десмона — чувство юмора. К тому же Шерро не мог знать наверняка, что он отправится за ней. Что тут скажешь, раньше он сам бы над этим посмеялся.

Потому что Селани в роли няни для девочек едва ли не страшнее того обвала.

А ему, видимо, нужен отдых, раз в голову лезут такие безумные идеи.

Фернан положил сигару в пепельницу, устало потер виски и, погасив в кабинете свет, отправился в детскую. Он дал мирэль Тонэ достаточно времени, чтобы она справилась с заданием. Хотя очень сильно сомневался, что она вообще собиралась с чем-либоправляться.

Селани была очень похожа на Жизель. Такая же зацикленная на деньгах тщеславная пустышка. Он понял это во время их знакомства, и все сильнее убеждался в том, что она ничего собой не представляет, с каждой новой встречей. Возможно, именно поэтому актриса и его жена так быстро нашли общий язык.

Мирэль Тонэ делала все, только чтобы привлечь его внимание. Недвусмысленно намекала, что не прочь познакомиться поближе, откровенно предлагала себя и никак не унималась. Чем нескованно раздражала Фернана. До знакомства с Жизель такая тактика, возможно, и сработала бы, но сейчас он видел все женские уловки насквозь.

Самые разные уловки.

Впрочем, рвение стать няней для близняшек, признаться, его удивило. Потому что раньше Селани не горела желанием с ними общаться, несмотря на то, что была частым гостем в его доме. Удивило и сбило с толку.

Да, именно этим можно объяснить его временное помутнение рассудка.

Так что пора заканчивать этот балаган.

Нет, выгонять в ночь он ее не станет, но на большее пусть не рассчитывает.

В коридоре возле спальни близняшек дежурил дворецкий. Этиль прижимался к двери, будто пытался пройти сквозь нее или хотя бы с ней слиться, но после негромкого покашливания отскочил в сторону, словно ничего не делал. Вот только расплющенное покрасневшее ухо его выдало.

— Где мирэль Тонэ? — устало поинтересовался Фернан.

— Внутри, мируар Демаре, — кивнул мажордом на дверь в детскую.

— Что она делает?

— Последние десять минут молчит.

— Она молчит? Или девочки?

— Из спальни не доносится не звука.

— И ты не заглянул узнать почему? — с легким раздражением спросил мужчина.

— Вы не давали такого распоряжения, мируар, — важно заметил дворецкий, сложив руки за спиной.

Обиделся.

Как будто Этислю нужно было разрешение, чтобы везде совать свой длинный нос. Мимо него в этом доме ничего не проходило, не пробегало и не пролетало, за что Фернан его особенно ценил.

Подумав о том, что сейчас сам все узнает, он толкнул дверь в комнату дочерей.

И замер.

Спальню освещал лишь слабый свет ночника. Девочки синхронно сопели в кроватях. Темные кудряшки разметались по подушкам, каждая из малышек прижимала к себе свою любимую игрушку — его подарок. Зрелище было таким умиротворяющим и желанным, что Фернан улыбнулся. Пожалуй, только рядом с дочерьми он и мог улыбаться.

Пройдя внутрь, Демаре едва не споткнулся о длинные ноги мирэль Тонэ, и улыбаться перестал. На мягком коврике, которого почти не достигал свет лампы, привалившись к креслу, спала Селани. Во сне ее лицо было безмятежным, кожа и волосы светлыми и сияющими, словно жемчуг, а сама девушка, укрытая густыми тенями, выглядела хрупкой и необычайно нежной. Грудь, тесно обтянутая модным платьем, едва уловимо вздыхала. Юбка слегка задралась, ровно настолько, чтобы обнажились колени, и было видно край ажурной подвязки. Зрелище открывалось более чем соблазнительное.

Фернан слегкотонул и тряхнул головой, разозлившись на себя.

Наверное, мирэль Тонэ долго придумывала новую уловку, хотя, скорее всего, просто импровизировала. Знала ведь, что он зайдет посмотреть на дочек.

Без зазрения совести Фернан переступил через актрису и приблизился к спящим близняшкам. У каждой могла быть своя комната, да он бы перестроил целое крыло, если бы они того пожелали, но девочки хотели, чтобы их кровати стояли по соседству, и предпочитали спать вот так: голова к голове. Они все делали вместе.

Фернан Демаре, Алмазный король и каменный магнат, подоткнул одеяло сначала одной из дочерей, поцеловав ее в миниатюрный лоб, а потом то же самое сделал для другой.

— Добрых снов, — пожелал он тихо.

И повернулся к горе-няньке.

Мирэль Тонэ не сдвинулась с места, поэтому Фернану пришлось опуститься рядом с ней и потрясти за плечо. Пока что легко. Вместо того, чтобы открыть глаза, Селани скользнула в сторону и завалилась

на пол, поцеловавшись лбом с ковриком. А после под его изумленным взглядом (Фернана вообще мало что могло удивить) подтянула к груди свои соблазнительные голые коленки и свернулась клубочком, совершенно несоблазнительно засопев.

Притворяется или действительно спит?

Ясно было одно: оставлять ее здесь не стоит. Фернан подождал пару минут, а потом, тихо выругавшись, подхватил Селани и взвалил себе на плечо.

Спальня для няни была рядом со спальней близняшек, поэтому он просто толкнул смежную дверь, быстро преодолел расстояние до кровати и сгрузил на нее актрису. Селани тут же перевернулась на бок, обхватила руками атласную подушку и, кажется, засопела еще громче, при этом, как ни странно, не утратив своей привлекательности.

Фернан сжал зубы и стремительно покинул комнату.

— Сообщите, когда мирэль Тонэ проснется, — велел он поджидавшему за дверью дворецкому.

А сам направился в свою спальню, находившуюся в другом крыле. Когда он только купил этот дом, то делил ее вместе с Жизель. Потом жена заявила, что из-за того, что окна комнаты выходят на солнечную сторону, она не может долго спать, и выбрала себе другую. Это произошло сразу после рождения малышек.

Фернан за ней не последовал. Жена не спрашивала, мешает ли свет ему, а он уже не рвался менять что-либо в своей жизни ради нее. Хоть в самом начале все было иначе. Тогда они были счастливы. Точнее, ему так казалось.

Со дня знакомства с Жизель он сходил по ней с ума. По звонкому смеху, по чарующей улыбке, по пламени, которое вспыхивало в нем, стоило к ней прикоснуться. Самая красивая женщина из всех, которых ему довелось знать. А красивым женщинам можно простить любые капризы. Так он считал раньше, и был форменным идиотом.

Он нуждался в Жизель, она была его лекарством и ядом. А вот ей, как выяснилось, был не нужен никто. Супруга любила исключительно себя, ну и еще его деньги и то, что благодаря им она могла получить. Фернан понял это не сразу: проклятое желание

застыло глаза! Он искренне верил, что из них действительно получится семья. Особенно, когда родились малыши.

Только семьи не получилось.

Очень скоро Жизель потеряла интерес к материнству и стала относиться к дочерям, как к обузе. Исключение составляли ее бесконечные вечеринки, когда она требовала нарядить близняшек в рюши и хвастала ими перед своими подружками, как породистыми скакунами. Но стоило девочкам расплакаться, сама закатывала истерику.

Фернан сбросил туфли и, расстегивая рубашку, подошел к окну.

Заметил высокого мужчину в плаще, тот выделялся на пустынной улице, как пероножка в зале для коронаций.

Журналисты.

Они преследовали его со дня исчезновения Жизель.

Три месяца назад она отправилась по магазинам, но домой так и не вернулась. Ее машина была брошена напротив одного из модных салонов (Жизель обожала водить сама, пожалуй, это было единственное, что она любила и умела делать сама), а мирэль Демаре исчезла бесследно. Продавцы ее не видели, ее вообще никто не видел: как сквозь землю провалилась. Сначала Фернан думал, что Жизель похитили ради выкупа, но никто не обратился к нему с требованием заплатить за спасение жены. Сбежать она тоже не могла. Зачем? Ей нравилась та жизнь, которую она вела, и вряд ли она отказалась бы от его денег и связей.

Фернан нанял лучших детективов, которые до сих пор занимаются ее поисками. Они растеклись по всему миру, но никаких новостей и зацепок пока так и не обнаружили. Тем не менее он не оставлял попыток найти жену. Посулил вознаграждение за любые подтвержденные о ней сведения. Сумма, обещанная Алмазным королем, позволила бы информатору жить безбедно до конца своих дней.

Пусть их отношения были непростыми, но Фернан хотел ее вернуть. Хотел вернуть по-настоящему, хотел знать, что с ней все в порядке. Особенно ради девочек, которые безумно скучали по матери. Несмотря на премерзкое к ним с ее стороны отношение, они тянулись

к ней, как цветы к солнцу. Отчаянно нуждались в той ласке, которую она, увы, не желала им дарить.

Он не прекращал поиски, не прекращал и не прекратит, но... Но журналистам нравилась эта тема. Нравилось копаться в их отношениях, вытаскивать на поверхность всю грязь, до которой только могли добраться, смаковать каждую мелочь из их жизни. Вот и дежурили под окнами сутками.

Идиоты.

Мужчина стянул с себя рубашку и хотел перекинуть ее через спинку кресла, но заметил странную жемчужную пыльцу на ткани и своих ладонях. Тут же вспомнилось сияние кожи Селани, тяжесть ее тела, когда он нес ее в спальню, легкий запах духов. Глубокий вздох, который можно было принять за стон...

Фернан отбросил рубашку, словно она была ядовитой длинюгой, и упал на постель.

Видимо, он совсем заработался, и ему нужна женщина, чтобы спустить пар, раз начал смотреть в сторону Тонэ.

А с ней самой нужно разобраться. Если хочет быть няней, пусть. В конце концов, как-то же ей удалось убаюкать малышек (по собственному опыту он знал, что это не так-то просто)... Вот только такие женщины пойдут на что угодно, лишь бы заполучить желаемое. Эта мысль заставила мужчину нахмуриться, но ее тут же сменила другая.

Отразившаяся саркастичной улыбкой на губах.

«Завтра разберемся, зачем вы здесь на самом деле, мирэль Тонэ», — закрывая глаза, подумал Фернан Демаре.

Глава 5

Проверка на профи пригодность

Ира Илларионова

Сейчас я открою глаза... Да, вот прямо сейчас. Только наберусь храбрости и сразу убежусь... убедюсь... удостоверюсь, в общем, что я дома. По-другому ведь быть не может.

Ну не может же?

Так, потихонечку. Сначала один глаз, потом...

Ой!

Зажмурилась, еще и ладони к лицу прижала, чтобы не видеть все окружавшее меня безобразие. Лепнина на потолке и шелковые обои с вьющимися по ним жемчужного цвета колосьями непрозрачно намекали, что я не дома. По крайней мере, точно не у себя. А в роскошном особняке Алмазного деспота и самодура, ну то есть короля.

Лежу на кровати, хоть и не помню, как в ней оказалась. Последнее, что сохранилось в памяти — это как я рассказывала близняшкам диснеевский вариант Русалочки. Дальше было море и Фернан в образе Аль Капоне, и вот я здесь. В Селани и, кажется, уже немножечко не в себе.

Вернее, не в себе совершенно, раз продолжаю находиться там, где находится мне, определенно, не следовало бы.

В дверь негромко постучались, и я хриплым ото сна голосом разрешила кому бы то ни было войти.

На пороге показалась служанка. О роде занятий девушки свидетельствовало светло-серое форменное платье с белоснежным воротничком и такого же цвета фартуком. А еще смешная полукруглая шапочка им в тон.

Интересно, а няне полагается униформа? Хорошо бы. Потому что ходить блестяще-грязной как-то не комильфо. Я даже на шапочку согласна, лишь бы скорее расчехлиться — выбраться из дважды пострадавшего платья.

— Мирэль Тонэ, вас приглашает к себе мишуар Демаре, — вежливым, но каким-то бесцветным голосом произнесла горничная и посторонилась, как бы намекая, что ожидают меня немедленно.

— Я могу сначала привести себя в порядок?

— Конечно.

— И где же? — выжидающе посмотрела на девушку, темные волосы которой были тщательно прилизаны и собраны в пучок на затылке.

— Ванная находится все там же, — в сдержанность добавили капельку яда. — В конце коридора направо.

Я бросила по сторонам рассеянный взгляд. Мебель из светлого дерева, воздушные занавески, скрывавшие кусочек лазурного неба и

изумрудную зелень фруктовых деревьев. Здесь даже туалетный столик имелся и старинный, на гнутых ножках секретер. Идеальное место, чтобы собраться с мыслями и решить, как выбираться из этого мира.

А значит, Ирочка, сейчас ты приведешь себя в более-менее сносный вид, навесишь на лицо улыбку и отправишься к Демаре подписывать контракт. Или как тут у них устраиваются на работу.

— Куда мне потом идти? — спросила, прежде чем мы со служанкой разошлись в коридоре, как в море корабли.

— В кабинет мишура, — сообщила горничная и, незаметно (это ей так казалось) мазнула по моему измявшемуся, перепачканному платью пренебрежительным взглядом.

Да я и в целом выглядела помятой. Об этом сообщило мне зеркало в позолоченной оправе над позолоченным умывальником.

А может, здесь все не позолоченное, а из золота, сусального или хмаря еще знает какого. А вон те прозрачные кристаллы над ванной, утопленные в кафель (каждый размером с крупную виноградину), вполне себе могут оказаться чистейшей воды алмазами.

Снова взглянув на свое-чужое отражение, горестно вздохнула.

— Свет мой зеркальце, заткнись, — вздохнула и принялась умываться.

Кое-как стерла косметику, разобрала пальцами спутавшиеся пряди. От чулок драных тоже решила избавиться. Лучше уж босой, чем как девочка после гулянки. Смыла с рук радужную пыль, с горем пополам отряхнула платье, хоть оно продолжало мерцать и переливаться. Особенно сейчас, когда в окно струился яркий утренний свет. Обнаружив в шкафчике что-то, очень смахивающее на зубной порошок (по крайней мере, белая пыль приятно пахла мяты), почистила зубы пальцем. Уж лучше так, чем вообще никак.

Превратившись из жертвы маньяка в просто потрепанную жизней ДРаНЮ, отправилась на поиски Демаре и его кабинета. Их обоих. Хоть, если честно, видеть не хотелось ни того, ни другого.

Кабинет отыскался до противного быстро, а в нем, сосредоточенно черкая по бумаге перьевoy ручкой, в своем фирменном кресле обнаружился Фернан Демаре.

— Доброе утро, — поздоровалась я, мысленно давая себе пинка и переступая порог комнаты.

Мужчина оторвался от бумаг и отложил ручку, сосредоточив все свое внимание на мне. Судя по хмурому взгляду, которым меня поприветствовали, для кого-то утро это вышло очень злым.

— Проходите, — не предложили — приказали мне.

Улыбка, Ира, улыбка. Ты же умеешь улыбаться. Что тебе Миша говорил, когда предлагал выйти за него замуж? Что именно она, твоя улыбка, лишила его покоя и сна. И что невозможно не влюбиться в такую светлую девочку, как я.

Но как, скажите, оставаться светлой девочкой рядом с таким мрачным типом? Да даже если над этим домом сейчас соберутся все грозовые тучи этого мира, они не смогут перещеголять в мрачности его алмазное величество.

Но ты, Ира, улыбайся, улыбайся.

— Мирэль Тонэ, что у вас с лицом?

Все попытки насмарку.

— Вы хотели со мной поговорить? — посерезнев, решила перейти от любезностей к делу.

— Хотел, — хрипотца в низком, глубоком голосе напоминала разгорающийся костер, жадно пожирающий сухие ветки.

Я себя сейчас чувствовала именно такой веткой. Бревном, которое пожирали жадным, темным взглядом, отчего захотелось поежиться и уменьшиться до размеров микробы.

Демаре стремительно поднялся, обошел стол, к которому я имела неосторожность приблизиться. Опомниться не успела, как оказалась вжата в столешницу, впившись в ее край временно своим мягким местом. И на это самое место, по-хозяйски, властно, легла широкая мужская ладонь, с силой сжав его.

— Как насчет внеклассных уроков, мирэль Тонэ? — жарко прошептали мне.

На какое-то мгновение я потеряла дар речи. От такого напора, от такой наглости. А потому даже не подумала сопротивляться, когда Демаре, одним уверенным движением впаяв меня в себя, заскользил рукой по заднице, бесцеремонно задирая платье.

— Первое занятие можем провести прямо сейчас, — от горячего дыхания мерзавца кожа накалилась до того состояния, когда уже начинается процесс плавки. — Как раз успеем к завтраку. Позаниматься.

А если в глаз?!

От напряжения, исходившего от Демаре, исходившего от всех его частей, в меня как будто ударило током. А в хама в следующую секунду — пощечиной. От нее ладонь полыхнула не меньше, чем кожа, которой уже почти касались твердые мужские губы.

— Вы... вы... — от накрывшего штурмовой волной возмущения у меня никак не получалось внятно высказать свои претензии. Извернувшись, отскочила в сторону и наконец выкрикнула: — Да что это вы тут себе позволяете?!

— А разве вы не за тем пришли устраиваться няней, мирэль Тонэ? — усмехнулся гад, мазнув пальцами по наливающейся цветом скуле.

— Я пришла, потому что мне нужна была работа. Но не такая, какую вы мне только что... предложили. — Вздернула подбородок и добавила, собираясь как можно скорее отсюда убраться: — Всего доброго!

Пока сердце из груди не выпрыгнуло и перед глазами не помутнело от гнева.

— И куда вы пойдете, мирэль Тонэ? — ехидное.

— Под мост!

Уж лучше быть ББИ, чем ДРаНей, которую будут регулярно др... Вот только еще думать об этом не хватало!

— Стоять! — хлестануло по спине приказом.

— Опять меня связите?

— Если понадобится, — жесткий ответ.

— Я не буду с вами спать! Даже не надейтесь!

Меня начало потряхивать. Мало было Ягура. Теперь еще и у этого... недержание.

— От вас ничего такого и не требуется, — невозмутимо заявил Демаре.

— Но вы же только что... — я нахмурилась.

В то время как на гладко выбритой гангстерской морде едва обозначилась улыбка или что-то смутно на нее похожее.

— Это была проверка, мирэль Тонэ, и вы ее прошли. Мне нужна воспитательница для моих дочерей, а не девица легкого поведения, у которой все мысли будут только о том, как бы запрыгнуть ко мне в постель.

— Вы... вы... — кажется, опять заклинило.

— Все равно предпочитаете под мост? Или все же лучше пойдем позавтракаем, и я представлю вас своим дочерям, как новую няню? — сунув руки в карманы брюк, как ни в чем не бывало поинтересовался этот невыносимый тип.

— Позавтракаем и представим, — выщедила сквозь зубы и вылетела из кабинета, едва не сбив с ног маячившего у дверей Жульена.

— Мирэль Тонэ!

Я нехотя развернулась и напоролась на взгляд, в котором теперь что-то искрилось. Кажется, смешишки. Демаре многозначительно на меня посмотрел, от самой макушки до голых пяток, заставив пожалеть, что сняла чулки, вместо того чтобы надеть лосины, колготы, гамаши и вообще все, во что можно было бы упаковаться, лишь бы избавиться от его пристального внимания. Тогда бы сейчас не чувствовала себя перед ним голой, как те самые пятки.

— Вы в *этом платье*, — в меня плеснуло издевкой, — собрались садиться за стол с моими девочками?

— Другого не имею, — сдержанно отозвалась я. Уступив маленькой слабости, невинно поинтересовалась: — Предпочитаете, чтобы я села без него?

— Этиль, — демареновский взгляд теперь целиком и полностью принадлежал дворецкому, на мой же счет пришелся тяжелый вздох, — проводи мирэль Тонэ в гардеробную Жизель. Пусть подберет себе платье и обувь. У вас с ней примерно один и тот же размер.

Последнее адресовалось не Этюлю, а приблудной мне. На радостях, что наконец-то смогу переодеться, я поспешила за Жужженом, явно недовольным таким поворотом событий. Видно, очень ему не хотелось впускать меня в святая святых — гардеробную

хозяйки, по сравнению с которой комната, отведенная для одежды Селани, выглядела крохотным чуланчиком.

Окунувшись в потоки света, бьющего в высокие окна, я едва удержала на месте челюсть. Такого количества тряпья в одном помещении мне, признаюсь, видеть еще не доводилось. Жизель тоже была любительницей всего яркого и броского. Цветовая гамма ее гардероба поражала насыщенностью и многообразием. Но если наряды актрисы (по крайней мере те, которые успела просмотреть) показались мне слишкомзывающими, если не сказать вульгарными, здесь чувствовался утонченный, изысканный вкус. Шик и лоск.

Я бережно коснулась серебристой, буквально льющейся в руку ткани, и почему-то сразу подумала, что укрывавшие ее, как ночное небо звезды, камни — бриллианты. Ну или здешние их аналоги.

— Одно платье и одни туфли, — непонятно для чего предупредил меня Жмотен.

— Обычно я ношу сразу три. Но если вы настаиваете...

Помню, помню, я обещала наладить с ним отношения, однако откровенная враждебность дворецкого заставляла нервничать. Вот и говорила, что думаю, прежде чем об этом подумать.

Пока я отодвигала вешалку за вешалкой, ища что-то в меру строгое и максимально простое, он стоял рядом и коршуном следил за каждым моим движением. Наконец остановив свой выбор на светлой блузке и горчичного цвета плиссированной юбке, я обернулась и, уже хмурясь, спросила:

— Переодеваться тоже будем вместе?

— Когда будете готовы, спускайтесь в столовую, — нехотя капитулируя, проворчал дворецкий. — И не задерживайтесь, мирэль! Мируар не любит ждать.

Присовокупив к уже одолженным вещам кремовые чулки и туфли на маленьком устойчивом каблуке, которые, к счастью, пришли мне впору, я отправилась вниз, справедливо решив, что, кроме как в этом самом низу, находиться столовой больше негде.

И не прогадала. Спускаясь по лестнице, уловила головокружительные ароматы. В последний раз я ведь ела... Вообще-то я в Селани еще не ела, и, судя по тому, как громко заурчал желудок,

откликаясь на божественные запахи, актриса, скорее всего, избегала пищи не только после трех, но и до двух пятидесяти девяти.

Как же есть-то хочется!

Подумала так и почувствовала, как желудок сжимается и сворачивается крендельком. Надеюсь, в здешнем обществе не принято, чтобы леди ела только глазами, а ртом, как клювиком, клевала. Я клевать не умею, равно как и использовать глаза не по назначению. Прости, Селани, но я не буду следить за твоей идеальной фигурой, а лучше позабочусь о твоем здоровье.

С такими мыслями и настроем оголодавшего бизона я вошла в столовую.

Оголодавших бизонов здесь не ждали. То есть ждали, конечно, но сразу было видно, что я чужая на этом празднике жизни. Близняшки сидели рядом с отцом, а сам отец был поглощен исключительно ими и даже не обернулся, когда открылась дверь. Вскоре стало понятно, почему: огибая меня, в столовую вошел караван слуг, которые донесли все, что еще не стояло на столе. Судя по количеству блюд, завтрак Алмазного короля грозил переплюнуть завтрак в элитных 5* на Ультра Олл Инклузив.

Караван направился к столу, и я решила сделать то же самое.

Первой меня заметила Кристин. Или Аделин: она подняла голову и замерла, увидев меня.

— Па-а-ап! А почему мирэль Тонэ...

Ее сестра тут же вскинула взгляд:

— В маминой юбке?!

— И блузка тоже мамина!

— И туфли!

Детскую наблюдательность можно запросто сравнить с наблюдательностью Джеймса Бонда, и то, сдается мне, последний здорово проиграет. Я тут недавно жаловалась на недостаток внимания, но сейчас на меня посмотрели все. Один из слуг даже рот открыл, как запеченный поросенок. По крайней мере, в него легко можно было впихнуть яблоко. В слугу.

Последним ко мне обернулся «па-а-ап»: глаза на миг потемнели еще сильнее, словно ему не понравился мой выбор одежды, после чего Демаре кивнул.

— Прошу к столу, мирэль Тонэ.

Прежде чем я успела сказать вяк, один караванщик водрузил тарелку и приборы слева от девочек. Пришлось делать вид, что все так, как и должно быть. Стоявший рядом с моим местом слуга отодвинул для меня стул, я успела только произнести:

— Спасибо, — как в меня тут же вонзились иголочки детского любопытства.

Гренка с яйцом в серединке, которая стараниями все того же слуги перекочевала ко мне на тарелку, казалась сейчас чуть ли не пищей богов. Прекрасной и недосягаемой, потому что Демаре перевел взгляд на дочерей и произнес:

— Девочки, мирэль Тонэ будет вашей новой няней.

— Что?! — это прозвучало хором.

— Не вертись, Аделин. — Демаре строго взглянул на дочь. — Сядь, как положено.

Аделин выглядывала на меня из-за сестры. Только сейчас я заметила, что на коленях у девочек поверх салфеток лежат чебуроны.

Салфетки!

Я подхватила одну очень плавно, стараясь не показывать присутствующим, что готова сожрать даже ее, если меня сию же минуту не подпустят к гренке. Аделин выпрямилась, и Демаре продолжил:

— Она будет с вами играть...

— Или мы с ней, — пробормотала сидящая рядом со мной близняшка.

— Ты что-то сказала, Кристин? — Демаре посмотрел на нее так, что я на ее месте непременно бы подскочила, но девочка только невинно хлопнула глазами.

— Ничего, пап.

— Будет с вами гулять, заниматься по подготовительной программе: словом, делать все, что положено няне.

Под пристальным вниманием его величества я опустила глаза на гренку. К счастью, еще не успела к ней притронуться. К счастью, потому что под таким взглядом она бы точно не полезла мне в рот.

На тарелках близняшек уже лежали оладьи, по кругу были расставлены чашечки с разными видами джемов и соусов. Что

касается их отца, он отдал предпочтение яйцам пашот с беконом, который вызывал во мне самые низменные желания, точнее, однозначное, примитивное: жрать.

Видимо, Алмазный король это понял, потому что только произнес:

— Вернемся к этому разговору после завтрака.

Над столом повисла тишина, нарушаемая лишь негромким звоном тарелок и чашек во время смены блюд. Когда желание сгрызть все, от чего пахло едой, перестало быть первостепенным, я отметила роскошь столовой, в которой оказалась. Выполненная в апельсиново-кремовых тонах, украшенная уютными пейзажами на стенах, она протянулась метров этак на десять. Подозреваю, что это была малая столовая, потому что стол, за которым мы сидели, можно было накрыть от силы на двадцать-тридцать человек. Внимание притягивала и лепнина на высоких потолках, и огромные окна, и роскошный камин.

Когда в очередной раз сменили блюда и помимо бесчисленных рогаликов, ватрушек и пончиков принесли мороженое, я поняла, что десерт в меня уже не полезет. Зато девочки подтянули к себе креманки, с явным удовольствием набросившись на лакомство.

Слуги только-только собрали лишнюю посуду и вышли из столовой, когда раздался голосок Аделин:

— Мирэль Тонэ, вы не нальете мне нирасового сока? — спросила она, указывая на графин с подозрительной фиолетовой жидкостью. Я косилась на нее весь завтрак, но так и не рискнула попробовать.

— Мирэль Тонэ не обязана ухаживать за тобой за столом, Аделин, — негромко произнес Демаре. — Дождись, пока вернется прислуга, или возьми сама.

— Мне не сложно, — я взяла чистый бокал и, приподнявшись, потянулась за графином.

— Ой!

Краем глаза увидела, как Аделин чуть не столкнула со стола забытую слугой соусницу. Демаре поймал ее так ловко, что осталось только восхищаться его реакцией.

— Держи, — улыбнувшись, подала девочке бокал и опустилась на место.

Пляк!

С таким звуком лягушка может плюхнуться в болото, но когда ты воспитательница в детском саду, то сразу понимаешь, что лягушка тут ни при чем. Особенно когда Кристин с трудом сдерживает смех, сосредоточенно колупаясь в опустевшей креманке. Холодное липкое мороженое тут же пропитало юбку, которую мне одолжил Жужжен. То есть не Жужжен, конечно, а Жизель, но дела это не меняло.

Я попалась, как зеленая практиканка!

Не знаю, на кого я в эту минуту разозлилась сильнее: на себя или на старательно заедающих остатками мороженого торжествующее хихиканье маленьких поганок, но в этот момент снова почувствовала на себе внимательный взгляд. Демаре без устали сканировал меня (видимо, проверял на наличие всех пакостей, которые только мог себе представить), и, если честно, мне это порядком надоело. Начиная со дня нашей встречи, когда меня сначала притянули в кресло лассо, а затем выставили вон, и заканчивая сегодняшним утром, когда неоднозначно намекнули на то, что я шлю... в общем, не отличаюсь тяжелым поведением. Разумеется, Селани годами создавала свой образ, но сейчас именно этот тяжеленный взгляд Фернана стал последней каплей в луже тающего под моим задом мороженого.

— Что это вы на меня так смотрите, мируар Демаре? — поинтересовалась я, очаровательно улыбаясь. — У меня что, на одежде пятно?

Девочки перестали хихикать и насторожились. Ну нет, укротительницы чебуронов, жаловаться я на вас не собираюсь, не мои методы. Да и вообще, такие проблемы надо решать наедине, но поволноваться здесь не помешает всем.

Взгляд Демаре потяжелел еще на пару «чугунеевых» труб из моего любимого анекдота. Поскольку с завтраком уже было покончено, его величество отодвинул чашку напитка под названием въярн, подозрительно напоминающего кофе.

— Девочки, поднимайтесь к себе, — произнес он, обращаясь к дочерям. — Нам с мирэль Тонэ нужно кое-что обсудить.

— Да, папочка, — это было сказано хором.

Девочки (ну натуральные ангелочки, только крыльишек не хватает) дружно промокнули губы салфетками, вспорхнули со своих

стульев с подушечками, позволяющими им сидеть за столом наравне со взрослыми. Аделин подхватила стакан с фиолетовым соком — видимо, как трофей — и они вместе вышли за двери, аккуратно прикрыв их за собой.

— В моем доме я смотрю на кого пожелаю и как того пожелаю, мирэль Тонэ, — ровно сообщили мне. — Советую вам это запомнить.

— Смотрите, как пожелаете на кого угодно, — ответила я ему в тон. — Но я не из тех, кто будет заглядывать вам в рот и внимать каждому слову только потому, что вы облагодетельствовали меня возможностью на вас работать.

У Демаре потяжелела челюсть. Видимо, из солидарности со взглядом.

— Может быть, мне некуда пойти, но это не значит, что вы будете мной помыкать, как всеми в этом доме. Если у вас на этот счет другое мнение, то мы с вами не сработаемся, мируар Демаре.

В глазах его сверкнуло плохо сдерживаемое раздражение, которое поглотила свойственная ему насмешка:

— Я уже сказал, что вы прошли проверку, мирэль Тонэ.

— Поэтому я и поинтересовалась, почему вы на меня так смотрите, — продолжила я. На первый взгляд спокойно, потому что при упоминании о проверке по телу прошла жаркая волна. Захотелось треснуть Демаре подносом по голове или вывалить на эту самоуверенную мируароскотину десяток-другой шариков мороженого. Сдается мне, ему не помешает немного понизить градус самомнения. — И прежде чем я приступлю к своим обязанностям, мне нужна форма.

— Какая форма вам нужна? — он вскинул брови. — Все предыдущие няни одевались, как они того желали.

Казалось, Демаре наслаждается каждым упоминанием о том, что я осталась без одежды, и из-за этого желание опустошить на него местную мороженицу с каждой минутой становилось все сильнее.

— Форма, в которой я буду ходить по дому. До той минуты, пока не получу аванс.

— Чем вас не устраивает одежда Жизель?

Тем, что у меня на юбке пятно от мороженого.

Вслух я этого не сказала, тем более что дело было не только в этом.

— Она не устраивает меня тем, что Кристин и Аделин знают каждое платье, которое принадлежало их матери. Думаете, это правильно — позволять им видеть в ее нарядах другую женщину?

Взгляд Демаре сверкнул так, что перебил сияние камня в его кольце. На миг показалось, что меня сейчас раскатают прямо по стулу, и останется в их столовой памятник неподчинения великому Алмазному королю в стиле Сальвадора Дали.

— До аванса еще надо продержаться, мирэль Тонэ, — мужчина поднялся так резко, что содрогнулся даже стол. — Продержитесь — сможете обзавестись собственной одеждой. А теперь поднимайтесь к девочкам и помните, что отвечаете за них головой.

Демаре вышел из столовой столь же резко, сколь и поднялся, а я подавила желание запустить в дверь креманкой. У-у-у, как же меня бесят такие типы! Бесят, бесят, бесят! Бесят своим ощущением превосходства, бесят, потому что из-за того, что у них есть деньги, действительно считают себя королями мира. К счастью, есть и другие, адекватные. Вот Мишка, например, хоть и генеральный крупной строительной компании, никогда себе такого не позволял. Ни-ког-да! Никогда не смотрел на людей свысока, не делал разницы между своим водителем и деловым партнером, общался всегда на равных и уважительно.

Мишка...

Стоило подумать о любимом, как сердце сжалось, захотелось свернуться клубочком и долго со вкусом себя жалеть, но позволить этого себе я сейчас не могла. Сначала надо подняться к девочкам и разобраться с тем, что произошло, а потом... потом, когда я узнаю распорядок их дня, буду разбираться уже со своими проблемами. В частности, с одной-единственной и самой главной: как попасть обратно домой.

Поднявшись, подтянула юбку и обнаружила на ней огромное розово-бирюзовое пятно. Задвинула стул и направилась к дверям, мысленно продолжая ругать всех вместе взятых мируаров. В доме я ориентировалась пока еще не столь хорошо, как хотелось бы, но где находится детская запомнила. Даже несмотря на то, что после

насыщенного дня была слегка неадекватна, когда меня туда провожали.

На этот раз дверь открывала осторожно, но на голову мне ничего не высыпалось. Более того, детская встретила меня аккуратно застеленными кроватями и тишиной.

— Кристин! — позвала. — Аделин!

Ни звука.

Ну разумеется. Не думала же я, что это будет так просто?

Комната была огромная и очень светлая, но прятаться в ней, по сути, было негде. Два столика, два стула, полки с многочисленными игрушками: куклы в нарядных платьях, какие хочешь, огромный кукольный дом, обставленный не хуже особняка Алмазного короля. Дверцы платяного шкафа сейчас были раскрыты, представив на обозрение гардероб маленьких принцесс, не сильно уступающий гардеробу их матери. Единственное, где девочки могли укрыться — это под кроватями.

Опустившись на колени, осторожно приподняла длинное покрывало одной, затем второй: никого.

Ну и где, спрашивается, мне их искать?

Мысль-озарение в голову пришла внезапно. Комната Жизель.

Если бы я была маленькой девочкой, которая очень хочет спрятаться, точно выбрала бы комнату матери.

К счастью, мне даже помочь дворецкого не потребовалась, чтобы ее найти: спальня соседствовала с гардеробной. Оказавшись в покоях Алмазной королевы, я подумала о том, что у супругов были явно нелады в отношениях, раз ночи они проводили в раздельных спальнях. В этой, например, не было даже намека на присутствие мужчины, как и вещей этого самого мужчины. Впрочем, нелады супругов Демаре меня интересовали в последнюю очередь, а вот в первую... я поняла, что права, когда увидела неплотно прикрытую дверь в гардеробную, но не успела сделать и шага, как за спиной раздался торжествующий голос дворецкого:

— Ага! Попалась!

Откуда он взялся, я даже представить себе не могла.

— Жирфен...

— Жужжен! — взвыл он. — Что вы тут делаете, мирэль Тонэ?! Я же предупреждал, что вы можете взять только одно платье!

Он наступал на меня с видом полицейского, застукиавшего преступника на горячем. С таким довольным видом, что я всерьез и надолго убедилась в том, что Селани в этом доме не любят.

— Я пришла сюда, потому что девочки...

— Девочки?! Ха! — он упер руки в бока. — Спорим, вы хотели позаимствовать что-то еще из нарядов мирэль Демаре?

— Да не нужны мне ее наряды! — вспылила я. — Кристин и Аделин прячутся здесь...

— Ну разумеется, — ядовито произнес мажордом, широким шагом пересекая комнату. — И где же это они у нас прячутся? — Рывком отогнув полог, заглянул под кровать. — Может, здесь? — подбежал к шторе. — Или здесь...

Оказавшись в гардеробной, он рванул на себя дверцы ближайшего шкафа, но договорить не успел: с оглушающим грохотом и клацањем на дворецкого рухнул скелет.

Селани Тонэ

— Да, и еще омма захвати! Я хотела... л... сказать, въяrn с капелькой омма, — властно бросила вслед удаляющейся служанке Селани. Решив, что эту самую капельку она даже не распrouбует, добавила нетерпеливо: — Въяrn тащи! Омм я сам возьму.

С этими словами актриса вновь раскрыла газету, которую последние несколько минут, пока рядом крутилась экономка (эта старая, нерасторопная кошелка!), изучала с самым скрупулезным видом.

Так ведь всем мируарам положено убивать время за завтраком.

Хотя Селани с удовольствием променяла бы газету на один из любимых журналов мод, с пролистывания которых обычно начиналось ее утро, чаще — полдень. Но в доме Десмонда Шерро, как назло, не обнаружилось ни одного. А спрашивать у горничных она не стала, заранее зная, какой окажется их реакция. Да и зачем им покупать себе журналы? Чтобы быть в курсе, какой нынче в моде фасон фартуков?

Пришлось давиться политическими новостями, читать о скачках в Ланси и об открытии очередного закрытого клуба для баловней судьбы, вроде закадычных приятелей Шерро и Демаре.

Напоровшись взглядом на статью, в которой говорилось о начале театрального сезона и скорой премьере спектакля под названием «Медсестра для врага», девушка с трудом подавила в себе желание скомкать газетенку и швырнуть ее за почерневшую от сажи каминную решетку. В нем Селани должна была исполнять (и, по-видимому, уже никогда не исполнит) главную роль — играть сестру милосердия в военном госпитале.

Сдернув с коленей салфетку, Селани приблизилась к старинному из темного дерева буфету.

— Ну, чем вы еще удивите меня и порадуете, мируар Шерро?

Омм обнаружился сразу. А еще оръяtt в пузатом графине, разнообразные ликеры: ореховые, сливочные, цитрусовые, которые тоже неплохо шли к въярну. Впрочем, без него они шли еще лучше. Прихватив с собой одну из бутылок, Селани вернулась за стол и щедро плеснула в бокал густой, карамельного цвета крепкий напиток.

К тому моменту, как вернулась служанка, бокал уже опустел и потребность во въярне отпала.

— Звонил мируар Бюжо, — сообщила пожилая женщина, наполняя маленькую чашку для хозяина и пристраивая с ней рядом дымящийся въярник.

Мируар Бюжо, мируар Бюжо... Это имя Селани определенно ничего не говорило.

— Чего хотел? — расправляясь с третьим по счету тостом, поинтересовалась актриса и не без удовольствия отметила, что в этом теле ей не придется изнурять себя жесткими диетами.

Нужно наслаждаться едой, пока есть такая возможность! Она обязательно уделит внимание и вон тем воздушным круассанам, и крепам под ягодным соусом. Сразу после того, как разделается с хрустящими тостами.

Ну и, конечно же, еще вернется к ликерчику.

— Сказал, — женщина устремила взгляд в пол, как делали все остальные слуги, когда удостаивались внимания Десмонда, — что вы уже как час должны были присутствовать на встрече.

— Ах, на встрече!

Селани мысленно выругалась. Она понятия не имела, чем занимается хозяин ее временного тела. Вроде бы это о Шерро не так давно писали в модном издании «1000 и один холостяк Ньеरры», как о завидном женихе, владельце многочисленных рудников и золотых приисков в Южной Асфирре.

И как же она, Селани, могла упустить из виду такого интересного мужчину...

В любом случае, ей нужен Алмазный король, а не его верноподданный. Друг то есть. О жизни которого не помешало бы разузнать как можно больше и как можно скорее, раз уж она намерена задержаться в этом теле. Следует разобраться во всех Десмондовых встречах и выяснить, кто такой этот Бюжо: партнер, секретарь или начальник.

Хотя, судя по забитому антиквариатом особняку и армии слуг, у Десмонда Шерро не было никакого начальника, кроме него самого.

— Мируар Шерро? — несмело подала голос служанка, напоминая о своем существовании. — Мируар Бюжо обещали перезвонить, чтобы узнать, когда вы сможете подъехать.

— Передай, я болею, — Селани громко покашляла, — и сегодня никуда не подъеду. Завтра, может.

После завтрака мирэль Тонэ намеревалась отправиться за своим телом и уж точно не собиралась убивать время на какие-то там встречи.

Женщина кивнула, после чего спросила, желает ли господин еще чего-нибудь, получив в ответ нетерпеливое: «Чтобы ты скорее вышла!», и поспешила покинуть столовую.

— Бюжо, Бюжо... — подливая себе ликера в бокал для воды, задумчиво пробормотала Селани и скривилась: — Хмаря изначальная! А вот про работу я совсем не подумала!

Зацепиться как следует за эту мысль ей не дали. В дверь, за которой только что скрылась пожилая служанка, громко постучали.

— Ну кого там еще принесло?! — раздраженно вскинулась актриса, а увидев показавшегося на пороге щупленьского рыжеволосого мальчишку, милостиво поманила его к себе.

Селани только знала, что он был внуком не то кухарки, не то водителя. Чьим-то дармоедом, в общем, с утра до вечера отиравшимся в доме Десмонда.

Селани и его не оставила без дела, еще вчера, перед тем как лечь спать, приказала с утра пораньше отправиться следить за белокаменным домом на рю Олуэ. Каково же было удивление актрисы, когда мальчишка, жадно покосившись на горку золотистых круассанов, бодро отрапортовал:

— Мирэль Тонэ дома не ночевали!

От такого заявления Селани чуть ликер на пол не выплюнула.

— Как это не ночевали?! А где тогда ночевали?! — голос лже-Десмонда взметнулся на октаву выше.

Актриса почувствовала, что вот-вот задохнется: злость на дуру-иномирянку сдавила ей горло. Ну куда опять вляпалась эта корова?! На смену злости тут же пришел страх: что, если ее раскрыли и арестовали? Надо было еще вчера к ней кого-нибудь приставить! Но Селани настолько увлеклась осмотром чужого дома, копанием в личных вещах Десмонда и знакомством с мужским (весьма недурным, кстати) телом, что совсем позабыла об этой идее. И утром собирая проснуться пораньше, чтобы первым делом забрать иномирянку, но, как всегда, проспала.

— Я выяснил, — от осознания собственной важности мальчишка напыжился. Перекатываясь с носка на пятку и заткнув большие пальцы за резинку подтяжек, радостно выпалил: — Что ее выбросили из дома!

— Ах ты ж, Грекуар! Скотина!!! — в сердцах выкрикнула актриса.

Мальчик удивленно захлопал глазами. Он явно не ожидал от хозяина столь бурной реакции.

— Что ты еще узнал? — справившись с эмоциями, выщедила Селани.

— Что ее увез какой-то господин на бо-о-ольшой такой черной машине, — распахнув руки, показал примерные размеры машины внук не то кухарки, не то водителя.

Господин на большой черной машине... Селани уже собираясь удариться в панику, но потом, пораскинув мозгами, решила обождать

и сначала проверить одну догадку.

— Бегом к Демаре! Узнай, не появилась ли у них новая няня, и, если да, выясни, кто такая.

— Будет сделано, мируар Шерро! — с готовностью отозвался рыжеволосый мальчишка, и Селани, сама себе удивляясь, милостиво разрешила ему взять с тарелки один рогалик.

— Да! — окликнула она его. — На обратном пути купи в киоске на рю Верзе «Модный свет» и «Сорок пять оттенков алмазов». Деньги пусть даст тебе Жаккар.

Так звали дворецкого Десмонда, до противного похожего на того, что служил у Демаре.

Скорее всего, мальчик даже не понял, что это за журналы такие, потому что на этот раз ничем не выказал своего удивления. Кивнув и на ходу доедая рогалик, побежал выполнять поручение хозяина.

В ожидании возвращения мальчишки Селани успела покончить с завтраком, ополовинить бутылку ликера и перебраться в кабинет Десмонда, где, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, продолжила знакомиться с Шерро и его жизнью. Раздвинув тяжелые бархатные шторы, глубокого синего цвета, как Азалийское море поздним вечером, девушка плюхнулась в кресло и принялась один за другим выдвигать ящики письменного стола.

— Бумажки, бумажки, бумажки, — бормотала она, раскрывая папку за папкой, но не имея ни малейшего желания вникать в суть написанного. — О! А это что?

Селани нагнулась, чтобы поднять выскользнувшую из папки фотографию. На растрескавшейся от времени карточке были изображены Фернан и Десмонд. А между лучшими друзьями, играво улыбаясь, стояла Жизель Демаре.

Фотография была сделана давно. На ней самые богатые и влиятельные мужчины Ньерры были еще мальчишками, лет двадцати от силы. Жизель наверняка и шестнадцати не было. Но в этой пухлышекой улыбающейся девчушке, несомненно, угадывалась утонченная красавица, в которую с годами превратилась жена Фернана.

Селани досадливо поморщилась и сунула снимок обратно в папку. Внутри снова всколыхнулась зависть. Уже тогда Жизель имела

все, о чем ей, Селани, оставалось только мечтать. Богатых родителей, души в ней не чаявших. Не менее состоятельных поклонников, за одного из которых эта счастливица впоследствии вышла замуж. Роскошные наряды, дорогие аксессуары. Развлечения, путешествия, бесконечные вечеринки... У Жизель было все! Но теперь это «все» — актриса воинственно сжала кулаки — в самом ближайшем будущем станет ее!

«Разведчик» вернулся спустя где-то час, когда Селани уже была готова лезть на стенку от беспокойства. К огромной радости актрисы, он подтвердил ее догадку: мирэль Тонэ в доме Демаре, а значит, можно облегченно выдохнуть.

— Вот, купил, как сказали. — Мальчик положил журналы на стол.

Хрюкнул негромко, тщетно пытаясь сдержать рвущийся наружу смех, за что был удостоен тяжелым мрачным взглядом.

— Хочу выбрать подарок для... подруги, — нехотя пояснила Селани.

— Для мирэль Лепаж? — понятливо кивнул мальчишка.

— Для нее, — буркнула Селани и раздраженно махнула рукой, намекая, чтобы уходил скорее, а себе делая пометку в памяти — разузнать еще и про эту Лепаж.

Оставшись одна, Селани сосредоточилась на журналах и на воплощении в жизнь первой части своего плана. Ее интересовали ювелирные украшения. Что-нибудь полезное, красивое и страшно дорогое.

Роскошный презент от тайного поклонника наверняка привлечет внимание Фернана к новой няне. Вызовет в нем интерес, а может, даже разбудит инстинкт охотника. Мужчины ведь все по своей природе собственники. Особенно такие, как Демаре. Да и грех не воспользоваться возможностью и не подарить себе любимой, допустим, вот этот симпатичный браслетик, продав который среднестатистическая семья Мальмара могла бы безбедно жить несколько лет.

Девушка перелистнула страницу и восторженно ахнула. Изумрудное колье с перстнем в обрамлении россыпи алмазов! То, что надо!

— Решено! — Свернув журнал трубочкой, актриса поднялась. — Сейчас за изумрудами. Потом мы с Десмондиком организуем тайную доставку украшений няне, присовокупив к подарку шикарнейший букет цветов. Моих любимый алых луреоз. А вечерком я нагряну на ужин к старому приятелю. Разведаю обстановку и пероножку эту пострашаю. Чтобы ее и из дома Демаре не выперли. И чтобы помалкивала: о себе, о том, кто такая. В общем, замечательно!

Пребывая в прекрасном расположении духа, Селани отправилась выяснить, какая у Десмонда машина и кто у них тут за водителя.

Глава 6

Скелеты, изумруды и космические полеты

Ира Илларионова

— Еще раз, — произнес Демаре таким тоном, что все цветы в радиусе километра должны были завянуть или как минимум закрыться в бутоны, как с наступлением ночи. — Что, вы говорите, произошло?

— Мируар Жуклен открыл дверь...

— Жужжен, — донеслось слабое с кровати.

Ну кто же мог представить, что у дворецкого в доме алмазновеличества окажутся такие слабые нервы. Как по мне, так ему нужны стальные канаты, а еще лучше — железные арматуры, на которых можно высотки возводить. Увы, у Жужжена, судя по всему, шелковые ниточки, потому что он схлопотал сердечный приступ, и сейчас возлежал в своей комнате на постели, а вокруг него сутился приехавший по срочному вызову врач. Он-то и наляпал ему на грудь что-то вроде перцового пластиря с крошкой камней.

Жужженовы сердечные ритмы мигом выровнялись, а я для себя сделала вывод, что вся магия в этом мире (начиная от лассо и заканчивая автомобильной, телефонной и врачебной) работает на драгоценных камнях. Если так, понятно, почему бизнес Демаре процветает, он сидит (буквально) на золотой жиле этого мира.

— Я жду, — напомнило величество.

— В общем, ваш дворецкий открыл дверь, и на него упал скелет Жизель.

По взгляду Демаре я поняла, что немного неудачно выразилась, и поспешила уточнить:

— В смысле, скелет для наглядного изучения анатомии, который ваша жена использовала, когда собиралась получать медицинское образование.

На меня посмотрели так, словно не прочь были саму сдать в клинику в качестве экспоната для наглядного изучения анатомии. Я же только пожала плечами: о страсти Жизель к медицине я узнала от самого Демаре, когда он влетел на место преступления и обнаружил мажордома с вытаращенными (раза в три сильнее, чем обычно) глазами, схватившегося за сердце, а сверху на дворецком покоился скелет.

Поскольку врач продолжал совершать над больным ритуальные действия, мне указали в сторону двери. Пожелав Жужжену скорейшего выздоровления и заработав недоверчиво-злющий взгляд, я вышла в коридор вместе с Алмазным королем.

— Значит, скелет Жизель, — глубокомысленно протянули их величество.

— Он самый, — подтвердила я. — Если у вас в доме больше ни у кого нет припрятанных по шкафам скелетов.

Сдается мне, если хорошенъко покопаться, их тут обнаружится предостаточно, но это совершенно точно не мое дело. Я здесь не за этим.

— И вы, разумеется, не имеете ни малейшего представления о том, как он там оказался? — Демаре недоверчиво прищурился.

— Разумеется, нет, — совершенно искренне ответила я. — Возможно, его туда убрали горничные после того, как ваша жена пропала.

— Скелет? — скептически переспросил Алмазный король.

— Ну не Жужжена же.

— Тогда почему он не выпал сразу, когда вы выбирали одежду?

— Возможно, потому что стоял глубоко, и, передвигая вешалки, мы его потревожили.

— Вы уверены, что в спальне моей жены не было девочек? — пристально посмотрели на меня.

— Совершенно, — не моргнув глазом, соврала я. — Они были в своей комнате, и я попросила их подождать, пока смогу переодеться.

Демаре покосился на мою юбку с радужными разводами. Поскольку это была одна из тех юбок, которые как хочешь верти, зад и перед неотличимы, я перевернула ее пятном вперед: так было проще объяснить, откуда оно взялось.

— Что ж, думаю, вы можете возвращаться к своим обязанностям, мирэль Тонэ, — великодушно разрешили мне.

Вот спасибо!

— Непременно, — кивнула я и уже почти шагнула в сторону детской, когда мне преградили путь резво выставленной рукой.

— Девочки любят гулять, — продолжил Демаре инструктаж. — В саду. Обычно они гуляли возле бассейна, но теперь бассейна нет. Поэтому вы можете отдохнуть в беседке у фонтана, ее очень любила Жизель. И они ее любят.

От неожиданности я даже сбилась с попытки шага, то есть вросла в пол. Это что сейчас такое было, ННП, то есть неотложная нянепомощь?

— Вы свободны, — в обычном жестком режиме подвело итог его алмазное величество, глянув на меня свысока и тем самым перебив все желание благодарить.

Не успела я сделать и двух шагов, как меня догнало:

— Нужно было очень сильно постараться, чтобы испачкать юбку мороженым, которое вы не ели.

Вот ведь... наблюдательный какой!

Обернувшись, я обнаружила, что Демаре стремительно удаляется в сторону лестницы, и направилась в детскую.

На этот раз девочки действительно были там: Кристин возилась у кукольного домика, а Аделин (вот чудо) сидела в другом конце комнаты, прижимая к груди чебурона. Не нужно было обладать талантами воспитательницы, чтобы почувствовать царившее в детскую напряжение.

Кристин ко мне даже не повернулась, тогда как Аделин поднялась (я вдруг отчетливо поняла, что знаю, кто из них кто): если первая близняшка привыкла хмурить лоб и щуриться, как отец, то

вторая наоборот чаще улыбалась или посматривала на сестру. Только не сейчас.

— Как себя чувствует Этиль? — с тревогой спросила она.

— У него был сердечный приступ. Сейчас с ним врач, и думаю, что все будет хорошо, Аделин.

— Аделин — это я, — донеслось ехидное со стороны кукольного домика.

— Неправда! — прозвучало возмущенное с другого конца комнаты.

Аделин отложила чебурана на столик и с вызовом посмотрела на сестру. В ответ Кристин так сверкнула глазами, что я как бы невзначай шагнула к книжному шкафу, загородив собой одну девочку. Книг здесь было море, и все с картинками, но я понятия не имела, что любят читать близняшки, и любят ли читать вообще. К моему удивлению, Аделин подошла ко мне и, подставив стульчик, взобралась на него.

— Моя любимая вот эта, — сказала она, вытащив большую книгу размером с кулинарную советского образца. — Про пятноглаза Грига и его подружку Марли.

Ну, зато теперь я знала, кто такой пятноглаз. В нашем мире он называется панда.

— А это — любимая книга Кристин. — Девочка вытащила вторую.

На ней была изображена малышка в красивом платье, она стояла на сцене с микрофоном в руках.

— «Маленькая певица», — прочитала я. — Ты хочешь научиться петь, как мама, Кристин?

— Не ваше дело, — донеслось из-за спины.

После чего раздался топот ножек, оглушительно хлопнула дверь.

— Не обращайте внимания, — негромко произнесла Аделин, серьезно посмотрев на меня. — Крис не всегда такая, она просто злится. За мамину одежду и прочее.

Я кивнула.

— Понимаю. Спасибо за помощь, Аделин.

Девочка улыбнулась:

— Почему вы не сказали про нас?

Близняшки прятались в шкафу, когда прибежал Демаре, но я просто закрыла дверцы, и, поскольку Жужжену нужна была помочь, мы вышли из гардеробной все вместе. Разбор полетов начался уже в комнате дворецкого.

— А должна была?

— Шу-шу-шу! — донесся голос Кристин: она стояла в дверях ванной, уперев руки в бока. — В углу газетками шуршат! Между прочим, мы в это время обычно гуляем.

— Я как раз собиралась вам это предложить, — улыбнулась я. — Как насчет небольшого соревнования?

— Соревнования? — у Аделин загорелись глаза.

У Кристин тоже, правда, она постаралась скрыть свой интерес за вздернутым подбородком и упрямым выражением хорошенъского личика.

— Да, у вас в саду есть фонтан. Кто первый добежит, тот... — Я задумалась. — Тот сегодня у нас будет капитаном космического корабля.

— Капитаном чего? — Аделин широко распахнула глаза.

— А вот добежим — и я вам все объясню! Ну что, на счет три? Раз, два...

Не успела я сказать: «три», как девочки сорвались с места, и я припустила за ними. Мы слетели по лестнице. Я с книгами подмышкой в отстающих, девочки впереди: Кристин опережала Аделин. Промчавшись по коридорам, мы вылетели в сад. Вышеупомянутый Фернаном бассейн выглядел так, словно на него упал театр, в котором играла Селани. Ну ладно, он выглядел чуть получше, и с десяток рабочих сейчас пытались исправить положение. Они уставились на нас: еще бы, занимательное зрелище, две близняшки с визгом несутся к дорожке, а за ними вприпрыжку здоровенная девица модельной внешности на каблуках, проваливаясь этими самыми каблуками в не до конца просохшую землю.

Дорожки уводили вглубь парка, которому, надо отдать должное, мог позавидовать городской неподалеку от моего дома. На этой мысли я споткнулась (или слишком сильно увязла каблуком в мокрой земле) и чуть не улетела в очередные кусты. К счастью, не улетела, мы миновали разветвление дорожек и выбежали к беседке, о которой

говорил Демаре. Сейчас уже впереди была Аделин, но в тот самый момент, когда она почти коснулась рукой ажурных перил, Кристин ойкнула. Сестра тут же остановилась, а вот Кристин — нет: с торжествующим видом влетела в беседку.

— Ну, рассказывайте про этот свой космический корабль, — воинственно заявила она, усаживаясь на скамейку.

Аделин заметно погрустнела, и, хотя старалась этого не показывать, было видно, что выходка сестры ее задела.

— Так, — сказала я, укладывая книги на столик. — Для начала мне нужно отдохнуться...

Кажется, девочки даже не заметили, что прибежали не к фонтану, о котором был уговор, а к беседке. Видимо, Демаре прав, и они действительно безумно любят это место. Догадывается ли он, насколько? Он сказал, что эта беседка — любимое место Жизель. Возможно, девочки проводили здесь время с матерью?

Тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли.

Мне нужно думать о себе, о том, как домой вернуться.

— Значит, космический корабль. — Я протянула Аделин руку, усаживаясь на скамеечку и оставляя место для девочки между собой и Кристин. — Это такой корабль, который летает к звездам.

— К звездам? — удивилась Аделин. — У нас есть корабли, которые летают в небе, но про те, что летают к звездам, я ничего не слышала. Это тоже сказка?

И это мне говорит девочка, которая только что упомянула про летающий в небе корабль. Почему-то живо представился раскинувший паруса фрегат, плывущий среди облаков.

— Можно и так сказать, — уклончиво ответила я. — Но вообще это корабль, который может перенести вас на другую планету...

— В другой мир? — уточнила Кристин.

— Нет, — помня о том, что здесь творится в отношении других миров, проговорила как можно более осторожно. — В нашем же мире, только на другую планету, которая крутится так же, как наша, но в космосе.

— А! Нам рассказывали про другие планеты, — вмешалась Аделин раньше, чем ее сестра успела забросать меня еще десятком-

других каверзных вопросов. — Они как другие города и страны, только там.

Девочка указала на небо.

— Все верно. И на них живут другие люди...

— Люди?

— И звери, — добавила я. — Космические корабли отправляют на другие планеты, чтобы изучать другие цивилизации...

Девочки слушали меня, открыв рты. Для них это, судя по всему, действительно была сказка, и я решила, что библиотека мне нужна срочно. Если я здесь задержусь, в любой момент могу ляпнуть что-нибудь однозначно указывающее на мою иномирность. И тогда...

— Капитан занимается тем, что управляет кораблем. На нем лежит большая ответственность, потому что именно от него зависят жизни экипажа и успех экспедиции. Но есть еще первый помощник, — я внимательно посмотрела на Аделин. — И без него капитану ну никак не обойтись. Думаю, лучше тебя на эту должность никого не найти.

Девочка просияла.

— Но сначала нам надо спросить капитана, правда? Ведь он утверждает кандидатуру на роль помощника.

Я повернулась к Кристин, и та кивнула:

— Да, Аделин отлично подойдет.

— А кем будете вы? — Аделин заглянула мне в глаза.

— Ну... третье лицо, без которого экипажу однозначно не справиться — это повар.

— Повар? — рассмеялась девочка.

— Разумеется. Кто-то же должен всех кормить.

— Кого — всех? — ехидно поинтересовалась Кристин. — Нас тут трое.

— Вовсе нет, — невозмутимо возразила я. — Просто весь остальной экипаж невидимый. Они специально активируют камни невидимости, чтобы не отвлекать капитана с помощником.

— А как беседка поднимется в воздух? — скептически поинтересовалась вредная близняшка. — И полетит к звездам?

— Не беседка, а весь дом. Это он — огромный корабль, который поднимется в небо незаметно для остальных. Просто со стороны все

будет выглядеть так, словно мы по-прежнему на этой планете.

— Адаптивная иллюзия! — Аделин возбужденно вскочила и захлопала в ладоши. — Полетели! Полетели! Полетели!

— Эй, это я здесь командую, — напомнила Кристин, а потом поднялась, огляделась по сторонам и с самым серьезным видом заявила: — Полетели!

И мы полетели.

Кристин прогуливалась по беседке с важным видом, сцепив руки за спиной и поглядывая по сторонам, а мы с Аделин обсуждали цель экспедиции: изучение зеленоглазых пятнорылов и крапчатых пушистиков, которых можно и даже нужно приручить. По дороге у нас случилась небольшая проблема — пояс астероидов, но мы его благополучно миновали и вышли в гиперпространство.

Фонтан рассыпал солнечные брызги, шум воды умиротворял, а мраморная красавица, устроившаяся в самом его сердце на скамейке, кокетливо прикрывалась зонтиком. После угрозы и нам захотелось расслабиться, и мы немного почитали книжки. Которые, кстати, тоже оказались с секретом: стоило повернуть небольшой камушек в обложке, как зверушки на картинках ожили и начали бродить со страницы на страницу. Девочка с микрофоном тоже ожила и запела — удивительно красивый детский голос затрагивал самые потаенные струны души.

Я даже не сразу поняла, что поет Кристин: стоило мне повернуться к ней, как она замолчала, и льющаяся со страниц мелодия и тоненький голосок стали гораздо тише.

— Ты потрясающе поешь, — выдохнула я. — Кристин, твой отец об этом знает?

— Это тоже не ваше дело, — огрызнулась Капитан Вредина и привычно сложила руки на груди.

Понимая, что настаивать не стоит, я примирительно улыбнулась.

Судя по тому, как урчал мой желудок, девочки тоже должны были проголодаться. Сейчас отведу их в дом и выясню, когда у них обед.

— Как считаете, нам пора покормить команду?

— Пора, — буркнула Кристин.

После чего мы оставили рубку и вернулись домой. Вышагивая по коридорам, гордо задрав голову, Кристин что-то шепотом

рассказывала сестре, а я снова шла чуть позади. Шла и улыбалась до той минуты, пока мы не оказались в холле. В этот миг я вдруг отчетливо поняла, что даже думать забыла про дом, искренне наслаждаясь обществом близняшек и игрой с ними.

Осознать эту мысль мне не позволили: по холлу прокатилась мелодия звонка, и, чудом не влетев в меня, откуда-то выскочил уже вполне себе здоровый Жужжен. О том, что здравоохранение в нашем мире за такие технологии отдало бы все доходы медицины и фармации вместе взятые, я тоже особо подумать не успела. Потому что дворецкий распахнул дверь, что-то там недовольно пробормотал, а потом повернулся ко мне с самым зловещим видом. В руках у него были какая-то коробочка и огромный букет.

— Луреозы!

— Какие красивые! — в унисон восхитились близняшки, глядя на ярко-красные цветы, которые венчала голова мажордома.

Ну то есть она, конечно, их не венчала, а просто торчала из букета. Тыфу ты! Луреозы в хрустящей обертке закрывали Этиля от пояса по самый подбородок, отчего казалось, что у него отсутствует половина туловища, а голова растет из цветов. Но, кажется, меня куда-то не туда понесло. А все из-за Жужжена, по милости которого я растерялась, когда он вдруг ни с того ни с сего протянул мне букет с кислой миной и со словами:

— Это вам, мирэль Тонэ.

Кислая мина, к счастью, к цветам не прилагалась, осталась при дворецком. Зато в комплекте с луреозами, очень похожими на земные розы, если не считать роя блестящих песчинок, безмятежно паривших над бархатными лепестками, шла элегантная черная коробочка. Тоже бархатная и, к слову, весьма тяжелая.

— О-о-о, у мирэль Тонэ есть ухажер! Ухажер! Как принц у Русалочки! — восторженно воскликнула одна из близняшек.

Я не успела понять, которая, потому что в тот момент позади раздалось сухое и требовательное:

— Что здесь происходит? Этиль?

От неожиданности я чуть не выронила презент. Обернулась к его бриллиантовости, прежде краем глаза успев заметить, как недовольно скривилась физиономия дворецкого.

— А я этого и боялся. Теперь поклонники мирэль Тонэ будут осаждать ваш дом, мируар Демаре. Как будто нам мало журналистов, — закончил он ворчливо.

— От кого? — все в той же невозмутимо-властной манере потребовал объяснений Демаре, и я почувствовала себя преступницей на допросе в полицейском участке.

Прежде чем успела хоть что-то ответить, Алмазный король в два шага преодолел короткое, разделявшее нас расстояние и бесцеремонно выхватил торчащий из «миллиона алых роз» сложенный вдвое белоснежный листок.

Стоило Демаре оказаться рядом, как меня окутало ароматом дорогого одеколона с сигарной горчинкой. За то время, что мы не виделись, его величество успел не только побриться и покурить, но и переодеться в элегантный твидовый костюм-тройку, а также вооружиться кожаным портфелем с массивной застежкой, инкрустированной, понятное дело, магическим камнем. Голову короля украшала шляпа с узкими полями, гангстерская такая, а лицо (совершенно не украшала) мрачная гримаса.

Я вытянула шею и прочла вместе с похитителем личных записок:

Той, что лишила меня покоя и пленила мое сердце. Достойной всех луреоз и драгоценностей этого мира. Самой прекрасной драгоценности Эоны!

Подписи не было или, на крайний случай, какого-нибудь там вензелька, который бы намекнул, кто же этот таинственный воздыхатель. Пальцы Демаре дрогнули, и мне показалось, что вот сейчас он скомкает листок и брезгливо швырнет его под подошвы своих до блеска начищенных туфель. Но вместо этого он протянул мне бумажку и, переключившись на коробочку, распорядился:

— Откройте.

А вот это уже перебор, мируар, вы так не считаете?

— Мне кажется, или подарок предназначался не вам?

— Мне, вам — неважно. Я должен знать обо всем, что появляется в моем доме. Как и о том, кто и как сумел выяснить, что теперь вы живете со мной. Откройте, мирэль Тонэ, — в голос добавили стали.

Близняшки, затаив дыхание, следили за развитием событий.

Я нехотя повиновалась, раскрыла бархатный футляр и чуть не подавилась воздухом, когда попыталась проглотить уже готовое сорваться с губ восторженное «ах!». На подушечке из светлого атласаискрилось, мерцало, переливалось колье, достойное самой королевы. Крупные пронзительно-зеленые камни, изумруды — не иначе, в обрамлении россыпей прозрачных кристаллов. Голову даю на отсечение (Жужжена), это были бриллианты. Они сверкали так ярко, что я не без оснований начала опасаться: как бы глядя на них не ослепнуть.

— Папочка, а их ведь купили в твоем магазине, — сказала наблюдательная Кристин, указывая маленьким пальчиком на вышивку на атласе: алмаз в обрамлении золотых завихрюшек.

— Есть предположения, кто из вашего окружения настолько щедр, что вот так просто с утра пораньше расстается с целым состоянием ради... — Демаре осекся.

Наверное, хотел выдать нечто пренебрежительное в стиле: «ради какой-то там актриски», но потом вспомнил о том, что он мужчина как бы воспитанный. Вспомнил и замолк.

— Если бы были, я бы тут же отправила колье обратно. Я не принимаю такие дорогие подарки.

Хотя Селани наверняка принимала и с радостью, так что лучше не стоит быть такой радикальной.

Демаре издал глубокомысленное «хм», за которым последовало короткое:

— Разберемся. — После чего, позабыв и о драгоценностях, и о цветах, вернулся к ННИ — неотложному нянеинструктажу: — Девочки обедают в полдень. В четыре у них полдник. — Он покосился на настенные часы, на которых минутная стрелка только-только переползла за отметку двенадцать, а та, которая была короче, на ней задержалась. — Вам уже давно следовало быть в столовой.

— Давно — это три минуты назад? — захлопнув коробочку, уточнила я.

Но его мируарство не удостоил меня ответом, только взглядом, укововшим, как та самая часовая стрелка. Повернулся к Жужжену и предупредил:

— Сегодня с нами ужинает Десмонд.

— Мирэль Лепаж тоже будет? — добавив в голос медовых ноток, чуть ли не кланяясь, спросил Жоплен.

— О мирэль Лепаж он не говорил.

— Папочка, а ты на работу? — дернула за штанину венценосного отца Аделин.

— Мы думали, ты и сегодня останешься дома, — подхватила Кристин.

Демаре опустился на корточки и приобнял девочек.

— Я бы с радостью, но не могу, — голос и взгляд мужчины заметно смягчились, и в его присутствии даже стало как-то теплее. — Сегодня у меня очень важная встреча с очень важными людьми.

Близняшки расстроенно завздыхали.

— Они у тебя все важные, — насуплено заметила Кристин.

— Обещаю вернуться домой пораньше. — Фернан поцеловал малышек в надутые щечки. — А вы продолжайте играть с няней. И заниматься, — снова удостоил меня своим тяжелым мируаровым взглядом, вмиг утратившим теплоту и ласковость. После чего, добавив в голос прохлады, проговорил: — Вы бы все-таки сменили юбку, мирэль Тонэ.

— Опять на мамину? — сверкнула глазами Кристин.

— Мирэль Тонэ осталась без дома и без одежды. Что вам всегда говорила бабушка?

— Что нужно помогать нуждающимся, — нехотя промямлила недовольная близняшка.

— Пусть берет, — великодушно разрешила Аделин.

Но ее сестру явно не волновали проблемы нуждающихся нянь. Девочка капризно топнула ногой и, вырвавшись из отцовских рук, помчалась в столовую.

— Возвращайся скорее, папочка. — В отличие от сестры, Аделин не спешила выходить из образа ангелочка: поцеловала отца и помчалась следом за сестрой.

Фернан со вздохом поднялся.

— Этиль, выдай мирэль Тонэ аванс. Завтра утром, Селани, отправитесь по магазинам. Вы правы, — сухо признал он, — лучше, чтобы девочки не видели вас в одежде Жизель. А сейчас идите обедать. Но к ужину все-таки, пожалуйста, переоденьтесь. — Раздав

указания всем и каждому, Демаре направился к выходу в сопровождении своего верного пажа Жужжена.

А я, так и не найдя, куда пристроить фантастические розы, вместе с букетом и колье от очередного селаниевского поклонника поспешила в столовую, потому что из нее уже доносились громкие голоса. Близняшки ссорились.

И, кажется, причиной ссоры была я.

Стоило мне появиться в столовой, как девочки примолкли, слаженно уселись на свои места и вооружились ложками.

— Приятного аппетита, — улыбнулась я, стараясь разрядить обстановку, и опустилась на стул рядом с Кристин.

Но обстановка не разряжалась. На протяжении всего обеда близняшки обменивались хмурыми взглядами и дулись, словно две маленькие белочки, напихавшие себе за щеки орехов. Обижались ли они друг на друга, на новую няню, а может, на своего сверх меры занятого отца — это пока оставалось неясным. Ясно было другое: девочкам очень не хватало родительского внимания, вот они и пытались привлечь его к себе любыми способами: чаще проказами (не всегда безобидными) и своими капризами.

— А теперь отдыхать. — Когда с луковым супом и хрустящими гренками было покончено, я поднялась из-за стола.

— Вот еще! — Кристин сложила на груди руки, ясно давая понять, что не пойдет в детскую, а если я продолжу настаивать, то и вовсе не сдвинется с места.

Аделин на этот раз была с ней полностью солидарна.

— Мы днем никогда не спим!

— А кто говорил про спать? — наигранно удивилась я. — Отдыхать ведь можно по-разному.

— И как? — обменявшись с сестрой взглядами, спросила Аделин, старательно делая вид, что ей мой ответ вроде как и без надобности.

— Например, слушая сказки. Хотя... — задумчиво протянула я.

— Вы же их не любите, и вам будет совсем неинтересно узнать о Красавице, попавшей в замок Чудовища и подружившейся с живыми часами и мируаром канделябром.

Девочки снова переглянулись.

— Ну-у-у, мы можем попробовать послушать, — неуверенно предложила Аделин. — Вдруг эта сказка нам понравится.

— Попробуем! — согласилась ее сестра, решительно спрыгивая на пол, и мы отправились в детскую знакомиться с историей Белль и ее засорованного принца.

Утомленные богатым на впечатления утром, девочки уснули быстро и проспали до самого полдника. Пока они отдыхали, я успела заглянуть к Жизель и сменить юбку (благо на этот раз дворецкий меня не караулил), поставила цветы в вазу у себя в спальне и спрятала в секретер дорогущий подарок. Пусть лежит себе, я к нему даже не притронусь. Потом, когда вернется Селани, сама будет решать, как поступить с презентом.

Знать бы только, когда она вернется. А я... я вернусь к себе и в себя.

После полдника, состоявшего из молока и теплых булочек с корицей, мы приступили к занятиям. Булочки, кстати, испекла очень приятная в общении женщина — кухарка по имени Анаис. Я познакомилась с ней, когда зашла на кухню за едой для девочек, потому что служанка в четыре не появилась. Мы с Анаис (такой же румяной и пышной, как и ее плюшки) немного поболтали, а потом на кухню заявился Жужжен и, стрельнув в меня, словно из лазерной винтовки, взглядом, настоятельно посоветовал возвращаться к девочкам.

Пока они рисовали тот самый космический корабль, на котором сегодня утром мы бороздили просторы вселенной, я пролистывала учебник по ньеррскому языку и, к своему удивлению и радости, отмечала, что мне знакомы все правила. Обучать малышек арифметике тоже труда не составит. А значит, хотя бы за это можно не волноваться.

Около семи девочки, переодевшись в зеленое и голубое пышные платья, захотели спуститься в гостиную, чтобы не пропустить появления своего алмазного родителя. Пока слуги выставляли на длинном столе бесчисленные блюда, близняшки крутились рядом и все проверяли. Другими словами, путались у них под ногами. Приподнимали похожие на колокола серебряные крышки, все

пытались проделать пальцами дырки в песочных корзиночках, наполненных чем-то, очень смахивающим на паштет. С трудом удалось уговорить их перебраться в гостиную и позволить слугам закончить с подготовкой к поистине королевскому ужину.

Пока девочки крутились возле окна, высматривая его величество, я решила проверить одну из своих, наверное, абсолютно бредовых теорий. Глупее не придумаешь, конечно, но все же...

Я попала в этот мир, переступив порог демареновской гостиной. Может, стоит переступить его обратно, и я тут же окажусь в детсаде?

Чем черт, как говорится, не шутит.

Закрыв глаза, шагнула в холл. Открыла. Эффект нулевой. Но я не сдавалась и продолжала входить в гостиную и выходить из нее, поставив перед собой задачу вот прямо сейчас вернуться домой.

В итоге добилась того, что из гостиной начало доноситься приглушенное хихиканье, а из холла вдруг прозвучало недоуменное:

— Чем это вы занимаетесь, мирэль Тонэ?

— Хожу, — ляпнула я первое, что пришло в голову.

— Ходите? — Демаре подозрительно сощурился.

— Разминаюсь просто. — Согнув руки, подергала ими, как при зарядке. Блузка при этом на пышной груди актрисы натянулась совсем не кстати, что явно не укрылось от внимания его мируарства. Я тут же перестала упражняться. — Мы только-только закончили с занятиями, и вот теперь разминаемся. Нагуливаем аппетит, так сказать.

Услышав голос отца, девочки с радостным визгом понеслись в холл. Поставив портфель на пол, Фернан подхватил дочерей на руки, и они счастливо рассмеялись.

— Па-а-ап, а ты ведь обещал вернуться пораньше, — напомнила отцу Аделин.

— Прости, милая, меня задержали.

Кристин хотела было снова насупиться, но передумала, когда по дому разлилась мелодичная трель, и откуда ни возьмись, как черт из табакерки, в холл выскочил Жужжен.

Опередив хозяина, открыл дверь, поклонился кому-то, отступая в сторону.

— Дядя Десмонд! Дядя Десмонд! — девочки подскочили к гостю.

А я так и застыла между гостиной и холлом, узнав в «дяде Десмонде» того самого громилу, что гонялся за мной возле театра. Громила тоже меня узнал и вперился цепким взглядом, от которого по спине побежали мурашки.

Михаил Соколов

— Михаил Анатольевич, вы же понимаете, сложно делать какие-либо прогнозы. — Сидевший в кресле врач разве что не приобрел защитный кремовый оттенок в попытке мимикрировать. — Особенно сейчас, когда мы не знаем, что...

— Я понимаю, что специалист вашего уровня, — Михаил поднялся, — в такой клинике, как эта, слов «не знаю» в своей практике использовать не должен.

— Но Михаил Анатольевич, МРТ ничего не показало, все анализы в норме, Ирина Петровна совершенно здорова. Тем не менее она... просто спит.

Просто спит.

Раньше он бы посмеялся над такими словами, но сейчас смеяться желания не возникало. Ирина, его Иришка действительно просто спала, он видел это своими глазами. Смотрел на нее, такую хрупкую и беззащитную, совсем одну в огромной палате. Пусть клиника, куда поместили Ирину по его настоянию, действительно была лучшей в городе, пусть по любому писку подключенной к невесте аппаратуры сразу же прибежит медсестра, а следом и врач, тем не менее она все равно была совсем одна.

В своем царстве снов, и это не давало ему покоя.

Не давало покоя с той самой страшной минуты, когда ему позвонили и сказали, что Ира потеряла сознание в коридоре своего идиотского детского сада. Говорил же ей, чтобы бросала эту работу, но она не захотела.

Сначала ему сообщили, что она впала в кому, но диагноз оказался неточным: никакой комы не было. Ирина заснула и не просыпалась. Не реагировала ни на какие манипуляции, ни на какие препараты. Что бы вокруг ни происходило, она продолжала спать.

— Вы сейчас домой, Михаил Анатольевич? — спросил врач.

— Да. Но сначала загляну к ней.

— Загляните обязательно, — мужчина кивнул. — И поймите, мы же действительно делаем все возможное и невозможное. Клянусь своей профессиональной репутацией, мы найдем способ разбудить вашу спящую красавицу.

Спящая красавица.

Ира любила сказки. Любила, потому что их любили ее дети, и так же отчаянно и самоотверженно она любила их. До встречи с ней Михаил не верил, что такие девушки еще существуют. Девушки, в которых столько любви к чужой ребятне. Девушки, посвятившие себя работе с детьми не потому, что в свое время не смогли поступить на факультет получше, а по призванию, идущему от сердца.

Честно говоря, он долго не верил в Иру, как не верил, например, в сказки.

Но когда поверил, понял, что уже никогда не отпустит.

И он не отпустит!

— Знаю, Игорь Семенович, — произнес мужчина, и врач тут же приосанился, довольный таким положением дел. — Знаю и доверяю вашему профессионализму. Потому искренне рассчитываю на то, что в самом ближайшем времени вы меня порадуете.

Не дожидаясь ответа, он вышел из кабинета и направился в палату, к Иришке.

Укрытая одеялом, она словно только-только закрыла глаза. Опустившись рядом с девушкой в кресло, Михаил взял худенькую руку в свою, поднес пальцы к губам.

— Возвращайся ко мне, — прошептал негромко. — Возвращайся ко мне, Ириш. Я тебя очень жду.

За спиной приоткрылась дверь, и Михаил обернулся. На пороге стояла Светлана Залицкая (блондинка с лучистыми голубыми глазами), лучшая подруга Иры, и еще какая-то совершенно невзрачная на ее фоне девушка.

— Привет, Миш, — Света грустно улыбнулась. — Мы тогда попозже зайдем, да?

— Нет, я уже ухожу. — Михаил поднялся.

До разговора с врачом он уже посидел с Ирой, просто не хотел уходить, не попрощавшись.

Когда он проходил мимо девушек, вторая еле слышно спросила у Светы:

— Это его бывшая с Ирой говорила?

Михаил остановился, словно на стену налетел.

— Вы сейчас о чем? — развернувшись к девушке, пристально посмотрел на нее.

Та слегка побледнела.

— О... о вашей бывшей. Темненькая такая, с глазищами — как огонь. Она на меня так глянула, мне чуть дурно не стало. У меня мама говорит: дурной глаз, так это вот...

Поток словоизлияний про дурной глаз перебила Света:

— Ты что, хочешь сказать, что к Ире приезжала Лиля? Когда?

— Да вот вчера, когда она сознание потеряла, — неуверенно промямлила девушка.

— И вы только сейчас об этом говорите? — Михаил пристально на нее посмотрел.

— Так... а о чём говорить-то было? Она ушла, а уборщица Екатерина Павловна сказала, что Ира пошла в туалет. Ну а потом...

— Ониссорились? — нетерпеливо перебил Михаил. — О чём они говорили?

— Н-не знаю, — девушка под его взглядом начала заикаться. — М-может быть. Но я не уверена...

Михаил плотно сжал губы, а потом кивнул:

— Понятно. Спасибо.

Из клиники он вышел под мокрый снег, но только оказавшись в машине, достал мобильный, прокручивая телефонную книжку до номера Лили. Прокрутил и остановился: зачем ему это?

Даже если Ира с ней говорила, что это дает?

Запустив пальцы в волосы, он откинулся на спинку сиденья, глубоко вздохнул.

Возможно, Андрей (его лучший друг) прав, и он цепляется за соломинки, которые ломаются под его пальцами. Возможно, просто стоит подождать...

Чего?!

Что, если Ира так и не проснется?

Швырнув телефон на соседнее сиденье, Михаил повернул ключ в замке зажигания.

Включил дворники, разгоняя талую вуаль на лобовом стекле. Потянулся к ремню безопасности, но потом снова перевел взгляд на мобильный. Совсем недавно на этом самом месте сидела Ира. Совсем недавно они вместе ездили смотреть рестораны для торжества, а потом за ужином в небольшой уютной пиццерии обсуждали, куда хотят поехать.

Михаил предлагал Доминикану — солнечный остров, где океанские волны разбиваются о берег с шумящим рокотом. Говорил, а сам представлял Иру в купальнике: капельки воды блестят на загорелой коже, точно так же сверкают ее глаза и путающееся в волосах солнце, на губах играет улыбка.

Рывком подхватив мобильный, он нажал вызов.

Лиля ответила сразу.

— Миша? — ее низкий гортанный голос звучал удивленно. — Не ожидала тебя услышать. Что ты...

— Лиля, — он перебил ее раньше, чем она продолжила удивляться. — Я знаю, что ты встречалась с Ирой. Нам надо поговорить.

Глава 7

Ужин в тесном кругу и прочие (не)приятности

Ира Илларионова

После радостного визга: «Дядя Десмонд! Дядя Десмонд!» повисло молчание. Я бы его назвала страшно неловким. Ну или просто страшным, потому что оно идеально сочеталось со взглядом гостя, которым он последние несколько секунд успешно меня скальпировал. Не знаю, откуда взялось ощущение, что месье Шерро не терпится забраться ко мне в голову и хорошенко в ней покопаться, но я никак не могла от него избавиться.

Не выдержав столь пристального внимания со стороны незнакомого мужчины (по крайней мере, незнакомого для меня),

опустила глаза и сделала вид, что разглаживаю несуществующие складки на жижелевой юбке.

Надеюсь, она переживет этот ужин.

— Десмонд? — кашлянуло его величество, видимо, тоже заметив повышенный интерес гостя к моей персоне.

Мужчина вздрогнул, будто до сих пор находился под гипнозом. Небрежно потрепал близняшек по кудрявым головкам, сбросил на предусмотрительно согнутую в локте руку дворецкого шляпу, а за ней и пиджак отправил, и, лучась довольством, сказал:

— Вижу, у вас новая няня.

— Решил прислушаться к твоему совету, — ответил Фернан. Покосившись в мою сторону (выразительно так покосившись), добавил: — Надеюсь, не пожалею.

Вот значит как! Оказывается, господин бриллиант явился вчера в дом актрисы по наводке «дяди Десмонда». Он ведь обещал, что со всем разберется. И ведь сдержал слово! Теперь мне еще сильнее хотелось выяснить, кем эта крестная фея в костюме в клетку приходится мирэль Тонэ.

Только бы не очередной любовник-поклонник. Вряд ли родной или двоюродный брат, а в дружбу таких вот мужчин с такими вот женщинами (Господи! Я ведь даже смутно не представляю, в скольких мужских объятиях побывало это тело!) верилось мало. И тогда получается...

А вот не нравится мне то, что получается. Сегодня же надо будет разузнать, осторожно и ненавязчиво, какое место занимает Селани в жизни мируара-великаны.

— Мы все на это надеемся, — вставил Шерро, при этом наградив меня очередной порцией своего внимания.

— Дядя Десмонд, — Аделин заискивающе посмотрела на мужчину, — а вы нам сегодня... ничего не принесли?

— Извини, Кри...

— Аделин, — девочка надула губы.

— Аделин, — мужчина натянуто улыбнулся. — Заработался. Чуть про ужин с вами не забыл.

— Вы совсем как наш папа, — насупилась, видимо, из солидарности с сестрой, Кристин, после чего капризно топнула

ногой. — Работа, работа, работа!

— Кристин, успокойся, — ровно проговорил Алмазный король, и девочка, будто по мановению волшебной палочки, тут же примолкла.

— Как прошло подписание договора с Готье Видалем? — жестом приглашая гостя в столовую, поинтересовался Демаре.

— Прошло. — Шерро замялся. — Хорошо прошло, — уточнил негромко.

Голоса мужчин постепенно стихали, по мере того как они удалялись по коридору, что вел в столовую. Пристроив куда-то одежду гостя, Жужжен умчался в неизвестном направлении, а я подошла к близняшкам.

У Аделин стараниями сестры распустился шелковый поясок, и мы задержались в холле. Завязывая пояс в пышный бант, я как бы между прочим спросила:

— Давно ваш пapa дружит с мируаром Шерро?

— Давно, — кивнула Кристин и снова попыталась потянуть за изумрудный шелк. Аделин обиженно поджала губы, а я укоризненно посмотрела на девочку, и она тут же спрятала руки за спину. — Они вместе учились. И мама с дядей Десмондом тоже очень дружила.

Девочки тихонько завздыхали. К счастью, настроение у них менялось со скоростью света, если не быстрее. И минуты не прошло, как Аделин хитро заулыбалась и, выпалив:

— Я первая до стола добегу! — вырвалась из моих рук и бросилась в столовую.

Ее сестра, издав возмущенное: «Эй!», помчалась за ней следом. Я тоже не стала задерживаться. Только бросила в зеркало на себя-не себя быстрый взгляд, увидела синеглазую девицу с ногами от ушей и пышной грудью, соблазнительные очертания которой не могла скрыть даже самая скромная блузка в гардеробе Жизель. Но каким бы ни было совершенным это тело, я скучала по своему. Пусть не идеальному, но родному и любимому. И Миша его, меня то есть, очень любил...

Ой, все!

Мируар Шерро расположился напротив Фернана... рядом со мной. Близняшки на этот раз уселись слева и справа от отца, потому что так и не смогли договориться, кто будет ужинать под боком у

Алмазного короля. В итоге, показав сестре язык за монаршей спиной, Аделин перенесла свою подушечку на стул, соседствовавший со стулом Демаре. Кристин осталась сидеть по правую руку от отца.

За столом мужчины продолжили говорить о бизнесе, встречах и сделках. Вернее, говорил в основном мой работодатель, а его закадычный приятель ограничивался короткими фразами, и мне казалось, что этот разговор ему в тягость.

— Все! Хватит о делах! — наконец не выдержал Шерро. — Я к вам пришел отдохнуть.

Близняшки поддержали его радостными аплодисментами, синхронно глотнули нирасового сока из высоких стаканов, а потом Аделин вдруг ни с того ни с сего заявила:

— Дядя Десмонд, а нашей няне сегодня подарок подарили.

— Даже так! Первый день в новом доме — и уже подарки, — хмыкнул Шерро. — И как, понравился он вашей няне?

— Ничего особенного, — ответил за меня его величество.

— И кто же на этот раз потерял от вас голову, мирэль Тонэ? — явно заинтересовался презентом Шерро.

— Не имею ни малейшего представления.

— Главное, чтобы мирэль Тонэ не теряла головы, пока находится в моем доме.

— Все еще считаете, что не справлюсь со своими обязанностями? — недобро сощурилась я.

— Время покажет, — невозмутимо отозвался Демаре, не отрывая взгляда от куска мяса, покоящегося у него на тарелке на листе салата.

— Уверен, у мирэль Тонэ все получится, — вмешался Десмонд.

— И, кстати, об отдыше. — Промокнув губы салфеткой, внимательно посмотрел на друга. — Фернан, ты когда в последний раз делал себе выходной?

Близняшки замерли со стаканами в руках и одновременно повернулись к отцу. Который, к слову, не спешил отвечать. Демаре откинулся на спинку стула и хмуро взглянул на друга.

— Па-а-ап... — протянула Кристин, как и все здесь собравшиеся (кроме меня, конечно), ожидавшая ответа его величества.

Я в данный момент куда больше была заинтересована вон в том паштете на перламутровой тарелке, так похожей на морскую

раковину. А может, это и правда была раковина... И о чем только думаю? Взгляд Демаре нет-нет да и соскальзывал с гостя на меня, что не только портило аппетит, но и мешало мыслительному процессу.

— Ты же знаешь, отдых — это роскошь, которую я не могу себе позволить. По крайней мере, не сейчас.

Похоже, это была единственная роскошь, которую не мог позволить себе Алмазный король, все остальное он себе даже очень позволял. Например, разговаривая с Шерро, сверлить взглядом няню, которая мечтала о сущей малости: о нескольких ложечках паштета и паре глотков вина для расслабления.

А еще хотелось бы стать невидимой для некоторых мужских особей в этой комнате.

— Да ладно! — Десмонд заложил руки за голову и расплылся в улыбке: голливудской такой, ослепительной. — Нам тоже положен отдых. Ты уже, наверное, забыл про свою «Красотку».

О ком это он?

Теперь уже на Демаре пялилась я.

— Мне сейчас не до красоток, — усмехнулся Фернан, и я, поймав его взгляд, снова вернулась к зрительному общению с паштетом.

На него смотреть было куда приятней и интересней. Еще приятнее было бы его попробовать. Но не успела я дотянуться до ракушки, как Шерро снова пошел в наступление.

— Уверен, девочки так не считают. И будут рады провести выходные в Ланси, с отцом и новой няней. — Залпом опустошив бокал, мужчина подмигнул Аделин.

Близняшки очередное его заявление встретили еще более громкими аплодисментами, бурно поддержав предложение дяди Десмонда.

— Пап, мы поедем кататься? — заискивающе спросила Кристин.

— Папочка, пожалуйста, — протянула, умилиительно хлопая ресницами, Аделин.

— Ну папу-у-улечка, — это уже дуэтом.

У меня на месте Алмазного короля язык бы не повернулся отказать этим крохам, снова примерившим на себя образ ангелочеков.

Но вместо того чтобы обрадовать дочерей, Демаре еще больше помрачнел.

— Что с тобой происходит? Ты ведь говорил, у тебя на носу несколько важных сделок и командировка в Нейхилл.

— Мне необходимо развеяться и отвлечься, — щедро плеснул себе вина гость. — Сделки подождут.

— По-моему, для развеяться и отвлечься у тебя есть Софи.

— Мирэль Лепаж мне больше неинтересна. Я снова свободен, и мне как никогда нужен отдых.

— Поэтому ты решил отдохнуть со мной, моими девочками и моей няней? — сощурился его мишуарство, как-то уж очень сильно выделяя окончание фразы.

Минуточку... Это что еще за собственнические замашки? Вообще-то я не его няня, а воспитательница его дочерей!

Шерро, в отличие от меня, слова Демаре не царапнули слух и не смутили. Наоборот, он заулыбался еще шире.

— Конечно! С лучшим другом и его девочками. Подальше от столичной суеты. Поплыvем на «Красотке», сто лет на ней не был. Да и по «Голубой жемчужине» тоже уже успел соскучиться.

Понятно, «Красотка» — это что-то плавающее, на чем мы отправимся куда-то там в Ланси в какую-то жемчужину. Возможно, в дом. Возможно (а скорее, совершенно точно), мне сегодня же следует засесть за учебники по истории и географии Эоны. Желательно, в картинках и для детей. Чтобы минимум информации, написанной доступным языком.

— Ну, что скажешь? — продолжал гнуть свою линию Десмонд.

Близняшки с мольбой взорвались на отца, даже ладошки к груди прижали. Прямо бери и пиши с них картину маслом: ангелы во плоти.

— Мы очень хотим с тобой покататьсяся, — заглядывая отцу в глаза, проговорила Аделин.

— И мирэль Селани с собой возьмем, — со вздохом согласилась Кристин.

Она бы с собой и пятноглаза прихватила, если бы это помогло его алмазному величеству скорей согласиться.

— Скажу, что постараюсь это устроить, — наконец сдался Демаре. — Но не раньше, чем через месяц.

— Я думаю, мирэль Тонэ понравится это путешествие, — загадочно и очень довольно подытожил Десмонд.

Радости девочек не было предела. На протяжении всего ужина глаза у них сияли, и обе близняшки не переставали улыбаться. Даже Капитан Вредина, которая, когда настало время подниматься в рубку, то есть в детскую, а мужчин оставить в компании сигар и оръятта, послушалась меня с первого раза.

Пока служанка помогала девочкам переодеться и подготовиться ко сну, я тщетно пыталась успокоиться. Никак не получалось выбросить из головы закадычных друзей. За ужином я почти не притронулась к еде, потому что все время находилась в центре внимания: то Демаре, то его приятеля. И это, мягко говоря, напрягало.

Ладно, его величество. Он просто мне не доверяет, вот и следит, проверяет, наблюдает. Но что Шерро могло от Селани понадобиться? Еще и эта поездка непонятно куда так не вовремя нагрянула. На «Красотке» в «Жемчужину».

Если Демаре сейчас не до красоток, то мне уж точно не до путешествий и жемчужин. Да, определенно сегодня же нужно будет устроить свидание с библиотекой его величества. Надо же с чего-то начинать поиски способов побега из этого мира и из этого тела.

Когда вошла в детскую, девочки уже лежали в своих кроватках. Обнимали чебуронов и о чем-то тихонько шептались. При виде меня они умолкли, но улыбаться, хитро и заговорщицки, не перестали.

— Мирэль Тонэ, а вы расскажете нам еще какую-нибудь сказку?
— Кристин приподнялась на локте.

— А как же. — Я скинула туфли и уселась прямо на ковер, перебирая в уме свои самые любимые истории. — Как вам такая? О прекрасной принцессе, уснувшей волшебным сном, которую смог разбудить только храбрый рыцарь на белом коне. Хотите послушать?

Близняшки закивали головами.
— Мирэль Тонэ, вы знаете столько сказок! — восхитилась Аделин.

— Мы таких никогда не слышали, — подхватила ее сестра.
Упс. Надо быть осторожней с земными историями и разбавлять их местными. Иначе если девочки кому-нибудь расскажут о том, что я

им тут рассказываю... В общем, надо действительно быть осторожней.

Я осталась в детской, пока близняшки не уснули, и даже дольше. Просто мне нравилось наблюдать за ними спящими. Аделин чему-то улыбалась во сне, Кристин хмурилась, но когда я, поддавшись невольному порыву, наклонилась и легонько поцеловала ее в лоб, черты лица девочки сразу разгладились. Она тихонько вздохнула и с блаженным видом перевернулась на бок.

— Спокойной ночи, сладких снов, — пожелала я чуть слышно и, подхватив туфли, вышла в коридор.

Обуться не успела. Не успела даже выдохнуть, вскрикнуть или пикнуть: кто-то с силой вцепился мне в локоть и резко дернул на себя.

— Я знаю, кто ты такая! — прошипел Шерро мне на ухо и без церемоний потащил за собой по темному коридору.

Селани Тонэ

С одной стороны, все складывалось просто замечательно. С другой — Селани понимала, что ничего не понимает. В работе Шерро. В его отношениях с этой Софи Лепаж. С которой ее угораздило столкнуться в ювелирном бутике, когда Селани выбирала для себя подарок. К счастью, мирэль со смазливой мордашкой и добела вытравленными волосами не пыталась повиснуть у любовника на шее и не лезла к нему с поцелуями. Иначе могло быть чревато.

Для короткостриженой фифы, вместо проявления нежных чувств набросившейся на Селани с упреками:

— Десмонд! — завизжала она, едва переступив порог магазина.
— Ты исчезаешь на две недели, не звонишь и не отвечаешь на мои звонки, я уже не знаю, что и думать, а ты преспокойно разгуливаешь себе по улицам! Не хочешь объясниться со своей Софи, милый?

Мирэль Тонэ смерила «свою Софи» хмурым взглядом, один раз, другой, после чего философски рассудила: раз Шерро полмесяца не связывался с этой доской, значит, она, Селани, окажет ему услугу, избавившись от краснощекой злючки. Рот у которой и не думал закрываться, и мирэль Тонэ уже всерьез подумывала о том, чтобы

запихнуть ей в глотку камень покрупнее. Чтобы перекрыть поток бессмысленных претензий.

— Надеюсь, это ты для меня выбираешь. В качестве извинений за свое совершенно отвратительное поведение! — нагло заявила блондинка, покосившись на коробочку, которую положила примчавшаяся на шум продавщица.

— Надеяться ты, конечно, можешь. Дурочки вроде тебя всегда живут глупыми мечтами и питают ложные надежды. — Селани язвительно улыбнулась. — Но правда заключается в том, что я нашел тебе замену. Ей и предназначен этот... ну пусть будет скромный презент.

Мирэль Лепаж собиралась снова разразиться криком, но Селани ее резко перебила:

— Лучше закрой свой хорошенъкий ротик, пока тебя не выставила отсюда охрана. И да! Продолжишь мне называть или, не дай хмаръ, рискнешь заявиться ко мне на работу или домой — пожалеешь. Ты знаешь, Софи, я слов на ветер не бросаю, — демонстративно шагнула к девице, и та, побледнев, попятилась. — Все поняла, милочка?

Не дожидаясь ответа, Селани попрощалась с тактично помалкивавшей продавщицей, подхватила футляр с искрящегося в свете светильников-кристаллов прилавка и покинула магазин.

До самого вечера мирэль Тонэ просидела в кабинете Десмонда, пытаясь вникнуть в суть того, чем занимался настоящий владелец ее временного тела, но не очень-то в этом преуспела.

— Дрянь дело, — мрачно подытожила девушка и решила завтра же наведаться к Шерро на работу, осторожно расспросить названивавшего ей утром Бюжо — как выяснилось недавно, личного помощника Десмонда. В идеале, если получится, скинуть всю работу на этого самого помощника, чтобы вплотную заняться собственными проблемами.

Но то будет завтра. Сегодня же на повестке дня — ужин у Демаре и общение с залетной душой. Если действительно окажется, что в ее теле иномирянка (а в этом Селани почти не сомневалась), нужно будет хорошенько припугнуть девку. Чтобы слушалась ее во всем и помогала в воплощении гениального плана.

Если не считать нездоровую тягу Фернана к разговорам о работе, ужин Селани понравился. Понравилось то, как Алмазный король пожирал взглядом ее родное, идеальное, желанное для всех мужчин тело. Вот и Демаре не стал исключением, уже почти попался на крючок ее обаяния. И даже быстрее, чем Селани ожидала.

Поездка на яхте и выходные в Ланси станут нокаутом для Фернана. Он больше не сможет противиться влечению, уступит страсти. А дальше уже она и сама справится. У Селани имелись кое-какие теории, как можно будет выбраться из этого тела и вернуться в свое. Оставалось только их проверить и дождаться удачного момента для перемещения.

Отлучившись (якобы в туалет), Селани подкраулила новоиспеченную няню возле детской, и, не обращая внимания на ее слабые протесты, потащила в библиотеку. Где, особо не церемонясь, толкнула в кресло. Нависла над незнакомкой, упервшись руками в подлокотники, и, добавив в голос угрозы, процедила:

— Я знаю, что ты — не Селани! Рассказывай! Живо! Кто ты и откуда?! Я хочу знать все!

Девица сидела молча, будто язык проглотила. Смотрела на нее расширившимися от ужаса глазами, а потом еще и ресницами глупо захлопала, отчего у Селани появилось желание хорошенъко треснуть идиотку. Может, тогда мозги включатся и голос прорежется.

Мирэль Тонэ оглянулась на закрытые двери. В любой момент Фернан мог отправиться на поиски непонятно где запропастившегося друга. Да и эта вездесущая жердь (Жюстен или как там его) любил все вынюхивать, подсматривать, подслушивать.

Селани понизила голос:

— Послушай меня, я помогу тебе и не сдам в МОРГ.

— Морг? — девушка в кресле испуганно икнула.

— Мальмарский отдел розыска гостей из другого мира, — терпеливо пояснила бывшая актриса и окончательно утвердились в своей догадке. Только иномирцы не знали об этом учреждении, а когда узнавали, было уже поздно. Для них. — Будешь послушной девочкой, а я уверена, что в этом теле душа женщины, и я сделаю все, чтобы этот кошмар для тебя закончился.

Иномирянка напряженно сглотнула, поерзала в кресле, а потом вдруг неожиданно нахмурилась.

— Уверена? — переспросила, хмыкнув.

Селани чуть не застонала в голос, осознав, что только что совершила ошибку. Глупую и непростительную.

— Постой-ка... Откуда тебе известно, что я — не Селани, если даже в этом вашем МОРГе обо мне не в курсе? И там возле театра... ты уже тогда все знал... Или знала?.. — иномирянка осеклась, а потом на выдохе выпалила: — Точно! Селани — это ты!!!

Ира Илларионова

Подлокотники под пальцами Десмонда-Селани подозрительно затрещали, а изо рта вырвалось какое-то приглушенное рычание.

— Значит, это все-таки ты...

— Я! — с вызовом бросила пере-Делани и сверкнула своими темными глазищами. — А ты в моем теле, милочка! И я хочу знать, кто ты?!

Врать, изворачиваться было глупо. Только не перед хозяйкой всего этого великолепия. Поэтому, тяжело вздохнув, представилась:

— Меня зовут Ира. Не скажу, что приятно познакомиться. Но, в общем... так вот. Каким-то образом я перенеслась в этот мир и в твоё тело, тебя же забросило в мируара Шерро. — Тут я задумалась и сосредоточенно повела губой. — Хм, а где тогда сам Шерро?

— Без понятия, — дернул плечами заменитель Десмонда, и голос его при этом прозвучал почти миролюбиво. Но потом он-она вспомнил, что ему-ей полагается шипеть, рычать и требовать ответов от воровки собственного тела. Чем Селани и продолжила заниматься, угрожающе надо мной нависая: — Итак, начнем сначала! Если будешь делать все, как я скажу, у нас получится выбраться из этой дерь... очень нехорошой ситуации, в которой мы обе оказались по твоей вине!

— Но почему по моей?! — возмутилась я, и Селани на меня предупреждающе шикнула. — Не виновата я, — добавила уже тише.

Он сам пришел.

Подпись: Дурдом.

— Значит, так! Ни слова никому о том, что ты не я, а я не он. Поняла?

Кивнула в ответ и невольно вжалась в спинку кресла. Слишком уж безумными в тот момент были глаза у недо-Десмонда. А еще у него-нее столько силищи...

— С иномирянами у нас особо не церемонятся. Узнают, кто ты — и все, можешь забыть и о своем мире, и о своем теле. Вообще о жизни.

— Но ты ведь не обо мне беспокоишься. Почему сразу не помчалась в МОРГ с заявлением?

— Потому что у нас так не принято, дурында! — взорвалась бывшая актриса. — Чтобы иномирец оказывался на Эоне без своей оболочки. Это только ты одна такая. Приблудная! — сказала, как выплюнула. — А я не хочу, чтобы из-за тебя пострадало мое тело. Да и вообще... — она не договорила. Умолкла и нервно пожевала губами.

— И какие у тебя есть варианты нашего спасения? — дернула я бровями.

Селани важно задрала подбородок Десмонда.

— Сейчас я собираю информацию. А ты пока сиди в этом доме и не высовывайся. Няней работай, играй с девочками. И с Демаре будь поласковей и повежливей. Чтобы он тебя не уволил.

— И это потому ты предложила смотаться нам в Ланси? — не сдержавшись, я хмыкнула. — Чтобы я побольше сидела дома? Не лучше ли было забрать меня в дом Десмонда?

— Это... — Селани заскрежетала зубами. — Так надо! Это часть плана.

— Какого плана? — Я подалась вперед, к склонившейся ко мне самозванке.

Пусть не думает, что я ее боюсь. Раз она не помчалась в этот их МОРГ, значит, сама его опасается и будет носом землю рыть, лишь бы вернуть себе себя. Однако чутье подсказывало, что помимо спасения собственной шкуры Селани что-то задумала, и я не стану плясать под ее дудку, пока не пойму, что именно.

Выяснить это я, к сожалению, не успела. От двери раздалось сухое и требовательное:

— Что здесь происходит?

Селани медленно развернулась к Демаре, замершему на пороге библиотеки, а я, не теряя времени, нацепила туфли и выпрямилась в кресле.

Если по-честному, то происходило здесь нечто очень странное. Одна бывшая актриса, которая не совсем актриса и в которой поселилась воспитательница детского сада, общается со здоровым мужиком, в котором поселилась одна бывшая актриса. Причем судя по тому, как эта недо-Десмонд или пере-Делани открывала и закрывала рот, актриса она действительно паршивая. Удивительно, что ее еще до меня из театра не выперли.

Но я оставила это объяснение при себе, потому что не уверена, что оно понравилось бы его величеству и он не запер бы нас обеих этим же вечером в МОРГе или психушке.

— Мишуар Шерро интересовался моим самочувствием, — с самым честным видом заглянула я Демаре в глаза.

— Да неужели? — язвительностью в его голосе можно было растворять быстрее, чем самой концентрированной соляной кислотой. — А ты что скажешь, Десмонд?

— Э-э-э...

Да, с импровизацией у нее тоже проблемы.

— Мишуар Шерро встретил меня у театра, — сообщила я все так же невинно. — Когда меня уволили, я была несколько не в себе. Поэтому, как любой нормальный мужчина, он решил спросить, все ли у меня в порядке.

— А почему в библиотеке?

— Потому что я очень люблю читать, — окинула взглядом богатство книжных полок, раскинувшееся на залу размером с бальную. — Спустилась сюда, чтобы взять несколько книг и почитать перед сном. Все равно девочки уже спят, а мне не хотелось скучать в одиночестве. Тут-то мы с вашим другом и столкнулись.

Судя по помрачневшему взгляду, хоть помрачнеть еще больше,казалось, уже невозможно, его мишуарство мне не поверило.

— В кабинет, — приказал он.

— Простите?

— В кабинет — это значит, что мы с вами сейчас идем ко мне побеседовать, мирэль Тонэ. А тебе, Десмонд, вероятно, уже пора?

— Да-да, — наконец отмерла Делани. — Совершенно верно. Завтра рабочий день, и мне нужно как следует выспаться, чтобы не осталось темных кругов под глазами.

Мне живо вспомнился мем, где от фэйспалма ладонь у парня вышла через затылок. Что касается его мируарства, он прищурился еще сильнее, и тут до кое-кого дошло, что он... она только что сказала.

— Я имел в виду, — чересчур сурово прорычала настоящая мирэль Тонэ, — что у меня завтра серьезные переговоры, на которых нужно выглядеть на все десять алмазов. Ну ты понимаешь, о чем я!

С этими словами Делани ретировалась через широкие двери быстрее, чем я успела икнуть.

— В кабинет? — уточнила грустно.

— В кабинет, — подтвердил Демаре.

— Но книги-то можно сначала взять?

Его величество милостиво кивнул, а я с горя (по крайней мере, ничего хорошего в его кабинете со мной еще не случалось) отправилась к дальним стеллажам, где, согласно каталогу, располагалась литература Жизель. Книги по медицине: анатомия, физиология, травы, лечебные свойства камней, сочетание магии и современных медицинских манипуляций, биографии разных медиков, а помимо них — мемуары известной певицы прошлого столетия (как гласило введение от редактора) и много чего еще. Оказалось, что у нас с Жизель совершенно разные вкусы: ничего из ее коллекции меня не привлекло. Поэтому вытащила наугад несколько женских романов и вышла из библиотеки.

— Вы *это* столько искали? — спросил Демаре, когда я сгрузила книги на письменный стол в его кабинете.

— Да, я выбирала.

— Из чего? — Он поддел пальцами мягкую обложку, на которой красовался обнаженный мужской торс.

Между прочим, торс был ничего так: подтянутый, стильный, и изящная женская рука в перчатке, которая держала... гм... зонтик, тоже.

— Вот из этого и выбирала! — огрызнулась я и, не дожинаясь приглашения, опустилась в кресло. — Мы здесь не затем, чтобы мои литературные пристрастия обсуждать, так что я вас внимательно слушаю.

Демаре приподнял бровь.

— Мне кажется, или вы ведете себя вызывающе?

— Вам кажется, — я закинула ногу на ногу.

Проследила за его взглядом, скользнувшим по моим коленям, и расплела ноги. Это только у меня желание сесть, как ученица за партой, когда он на меня смотрит?

— Что на самом деле происходит между вами и Шерро? — его ноздри раздулись.

— А что между нами происходит?

— Вы же не думаете, что я поверю в ту чушь, которую вы наплели мне в библиотеке?

— Мне совершенно без разницы, во что вы верите, — сообщила я, чувствуя, что начинаю заводиться. С чего — непонятно, у меня за время работы с некоторыми родителями выработалась стойкая регулировка уровня пофигизма в организме. Которая сейчас почему-то сбоила. — Вы спросили, я ответила. За ваши странные фантазии я совершенно точно не в ответе, мируар Демаре!

— Вы в моем доме, — повторил он. — Вы работаете с моими детьми, я доверяю вам воспитание девочек, а это значит, что вести себя вы должны пристойно.

— Я веду себя пристойно, — ответила пока что спокойно, но уровень пофигизма упал еще на несколько делений.

— Принимая дорогие подарки у них на глазах?

— А что, когда Кристин и Аделин вырастут, вы запретите поклонникам дарить им подарки? — Я вцепилась в подлокотники, хоть с большим удовольствием вцепилась бы в чью-то мрачную физиономию. — Или, по-вашему, это плохо? Если женщина желанна и любима?

Глаза Демаре сверкнули.

— Если женщина желанна и любима, она не станет распыляться на десяток поклонников разом.

— Правда? — я приподняла брови. — Вы, вероятно, лучше других знаете, кто и как должен себя вести?

— Уж точно не обжиматься со всеми подряд по библиотекам!
Что-о-о?!

Я не подскочила только потому, что тяжесть взгляда Демаре отдавалась дрожью в коленях. Я вообще с трудом сдерживалась, чтобы не запустить в него чем-то: например, подставкой для письменных принадлежностей или верхней книжечкой с обнаженным торсом.

— С чего вы решили, что я обжималась?! — выпалила возмущенно. — Разве я давала вам повод так обо мне думать? Или вы застали меня с мируаром Шерро в непристойной позе?

— То, что я увидел, было почти непристойным, — процидило его алмазное величество. — И вообще, зачем бы вам еще уединяться с ним в библиотеке?

От такого я на миг даже дара речи лишилась.

— Ну, знаете ли! — выпалила, подскакивая с кресла. — С самого начала вы только и делаете, что намекаете на мое непристойное поведение. А что касается моего уединения с мируаром Шерро... так вы тоже оставались с ним один на один в столовой!

На пару секунд он даже подвис: видимо, переваривал услышанное. А потом прорычал:

— На что это вы намекаете?!

— Ни на что! — фыркнула я. — В отличие от вас, я ни на что не намекаю, а всегда говорю прямо!

Не дожидаясь ответа, рванулась было к двери, но меня перехватили за локоть.

Демаре дернул меня на себя так резко, что порывом ветра приоткрыло обложечку с торсом. Ветер пришелся очень кстати, потому что внушительная грудь Селани (а временно моя) коснулась его мируарства, и меня окатило жаром. Таким неправильным жаром, от которого волоски на коже встают дыбом и перехватывает дыхание. Особенно когда его взгляд скользнул по моим губам: горячо и жадно.

Прежде чем я успела затолкать эту мысль куда подальше, на меня обрушился поцелуй. Обрушился буквально, потому что его губы отпечатались на моих. Резко и яростно, как ураганный ветер,

врывающийся в окно и сметающий все на своем пути. Пальцы вплелись в мои волосы, пленили еще сильнее, и я задохнулась от странного, пугающего и дикого чувства.

Пугающего — потому что прокатившаяся по телу волна заставила меня вытянуться в его руках струной, и сильная рука, скользнувшая по спине, сейчас удерживала меня удивительно бережно.

Терпкий привкус сигар и не менее терпкий аромат — вишневого дыма, с какими-то древесными нотками.

Дыхание, которое ворвалось в меня, забирая мое взамен, и дрожь в кончиках напряженных пальцев.

Когда его будто невзначай коснулись моего затылка, чуть потянув назад волосы.

Меня никогда так не целовали: отчаянно-яростно, резко, без малейших сомнений.

Так глубоко, так желанно...

Так сладко.

Никогда...

Даже Миша.

Миша!

Я отпрянула, рванувшись из его рук, и чуть не шмякнулась в кресло. На пути встретилось именно оно и удержал меня именно Демаре.

— Что вы тут устроили?! — выкрикнула, сжав руки в кулаки. — Очередную проверку, мируар Демаре?!

Глаза его потемнели так, словно вобрали всю тьму расплескавшейся за окном ночи.

Он подхватил со стола книги и протянул мне:

— Прошу прощения, — процедил сквозь зубы. — Этого больше не повторится.

Я выхватила романы у него из рук. Коснувшись горячих пальцев, вздрогнула от неожиданной яркости совершенно невинного прикосновения и вылетела за дверь. В себя пришла уже в спальню, у распахнутого настежь окна, подхватывающего мои растрепавшиеся волосы. Губы горели, как от перебора со специями, вишневый аромат до сих пор окутывал меня мягким облаком. Пряди еще помнили

тяжесть пальцев, вплетавшихся в них, равно как и затылок помнил короткое, едва уловимое прикосновение, а я же...

Я же отчаянно, всем своим существом, стремилась это забыть.

Глава 8

В гостях у мадам Лилит

В детстве у меня была одна палочка-выручалочка. Когда я чего-то очень сильно боялась (например, тараканов, пауков или темноты), я заставляла себя находиться рядом с источником страха... ну, скажем, минут пятнадцать. То есть стояла и смотрела, как паук ползает по стене, или в закрытой комнате выключала оставленный мамой ночник и сидела, клацая зубами, готовая отбиваться от притаившегося под кроватью несуществующего бабая огромным плюшевым мишкой.

Мишка...

В общем, заснуть мне так и не удалось, потому что вместо нормальных мыслей о том, как выбраться в другой мир... тьфу ты, в свой мир, конечно же, я думала о том, что делать со всем случившимся. В попытке отвлечься и хоть немного успокоиться решила почитать любовные романы.

Через час мне захотелось удавиться.

Еще через час — сигануть в окно, прямо в дружелюбно раскрывшие свои объятия ветки аналога розового куста, или что там росло под окнами моего нового временного пристанища. Потому что строчки отказывались складываться в предложения, зато образ Демаре складывался без малейших усилий: резкие, грубоватые черты (ничуть не красивые, вот правда!), обжигающий взгляд и губы — жесткие, сильные, подчиняющие одним прикосновением к моим.

С утра я опять напоминала пятноглаза, чем порадовала Жужжена: он явился прежде, чем я успела замаскировать темные круги. Глядя на меня сверху вниз, сообщил, что его мируарство отбыли на работу раньше положенного (слава всем местным богам!), что девочки еще спят и завтракать будут позже, так что я поем прямо в спальне. И что мне лучше поторопиться с поездкой по магазинам, потому что горничная присмотрит за Кристин и Аделин только до обеда.

С этими словами мне вручили авансовый конверт и, показав пятую точку в форменных брюках, удалились в неопределенном направлении. Точнее, в определенном: контролировать все, что происходит в этом доме. А я потащилась в ванную, где минут десять изучала свое невыспавшееся отражение и пыталась понять, можно ли считать один поцелуй изменой.

Поправочка: можно ли считать один желанный поцелуй изменой.

Так, стоп, Ира.

Никаким желанным он не был. Не был — и точка!

С этой мыслью я на бегу затолкала в себя местный аналог круассана, выпила чашку въярна и вылетела из дома на подъездную дорожку, где меня уже дожидался водитель. Гораздо более приятный, чем Луард, по крайней мере, дверь он мне открыл, широко улыбнувшись, как старой знакомой.

Почему-то я сочла это хорошей приметой: люди так мало значения придают улыбкам и добрым словам, хотя ими поддержать и приободрить порой очень просто. Вот и я садилась в машину с мыслью, что все будет хорошо.

Будет, конечно, куда оно денется. Пусть первые два дня и вышли не очень. За это время я умудрилась попасть в другой мир, уволить Селани из театра, устроить ее же на работу няней, пообщаться с ней в мужском теле и поцеловаться с Алмазным королем... дважды. Впрочем, первый раз не считается, потому что тогда я ничего такого не чувствовала.

Так вот, вчера вечером я тоже ничего такого не чувствовала, и вообще все это не считается, потому что...

Потому что я так решила!

Район, где жил Демаре, отличался еще большей помпезностью, чем тот, где располагался бывший дом Селани. Особняки здесь были более редкими и больше напоминали дворцы, а территории, к ним прилегающие, если и не могли посоперничать с парком в Петергофе, то были очень к тому близки. В общем, никто из местных обитателей ни в чем не нуждался, улицы блестели на солнце, как вымытые с шампунем, травка на газонах сверкала, как после обработки фильтрами в Фотошопе.

Долго ехать нам не пришлось: на сей раз мы свернули не к морю, а в центр, где уже открывались первые местные бутики. Глядя на выставленные в витринах платья, я чувствовала себя крайне нелепо, потому что даже не представляла, как буду все это носить. Ну не мое это. Вот совсем. Это же все равно что Дженифер Энистон на вручение Оскара одеть в... свитерок и джинсы, а сверху набросить халатик воспитательницы из детского сада. С точностью до наоборот.

Водитель притормозил перед первым открывшимся магазином и уже собирался выйти из машины, когда я покачала головой.

— Простите, вы не сказали, как вас зовут.

— Симран, мирэль Тонэ. Я думал, вы помните.

Так, понятно. Селани с ним уже ездила.

Вот где, спрашивается, была моя голова, когда я вчера с ним... с ней общалась?! Надо было подробно ее обо всем расспросить! Вот только сначала я слегка обалдела от ее заявления, а потом явилось его мишуарство и...

— Симран, здесь есть магазины попроще? Мне не хочется спустить весь аванс в первый же день.

Водитель приподнял брови:

— Есть, но... вы всегда одевались так... Словом, как здесь.

Не я. Селани.

Но это к делу не относится.

— Мне хочется перемен, — со вздохом призналась я.

Водитель нахмурился, но снова завел машину своим магическим камушком, и мы поехали дальше. Долго петляли по узеньким улочкам, часть из которых и вовсе была пешеходными, поэтому приходилось очень медленно ехать за кем-то, спешащим по делам на своих двоих. В итоге водитель остановился перед магазином попроще, в витрине которого пожилая женщина переодевала манекен.

Обежав машину, шофер распахнул дверцу и подал мне руку:

— Прошу, мирэль Тонэ. Я буду ждать вас в машине.

— Спасибо, Симран.

Я направилась к магазину, над которым висела вывеска: «Наряды для мирэль». Простенько и со вкусом, чего уж. И чем им не угодили мишуары?

Впрочем, обо всех мириарах я тут же забыла... ну ладно, почти обо всех. Взгляд скользнул между магазинчиком и кофейней, то есть въярней, располагавшейся чуть выше по улице: в объятиях небольших двухэтажных зданий спряталось еще одно. На втором этаже, судя по торчащим горшкам с чем-то, отдаленно напоминающим герань и фиалки, располагались квартиры, а на первом окна были затянуты темной драпировкой, подсвеченной изнутри огоньками.

«Гадальный салон Лилит Варум», — гласила вывеска.

«У меня бабка — цыганка в пятом поколении, так и знай!» — эхом зазвучали в сознании слова Лили.

Ну нет.

Нет, не может такого быть!

Или может?

Могла ли Лиля перекинуть меня сюда?

Что за бред, Ира! Ты взрослая, современная женщина, с рациональным мышлением, которая...

Вошла в туалет и оказалась в другом мире.

Мысленно (почти за шкирку, как небезызвестный барон Мюнхгаузен в мультфильме) я развернула себя в сторону «Нарядов для мирэль», но в двух шагах от двери все-таки затормозила. Руки с силой стиснули сумочку.

Я не просто оказалась в другом мире. Я разговаривала со здоровым мужиком, в теле которого поселилась женщина. Причем, судя по ее словам, это не шизофрения, а именно Селани. Так что если есть хоть малейший, хоть капельнический шанс, что эта мадам Лилит может мне помочь, я просто не имею права его упускать!

Прежде чем я успела додумать эту мысль, ноги уже сами понесли меня в сторону гадального салона.

Толкнув дверь, под переливчатый звон колокольчика я оказалась в царстве полумрака, разрываемого только слабыми огоньками свечей. Свечи эти, как выяснилось, парили над залой, и это заставило волосы на голове шевелиться. То есть умом я понимала, что в магическом мире возможно все, но когда над твоей головой зависли крохотные такие язычки пламени, как-то не до умственных изысканий. Тяжелая черно-красная драпировка затягивала окна, отрезая меня от внешнего

мира. Посредине залы стоял стол и два стула, очертания которых почти потерялись в том самом полумраке и тумане. Туман, подозреваю, возникал из-за благовоний, тяжелый аромат которых плавал надо мной вместе со свечами.

Самой Лилит нигде не было.

Вот и хорошо!

На этой мысли я наткнулась взглядом на маску с раззяленным ртом, в прорезях которой тоже поблескивало что-то алое, из-за чего создавалось ощущение, что на меня пристально смотрят.

Пойду я, пожалуй.

Не успела сделать и шага, как шорох за моей спиной засвидетельствовал о чьем-то появлении.

— Что, просто так возьмешь и уйдешь? — послышался мелодичный голос.

«Брать ничего не буду, — подумала я, — а вот уйти точно стоило бы».

Но я уже обернулась.

Стоявшая рядом со столом женщина (я прищурилась, чтобы разглядеть, откуда она появилась, но тщетно) ничем не напоминала Лилю. Хотя вру, напоминала — цветом волос и огненным взглядом, все остальное в ней вполне соответствовало среднестатистической цыганке из советских фильмов. Наряд так вообще точь-в-точь: рубаха, цветастая юбка, на голове платок.

— Ну, говори уже, зачем пожаловала, — нетерпеливо проговорила она, — или уходи.

— Хочу кое-что узнать.

Вот зачем? Зачем, Ира? Ты же даже в своем мире в такие бредни не верила!

«А стоило бы, — ехидно подсказал внутренний голос. — Тогда, глядишь, и не оказалась бы в мире с розовыми единорогами».

«Нет здесь единорогов», — подумала я. И мысленно посоветовала внутреннему голосу заткнуться, потому что разговаривать с самой собой — это уже точно не здорово.

— Уверена, что пришла по адресу? — добавив в голос иронии, поинтересовалась Лилит. — Слишком много в тебе сомнений, а они, как известно, ни к чему хорошему не приводят.

Да, работе с клиентами ей еще учиться и учиться.

Хотя почему-то именно это заставило меня вернуться и подойти к столу.

— Так вы сможете мне помочь? — поинтересовалась я, оглядываясь в поисках хрустального шара или гадальной колоды.

— Смотря, о чем речь пойдет, — неопределенно ответила женщина и тряхнула головой с напомаженными кудрями, черными, как ночь. — Но ты садись. Я посмотрю и скажу, что думаю.

Глянув на стул сомнительной чистоты (ну очень сомнительной, на фудкорте в выходные и то чище), я все-таки отодвинула его и присела на краешек. Лилит расположилась напротив, и, вопреки всем моим подозрениям, хрустальный шар на столе так и не появился, равно как и колода карт.

— Руки дай, — бесцеремонно заявила гадалка.

А вот это уже что-то знакомое.

Я протянула ей руки ладонями вверх, но она не торопилась взглянуть на мои... как их там, линии жизни, ума и прочего. Может, и к счастью, потому что в своем уме я в последнее время регулярно сомневаюсь.

— И чего ты их растопырила? — поинтересовалась Лилит, глядя на мои пальцы.

— А вы разве не будете читать мою судьбу?

— Судьбу прочесть невозможно, — фыркнула она. — И не верь тем, кто говорит иначе. Судьбу свою ты сама создаешь, каждый день, каждую минуту перекраиваешь, любым новым решением, даже взглядом или улыбкой. Нельзя прочитать то, что находится в постоянном движении.

— А... — многозначительно высказалась я.

Но меня уже хватанули за руки.

Без каких-либо ухищрений, просто сомкнули мои ладони в свои. Меня не обожгло, током не ударило, вообще ничего не случилось: лишь почувствовала тепло ее рук. Чуть шершавых, грубоватых для женщины, с маникюром, который явно требовал обновления.

«Цыганам никогда в глаза не смотри», — учила меня мама, у которой выцыганили (буквально) кошелек в день зарплаты, но Лилит и сама на меня не смотрела. Прикрыла глаза, словно собиралась войти в

транс, однако с трансом тоже не сложилось. Пару минут она так и сидела, сжимая мои руки в своих, потом подняла ресницы и сфокусировала на мне взгляд.

— Нехорошая на тебе магия, девочка. Темная, — сказала она.

«Сами вы девочка», — подумала я, внутренне холода.

— Точнее, ее отголоски. Ты пришла издалека... — Лилит нахмурилась. — Оттуда, куда никогда не вернешься.

Что?!

— Не думаю, что это то, что я хотела услышать.

— Ты хотела услышать правду, не так ли? — она вскинула брови.

— Но я не закончила. Не вернешься, но сможешь один раз поговорить с тем, кого любишь по-настоящему. Всего один раз, в новолуние, потом твоя связь с домом ослабнет, и узы порвутся.

Мамочки!

— Я вам не верю! — Собрав остатки внутренних сил, решительно поднялась.

— Верить или нет — дело твое, — пожала плечами Лилит и взмахнула рукой.

Туман благовоний тотчас рассеялся, свечи погасли, портьеры раздвинулись, впуская привычный дневной свет, а у меня по коже снова побежали мурashki. Впрочем, в следующую минуту я обратила внимание на перстень с огромным камнем на пальце женщины, и мне полегчало. Никакая это не мистика, всего лишь обычная магия камня.

Обычная.

Магия.

Камня!

Дожили.

Ну уж нет. Нет, нет и нет! Я здесь не останусь, перетряхну этот мир, поставлю его с ног на голову, но вернусь домой! К Мише.

— Сколько я вам должна?

— Да нисколько, — отмахнулась Лилит. — Я ж тебе ничем не помогла, а за такое денег не берут.

Скрипнул стул, и она направилась в сторону занавешенного потертymi шторами дверного проема. Возможно, это и был какой-то обманный маневр, но гусары, то есть цыгане, которые денег не берут — это что-то новенькое.

— А... как мне поговорить с тем, кого люблю?

Лилит скептически заломила бровь:

— Пока не веришь, ничего не получится. Даже то, что я тебе дам, не поможет без твоей силы.

— Нет у меня никакой силы, — отмахнулась я.

— Это ты так думаешь, девочка. Сила есть в каждом, вот только привыкли люди, что камни нам ее дарят, от того и не чувствуют ничего внутри.

Ну да-ну да, как в том анекдоте:

«Используй силу, Люк!» — «Так силу или люк?»

— Пожалуйста, расскажите, как мне поговорить с тем, кого люблю?

— В ночь новолуния надо подняться на холм Расцвета, это самое сильное место в Мальмаре. С собой взять вот это, — подавшись к стене, Лилит легонько по ней постучала, и на моих глазах из нее выскоцил ящичек. Обычный такой ящичек без ручки, как кирпичик, в котором прорицательница покопалась и извлекла на свет божий... деревянный кругляш.

Приблизившись, я увидела, что на нем начертан символ, напоминающий нашу земную руну... Да нет же! Это наша земная руна и была, еще бы вспомнить, как она называется. Светка в свое время увлекалась ими, даже общалась с девушкой, которая всерьез занималась рунами. Знак в ладони Лилит напоминал наклоненную букву П, но память на эту тему сотрудничать отказывалась.

— Держать ее у сердца и звать — всем сердцем звать, — подвела итог Лилит. — С верой, которой тебе так не хватает.

«Ира, это развод», — снова подсказал внутренний голос.

«А идеи получше у тебя имеются?» — огрызнулась я.

Идей не было.

Не уверена, что в ближайшие дни найду способ вернуться домой, а передать весточку родным нужно. Хоть как-то... через Мишу. Даже если эта Лилит на сто процентов уверена, что вернуться я не смогу, возможно, в их мире это невозможно, но возможно в нашем! Она же сама сказала, что судьба постоянно находится в движении, вот и буду двигать! Так двину, что мало не покажется. Да я горы сверну, чтобы вернуться!

К тому же, если этот символ так похож на земной, значит, между нашими мирами действительно существует связь. Это и стало решающим фактором. В руны я почему-то верила. В отличие от всего остального.

— Давайте! — сказала я и протянула руку.

— Чем платить будешь? — уже совершенно по-деловому поинтересовалась Лилит.

— Наличкой, — брякнула я. Заглянув в округлившиеся глаза цыганки, или как они здесь называются, тут же поправилась: — В смысле, деньгами. Чем же еще?

— Услугой за услугу можно, — сказала Лилит, — но с тобой действительно лучше деньгами.

В ее глазах однозначно читалось: «Странная она какая-то».

Странная, ага. Посмотрела бы я на нее в нашем мире, где вообще никакой магии нет.

Рассчитавшись за помощь, убрала руну в конверт и быстренько направилась к двери, пока в голове Лилит это «издалека» не сложилось в «из другого мира». Не хочу я в МОРГ. И в морг после МОРГа тоже не хочу, а то мало ли, что они там с иномирянами делают. Особенно с такими «выдающимися» (со слов Селани), как я.

— Не забудь, всем сердцем звать! — напомнила Лилит. — И только в первое новолуние, не позже!

— Спасибо, — сказала я и поспешила хлопнуть дверью.

Не очень вежливо, но что делать.

Нам, иномирянам, выбирать не приходится.

Подумав, переложила руну из конверта во внутренний карман сумочки: пусть пока побудет здесь, а по дороге домой решу, куда ее перепрятать до новолуния. Может статься, это мой единственный шанс вернуться домой.

А я вернусь!

Обязательно вернусь!

С таким оптимистичным настроем я вскинула голову и направилась в салон одежды для мирэль.

Во дворце, то есть в доме Алмазного короля, все было спокойно, как в том Багдаде. Что меня и насторожило, потому что предыдущие

два дня назвать спокойными точно было нельзя. Сегодня же я вполне удачно съездила в магазин, где купила блузку с юбкой для повседневной носки, в которые сразу и обрядилась, а также платье — просто потому, что не смогла пройти мимо. Две пары туфель и аксессуары я тоже приобрела, и от аванса еще даже кое-что осталось, что не могло не радовать.

Девочек я накормила и уложила спать: увы, сегодня сказка не сработала, пришлось снова лететь в космос и впадать в анабиоз. Через двадцать минут ерзанья анабиоз все-таки состоялся, и я, оставив близняшек отдыхать, отправилась в библиотеку.

Каталог помог разобраться с нужными книгами, а точнее, нужные отыскать. В итоге, обложившись тяжеленными фолиантами, я в спешном порядке давилась знаниями в рекордно короткие сроки. Во-первых, потому что надолго оставлять девочек одних не хотелось, а во-вторых, не хотелось, чтобы меня за чем-то подобным застал Жужжен. Это же даже хуже, чем если бы Демаре застал меня за поцелуями с Селани. То есть с Шерро.

Тьфу!

И что только не полезет в голову.

А в голову, признаться честно, лезло многое, пробиваясь сквозь исторические сведения, основы магии и прочая, прочая, прочая. Когда я уходила от Лилит, сжимая руну в руке, меня охватило радостное такое, почти детское возбуждение. Пусть даже она сказала, что я не смогу попасть к себе, но хотя бы смогу поговорить с Мишой. И если есть возможность поговорить с ним по межмировой «рации», значит, есть и возможность меня отсюда вытащить.

Не может не быть!

Помимо мыслей о Мише периодически пробивались радиопомехи с внешностью Алмазного короля, и вот это, если честно, мне совсем не нравилось. Настолько не нравилось, что я то и дело за уши вытаскивала себя из воспоминаний о случившемся в кабинете и возвращала назад в библиотеку. Проблема заключалась в том, что библиотека тоже теперь навевала воспоминания. В частности о том, как он стоял в дверях, глядя на меня.

Гм... а если сделать вот так?

Развернув кресло под другим углом, я оказалась спиной к двери.

Да, вот так определенно лучше. И все внимание на то, что читаю.

История Эоны насчитывала вот уже восемь тысяч лет, из которых шестьсот было отведено на новый мир (так оно и писалось, 628 г. н.м.), и остальные около семи тысяч — на домагическую эпоху. В отличие от нашего мира, у них летоисчисление «ниже ноля» велось не в порядке убывания, а так же, по возрастанию. То есть последний год домагической эпохи именовался 7432 г. д.м.э.

Магия обрушилась на мир неожиданно, проявившись в горных породах и везде, где содержались драгоценные камни. Когда люди это осознали, случилась первая магическая война. Государство Истхарнах (клянусь, последний слог был именно таким), попыталось подгрести под себя весь материк. Руководил им в то время идейный тип, которого заклинило на идее, что все месторождения должны принадлежать ему.

В общем, Ньеrra оказалась единственной страной, которая смогла дать достойный отпор. Отчасти потому, что на ее территории было много камней, отчасти потому, что именно здесь имелись так называемые «блуждающие жилы». То есть иссякнув в одном месте, они возрождались в другом, полные залежей полезных камушков. Иными словами, сейчас Ньеrra была мировым лидером по производству всего, что только можно себе представить.

А на семидесяти процентах жил сидел Алмазный король. Это я почерпнула уже не из книг, а из вовремя отхваченного журнала, посвященного Демаре. Ему сейчас много статей посвящали в связи с исчезновением Жизель, вытаскивали на свет божий все подряд. Вот и про то, на чем он сидел, тоже вытащили.

Ну как сидел... Исходя из того, что я прочитала, усидеть на них было нельзя, и везло тому, кто успевал подсуетиться и быстренько выкупить землю, на которой появлялась магическая жила. Отслеживалось это по многим признакам, которые, правда, не всегда были столь очевидными. Тот же автор статьи намекал, что у Демаре разветвленная сеть осведомителей, которые только и делают, что шпионят, и что сам Алмазный король по своим деловым качествам и хватке не слишком-то отличается от того самого правителя из Наха.

За спиной раздался какой-то шорох, и я обернулась.

— Кристин? Аделин?

Тишина.

Напряженно оглядев библиотеку, я захлопнула книгу. Надо убрать все на место и возвращаться, потому что девочки вот-вот проснутся. Увы, я ни на шаг не приблизилась к тому, что мне нужно: читай, к вопросу, как вернуться домой. Ну да ладно, еще не все потеряно: во-первых, у меня целая библиотека, а во-вторых, Селани. Если бы она еще так не истерила и была готова к конструктивному диалогу, цены б ей не было, как союзнице. Сделав себе пометку в памяти: при следующей встрече поговорить с ней серьезно и без лишних эмоций, направилась к полкам.

Расставила книги, для себя отмечая, что можно взять в этом секторе в следующий раз.

«Пространственные аномалии Ньеरры».

Хм... а вот это может быть интересно! И как я ее раньше не заметила?

Потянула книгу на себя, чтобы быстренько просмотреть оглавление.

Шорох неожиданно повторился, и я подпрыгнула. Обернувшись, прижала к груди книгу. И чуть не заорала, потому что на меня огромным круглыми глазами, светящимися в полумраке, смотрел настоящий живой... чебурон.

Фернан Демаре

— ... чательная новость!

Фернан вынырнул из собственных мыслей и осознал, что вот уже несколько минут вместо того, чтобы слушать отчет помощника, изучает цветущий куст мальмары. Последняя притаилась в большом горшке в углу его рабочего кабинета. Ее полураскрывшиеся соцветия своим оттенком напоминали губы Селани Тонэ. Настолько нежные, мягкие и порозовевшие от его поцелуя. Губы, конечно же. До того, чтобы целовать цветок, он еще не додумался.

Хотя следовало перецеловать все кусты в округе вместо того, чтобы делать это с няней его девочек!

Нет, не просто с няней, а с мирэль Тонэ. Той самой мирэль Тонэ, при виде которой у него всякий раз возникала изжога. По крайней мере, так было раньше.

— Мируар Демаре? — вопросительно посмотрел на него Роббер.

Видимо, молодой человек ждал ответа, но Фернан осознал, что пропустил все, кроме последнего слова, а предпоследнее расслышал лишь наполовину.

Все из-за Селани Тонэ!

И этого куста! Кто вообще додумался поставить его в кабинете?

«Уволю!» — яростно подумал Алмазный король и наконец сосредоточился на работе.

— Прошу прощения, Роббэр, я отвлекся. Так что за новости?

У помощника сделался такой вид, будто его только что неожиданно пнули под зад: осознание случившегося еще не наступило, но неприятный осадок в душе уже поселился.

— Я говорил про то, что вы оказались правы, — повторил он. — Вчера на той территории, что приобрели весной, появилась блуждающая жила! Мы обнаружили магическую активность, и пробы это подтвердили.

— Отправили туда технику?

— Да, конечно, — с энтузиазмом закивал Роббэр.

— Замечательная новость!

— Я так и сказал, мируар Демаре.

Жила.

Еще одна. Отлично.

Интуиция снова не подвела его. Пока большинство полощут песок у берегов рек в надежде обнаружить хоть каплю магии в найденных там камнях, ученые, нанятые им, изучают горные породы, а после составляют прогнозы. Еще прадед Фернана решил рискнуть и начать копать шахты. Тогда это делали рабочие вручную, а не спецтехника. Он вложил в дело почти все свои сбережения и не прогадал: открытая блуждающая жила сделала Демаре одной из самых богатых семей Ньеरры. И с тех пор их состояние только преумножалось. Интуиция прадеда перешла деду, от деда к отцу, и от отца наконец-то досталась единственному наследнику — Фернану.

Интуиция всегда ему помогала. По крайней мере, в том, что касалось бизнеса. Но кажется, регулярно подводила в отношениях с близкими.

— Сообщите об этом мируару Шерро, — приказал он помощнику, и тот поспешил покинуть кабинет.

Да, с близкими в последнее время точно творилось что-то не то.

Взять хотя бы Десмонда. Он тоже вложил деньги в последние геологические исследования и на протяжении стольких лет тратил много сил и времени на бизнес. А теперь что? Хочет отдохнуть? Уму непостижимо!

Кто же отдыхает в шаге от триумфа?

В последнее время друга будто подменили. Другого объяснения у Фернана просто не было.

Ан нет! Одно было, и оно ему совершенно не нравилось.

Селани Тонэ.

Все началось именно с нее. Когда актриса решила, что сможет стать его няней... Тьфу, не его, конечно. Няней для его детей! Она пришла на собеседование, и с тех пор все пошло наперекосяк.

Ее тоже будто подменили.

Куда делась дикая кошка, едва ли не бросавшаяся ему на шею? Вместо нее вдруг возникла острые на язык недотрога, которую каждые пять минут хотелось не то уволить, не то схватить и поцеловать. Чтобы закрыть ей рот, конечно же.

Фернан запустил пальцы в волосы, растрепав пряди, а потом закурил.

И главное, будь она прежней, уволил бы сразу. От греха подальше. Но нынешняя Селани поладила с девочками, а это дорого стоит. Она смогла совладать с близняшками и (он заметил это за ужином) даже умудрилась им понравиться. Чего уж говорить, такая мирэль Тонэ понравилась ему самому.

Как он мог так ошибиться в ней? Кто она, хорошая актриса? Наглая аферистка? Где играет, а где искренняя?

Фернану хотелось верить, что Селани не обманывает его девочек и действительно относится к ним с той теплотой, которую он успел в ней заметить. Например, когда Кристин плюхнула ей на стул мороженое, он готов был наказать дочь со всей строгостью. Но няня перевела огонь его гнева на себя. Или взять историю со скелетом: без участия близняшек там точно не обошлось. И опять мирэль Тонэ защитила двух шкодниц. Не то, чтобы Фернан хотел потакать всем их шалостям и капризам (хотя зачастую больше потакал, чем ругал), но ему понравилось, что у девочек появилась защитница.

Только один момент не давал ему покоя: интерес Десмонда к Селани. Вот что было донельзя странным.

Сначала их разговор, когда друг расписывал достоинства мирэль Тонэ и настойчиво советовал Фернану принять актрису на работу. Потом купил для нее безумно дорогое колье (узнать, кто приобрел украшение в его бутике труда не составило, тем более что Десмонд выписал чек). После настаивал на том, чтобы взять с собой Селани на выходные в Ланси. И под занавес домогался ее в библиотеке!

Картина вырисовывалась неприглядная: его лучший друг сделал все это ради того, чтобы добиться расположения девушки. И теперь ему не терпится получить вознаграждение.

Фернан его хорошо понимал, особенно после того, как попробовал на вкус губы мирэль Тонэ и почувствовал тепло ее кожи, когда она оказалась в его объятиях. Ему всегда нравились более миниатюрные девушки, но тут он просто не смог устоять, сорвался...

Да что ж это такое-то, а!

Демаре бросил сигару в пепельницу и легко ее оттолкнул.

Лег-ко.

Случайно чуть дальше, чем требовалось, самую малость.

То, что пепельница упала и разбилась — так это досадное недоразумение, равно как и тот поцелуй. Который действительно больше никогда не повторится, и он знает, как положить конец охватившему его безумию.

Прекратить это раз и навсегда.

Глава 9

Три бидона молока

Ира Илларионова

— Это же фидруар, — сказала Кристин таким тоном, как если бы говорила мне, идиотке такой: «Это же кошка!»

Сидевшее передо мной существо действительно чем-то напоминало кошку в пубертатном периоде, учитывая то, как оно терлось о мои ноги пару минут назад и какие издавало звуки. От кошачьей внешности у него были сильные, гибкие лапы, благодаря которым оно прыгало до трех метров в высоту без разбега (просветили

меня девочки), и, пожалуй, глаза. Огромные, янтарные, с вертикальным зрачком. Все остальное принадлежало чебурашке и дракону, то есть помеси этих двух существ, которых в природе не существует.

Хотя... в этом мире ни в чем нельзя быть уверенным.

Крупную голову окружали массивные шипы-наросты, над которыми пробивалась шерсть. Они напоминали корону, торчащую из всклокоченной шевелюры императрицы. Уши тоже были прикрыты выступающими наростами (видимо, чтобы не отгрызли в бою, потому что там было что отгрызать), шерсть — огненно-красная, с золотистыми переливами. Ах, да. Еще крылышки и хвост.

Крылышки у него по размеру были как у цыпленка Буша 90-х.

— Как оно вообще летает? — спросила я.

— Так они вырастут, — Кристин недоуменно посмотрела на меня.

— И он тоже вырастет.

— Насколько?

Девочка указала мне на голову.

Скажите, что это когда он встает на задние лапы...

— Это еще совсем детеныш. — Аделин опустилась рядом с малышом и протянула ему руку, но он издал звук, напоминающий нечто среднее между рычанием и клекотом, и спрятался за мои ноги.

— И он выбрал вас мамой, мирэль Тонэ.

Да, мамой фидруара я еще быть не пробовала.

— А чем они питаются?

— Мама говорила, что вы плохо учились в школе, — заявила Кристин.

Аделин закашлялась, но мне было не до обид на Жизель, тем более что характеристика эта давалась Селани. Если что, сейчас мне даже на руку, что ее считают... в общем, не слишком далекой. Иными словами, так можно безбоязненно восполнять пробелы в знаниях.

— Но не настолько же! Все знают, что фидруары питаются... —

Кристин сделала большие глаза.

Что? Чем?

Или кем?!

Только не говорите, что кем. Я этого не переживу! У меня на глазах соседская кошка в деревне однажды воробья сожрала, так у

меня, городской девочки до мозга костей, была психологическая травма. И вообще...

— Нянями! — выпалила Кристин. — Молоком! Конечно же такие детеныши питаются молоком. Правда, нужно им... три-четыре бидона в день.

М-да.

Я бы и не вздумала рассказывать об этом девочкам, но они проснулись и прибежали в библиотеку в тот момент, когда я стояла на столе, готовая отбиваться туфлей. О том, где я, им сообщил Жужжен. Разумеется, кто же еще! А о том, что Жужжен выкинет фидруара... то есть фидруаренка сразу, как увидит, высказала предположение Аделин.

Впрочем, я была склонна с ней согласиться.

— Ему, наверное, недельки две. Только глаза открылись... — заметила Аделин.

Глаза, к слову, сейчас закрывались. Недоразумение пыталось пристроиться у меня в ногах, и мне совести не хватило оставить его там: наклонилась, взяла на руки, несмотря на устрашающий вид. Звереныш зевнул, обнажив пасть с острыми, как иглы, зубами, после чего свернулся клубочком в кольце моих рук.

— Как он вообще сюда попал?

— С улицы, — махнула рукой Аделин. — Горничные убираются до обеда, а потом три-четыре часа проветривают пустые комнаты. Вот и залез в окно.

— Они вообще-то только в дикой природе водятся, — хмыкнула Кристин. — Но то, что он вышел к людям, означает только одно: его мама погибла.

Я вздрогнула и крепче прижала малыша к себе.

— Я поговорю с вашим папой, — пообещала. — Сегодня же, как только вернется. А Жужжену об этом знать вовсе необязательно.

Думаю, его алмазное величество что-то решит с... моим новым сыном? Дочей?

Заглядывать ему под хвост я не решилась, не при девочках же, да и какая разница! Я же не собираюсь оставлять его у себя. Или собираюсь?

— Папа не любит животных. — Аделин заметно погрустнела.

То есть как не любит?

— Он не захочет его оставлять. Правда. Мы так часто просили его... даже не фидруара, а маленькую лойю или марика... Но он против. Он сразу же отдаст его в службу надзора за магическими животными. И там его посадят на цепь... — Девочка вздохнула. — Или в магическую клетку.

М-да.

Жизнь, я, конечно, все понимаю, но где мне достать три-четыре бидона молока в день, не вызывая подозрений?

Пушистый хвостик свесился вниз, щекотнул руку, и тут меня бросило в холодный пот.

— Надеюсь, Жужжен ничего не слышал, — пробормотала я, бросив взгляд на двери библиотеки.

— Не слышал, потому что я активировала...

— Потому что мы говорили тихо, — перебила сестру Кристин, и Аделин ойкнула.

Я решила, что активация чего бы то ни было подождет, самое главное перетащить звереныша к себе в комнату, не попаввшись на глаза Жужжену.

— Девочки, пусть это пока будет нашим секретом. Пока я не решу, что делать дальше. Пусть он хотя бы немного подрастет...

Но мне даже договорить не дали: я видела, каким энтузиазмом сверкнули глаза близняшек.

— Я буду вам помогать заnim ухаживать! — воскликнула Аделин.

— Я могу завязывать ему бантики, — заметила Кристин.

И я невольно улыбнулась:

— Сейчас мне надо, чтобы вы отвлекли Жужжена. Я перенесу его в свою комнату.

Девочки переглянулись, и на лицах заиграли улыбки.

— Мы быстро! — С этими словами они выбежали из библиотеки.

Я же мысленно сделала себе пометку: как можно больше разузнать о фидруарах. Можно ли отпустить подросшего малыша к сородичам, например. Какие навыки ему нужны для выживания и тому подобное.

Покачивая спящего звереныша на руках, рассматривала его: не такой уж он и страшный. Я бы даже сказала, миленький.

Вполне миленький!

Аделин действительно вернулась быстро, с заговорщицким видом кивнула, и мы вышли в коридор. Куда подевался Жужжен, одним близняшкам известно, но до моей комнаты мы добрались без приключений.

Разумеется, о том, чтобы переместиться в детскую, и речи не шло, поэтому мы окружили кресло, на которое я положила малыша, и устроили экстренное заседание по найденному на незнакомой планете неизвестному животному. Не пришлось даже прибегать к библиотечной помощи: в ходе «заседания» выяснилось, что фидруары живут в лесах, что до девяти месяцев они считаются детенышами, а потом им приходится отстаивать место под солнцем, и что живут они семьями, а не стаями или прайдами. То есть вот этой вот животине нужна будет пара, чтобы завести детишек и расти их.

Вместе.

Словом, все как у людей.

Малыша могут принять в семью, если захотят, но для этого нужно будет отвезти его в лес и пообщаться с дикими взрослыми фидруарами (при одной мысли об этом моя человеческая шерсть вставала дыбом), и еще не факт, что его примут. Могут сожрать, например. Вместе со мной.

В общем, утешительных новостей было мало, но за разговорами время пролетело незаметно. Я сама не заметила, как стемнело, и только когда услышала шаги, спохватилась.

Едва успела вскочить, а Аделин поспешило накинула на кресло плед, в ту же минуту дверь распахнулась.

— Почему вы не в детской, мирэль Тонэ? — без каких-либо церемоний с порога спросил Демаре.

Потому что у меня тут двухнедельный фидруар, которому нужен бидон молока в день. Как минимум, по самым скромным моим подсчетам.

— У нас здесь космический корабль, папочка, — вперед выступила Аделин.

— Космический — что?

— Это игра такая, — тут же подхватила Кристин. — Нам нужно перемещаться по дому и нельзя постоянно сидеть на одном месте.

Демаре нахмурился.

— Если верить Этилю, по дому вы не перемещаетесь, а сидите здесь.

— Если верить Этилю, я вообще зло во плоти, — заметила я.

Девочки хихикнули, а я закусила губу. Демаре же нахмурился еще сильнее.

— Кристин, Аделин, возвращайтесь к себе. Мирэль Тонэ присоединится к вам через десять минут и поможет переодеться к ужину.

— Хорошо, папочка.

Шелковые девочки убежали из комнаты сразу же, и я тоже направилась к дверям. Меньше всего мне хотелось, чтобы в самый ответственный момент из-под пледа вылез фидруар.

— Куда вы собирались, мирэль Тонэ?

— Как — куда? Готовить девочек к ужину.

— Мне кажется, я сказал через десять минут.

— А я медленно хожу. У меня...

Хотела сказать каблуки, но передумала. Туфли, которые я купила, ничем не напоминали шпилеобразные ходули Селани.

— Маленький шаг.

Не дожидаясь ответа, вышла из комнаты, и его мируарству ничего не оставалось, как последовать за мной, плотно прикрыв дверь. Мысли о звереныше немного вытеснили вчерашнее, но сейчас оно возвращалось, особенно когда Демаре меня догнал и пошел рядом, почти касаясь моей руки. Из-за чего вместе с нами пошли мурашки.

По мне.

— Нам нужно поговорить, мирэль Тонэ.

Да. Определенно.

— Мне нужно четыре бидона молока в день.

— Что?!

— Можно три. Но не меньше.

Прежде чем Демаре успел опомниться, я продолжила:

— Еще я хочу, чтобы в дверь моей комнаты врезали замок, и чтобы ключ был только у меня.

— Что?!

— И замораживающий агрегат.

Я не знала, как назвать холодильник, поэтому назвала так. Выражение лица Демаре сейчас было ну очень говорящим: если пару минут назад он хмурился, то сейчас смотрел на меня так, словно сомневался в моем рассудке.

— Зачем вам молоко, мирэль Тонэ?

— Я принимаю ванны с молоком. Это полезно для кожи. Как вы думаете мне удается добиться такой белизны? — я показала ему руку, пошевелив пальчиками, но под потемневшим взглядом поняла, что это не очень удачная идея, и быстро убрала ее за спину.

— Почему вы так странно назвали холодильник?

Потому что я не знаю, как он у вас называется! Точнее, не знала, что он называется так же, как и у нас.

— Потому что я женщина! Могу я быть внезапной?

Близость Демаре заставляла нервничать, поэтому я чуть отступила в сторону. Мы как раз дошли до лестницы, с высоты которой открывался холл. Без преувеличения роскошный, и к которому я уже начала привыкать.

Ой, нет! Вот к этому мне привыкать точно не стоит, равно как и к тому, кто сейчас смотрит на меня слишком пристально. Я бы даже сказала, к последнему мне в первую очередь не стоит привыкать, потому что... потому что всякие Алмазные короли меня совершенно не интересуют.

Ни в каком смысле.

— А замóк?

— А замóк нужен именно потому, с чего начался наш разговор. Я уважаю ваш выбор дворецкого, но он действительно сует свой нос куда надо и куда не надо. Мне, как любой женщине, нужна частная территория и уверенность, что пока я буду заниматься с девочками, нос мируара Жужжена не залезет в мой комод.

Демаре хмыкнул:

— Вам есть что скрывать, мирэль Тонэ?

Под его пронизывающим взглядом захотелось составить компанию фидруару, под пледиком в своей спальне. Вместо этого я расправила плечи и поинтересовалась:

— А вам нет? Я не привыкла, что в мою жизнь постоянно кто-нибудь лезет и, по-моему, то, что прошу, более чем разумно.

Особенно три бидона молока.

Демаре смотрел на меня. Я бы даже сказала, разглядывал, прокатывая свое пристальное внимание от носочков моих туфелек, более чем скромных, по такому же весьма скромному наряду кремовых тонов.

— Молоко будете брать на кухне, — наконец изрек он. — Ваша комната не предусматривает возможности поставить туда холодильник. Замок вам врежут завтра.

— Благодарю.

Я развернулась, чтобы уйти к девочкам, но меня остановили покашливанием.

— Вы ничего не забыли, мирэль Тонэ?

Обернулась с самым невинным видом. Честно говоря, жизнь в Селани меня многому научила: например, тому, что иногда стоит прикинуться дурочкой.

— Я должна переодеть девочек к ужину.

— Это я собирался с вами поговорить.

Ой, нет.

Я не хочу говорить о том, что произошло вчера. Ни говорить, ни думать, ни...

— С самого начала в общении с вами я допустил ошибку. — Демаре положил ладонь на перила, отрезая последнюю возможность к бегству.

Он стоял так близко, что я чувствовала его дыхание на своей коже. Терпкий аромат сигар, вкус которых до сих пор помнила по нашему поцелую, и этот аромат прокатился по мне, заставляя стратегически отступить назад.

— Я видел в вас подругу жены. Хорошо, не подругу... — Он хмыкнул, постукивая пальцами по перилам. — Но женщину, с которой она ездила по магазинам и с которой общалась достаточно тесно.

При этом называя ее недалекой.

— Жизель приглашала вас к нам за стол, но сейчас, когда вы в этом доме всего лишь прислуга, я считаю это недопустимым.

От того, как это было сказано, у меня вспыхнули щеки. Вслед за щеками — руки, потом ноги, а затем и все остальное: тело Селани реагировало на обидные слова именно так, а я... Я понятия не имела,

почему мне сейчас хочется треснуть его мишуарство по голове с такой силой, чтобы уши пробили шляпу, а поля превратились в воротничок.

— Иными словами, в ваши обязанности входит сопроводить девочек до столовой, но не более. Обедать можете с ними, но на семейных завтраках и ужинах, а также на выходных, ваше присутствие будет лишним.

Треснуть его захотелось еще сильнее.

— Знаете, я к вам за стол не просилась, — выпалила, сама не знаю, зачем. Точно так же я понятия не имела, почему сейчас чувствую себя так мерзко. Почему находится рядом с ним с каждой минутой становится все более невыносимо, если не сказать больно. — И на ваши совместные семейные ужины и прочие приемы пищи тоже не претендую!

Оттолкнув его руку, я направилась в сторону детской, когда в спину мне ударило:

— Безмерно рад, что между нами не возникает никаких недопониманий, мирэль Тонэ.

Я не обернулась.

Только вылетев за поворот, ненадолго остановилась, чтобы перевести дыхание. Оно никак не желало переводиться, равно как и желание постучать этому... бриллиантовому монарху по его алмазной башке, в которой, видимо, вместо мозгов одна алмазная крошка, и та со стеклярусом вперемешку.

Мысленно я все-таки надела ему шляпу по самые плечи, а сверху приложила шахматной доской (не знаю, есть ли здесь шахматы, но для ментального возмездия сойдет), после чего направилась в детскую.

Надо помочь девочкам переодеться, а потом... потом пойду нянчиться с фидруаром.

В конце концов, чем меньше мы будем видеться с его алмазным величеством, тем лучше!

Совершенно глупая традиция — менять к ужину платья, но кто я такая, чтобы перечить работодателю? Я ведь в этом доме всего лишь прислуha, как изволила выразиться одна алмазная глыба. Вот и буду вести себя соответственно. Теперь он меня не будет ни видеть, ни слышать. А я его.

Отлично!

Чудесно!

Как бы сказала Светка: опупенно!

И в Ланси свое пусть катится на своей «Красотке» вместе со своим Десмондом, который и не Десмонд вовсе.

Со своей Деслани, в общем.

А я в эти дни займусь собственными проблемами. В конце концов, няням ведь тоже полагается отдых, то есть законные выходные. О которых я, кстати, не догадалась расспросить, когда устраивалась на работу к этому аристократическому павлину.

— Мирэль Тонэ, а как мы его назовем? — спросила Аделин, отвлекая меня от мыслей о всяких алмазных павлинах и возвращая к мыслям о двухнедельном фидруаре, игравшим с резиновым мячиком под кроватью.

Не успела я ответить, как Кристин выпалила:

— А я придумала! Назовем его Жюф!

— Фе! — скривилась Аделин и тряхнула собранными в хвост непослушными кудряшками. — Мне не нравится. Пусть лучше мирэль Селани придумает ему имя. Это ведь ее сын.

— А если дочка? — Я тут же прикусила язык, потому что близняшки так на меня посмотрели, как если бы хотели сказать: и эта мирэль нас еще чему-то собирается научить?

— У девочек не бывает нарости на голове. Только у мальчиков, — важно сообщила Кристин.

Ну хоть с этим разобрались.

— Тогда... — я задумалась, — как вам Реми? — предложила, застегивая бусины-пуговицы на бархатном платье Капитана Злючки.

Теперь уже скривилась Кристин (я видела ее отражение в зеркале), а Аделин, наоборот, радостно воскликнула:

— Точно! Он очень похож на Реми!

Ее сестра фыркнула, но спорить не стала: в детскую как раз постучались. Приоткрыв дверь, я высунулась в коридор и узнала от служанки, что девочкам пора спускаться к мируару, а мне идти на кухню ужинать вместе с остальной прислугой.

Честно говоря, аппетита не было. Как и настроения. И того, и другого меня лишил один Алмазный... тролль. Но подражать Селани,

которая после трех отказывалась от еды, мне совершенно не хотелось. К тому же Реми нуждается в молоке, которое якобы нужно мне для вечерних косметических процедур в ванной, а значит, на кухню я в любом случае заглянуть обязана.

Вернув фидруара в свою комнату (девочкам очень хотелось показать ему детскую, но теперь, когда детская была показана, эту ожившую версию чебурана следовало снова спрятать), мы с близняшками спустились в холл, где я пожелала им приятного аппетита и общения с их троллем... отцом то есть.

— А вы разве не будете ужинать с нами, мирэль Селани? — удивилась Аделин.

Кристин не сказала ни слова, потому что все еще дулась на меня за то, что Жюфа с моей подачи переименовали в Реми, даже не дав ему побить Жюфом. В этом она очень походила на отца: не терпела, когда что-то выходило не по ее, и сразу начинала показывать характер.

Аделин была уступчивой и мягче. Должно быть, пошла в мать.

— Меня пригласила Анжель, — так звали горничную, что явилась за мной и близняшками. — С моей стороны было бы невежливо отказываться от приглашения. Приятного вам ужина, девочки.

— Пойдем! — дернула сестру за руку Кристин, и они побежали в столовую.

А я медленно поползла на кухню, потому что ноги не несли в одно замкнутое пространство с Жужженом. Как и предполагала, дворецкий встретил меня хмурым взглядом, через который, как солнечный луч сквозь грозовые тучи, отчетливо пробивалось злорадство.

Остальные поприветствовали меня улыбками, искренними и дружелюбными: горничные Анжель, Зои и Линна, кухарка Анаис и водитель Симран.

— Надеюсь, вы проголодались, Селани, — улыбнулась Анаис, приглашая меня устроиться с нею рядом. — Сегодня у нас рыминный пирог, запеченный шмот и атшоки по-ньеррски.

Понятия не имею, что это такое, но выглядело все очень аппетитно и пахло соответственно.

— Умираю от голода, — искренне призналась я, потому что аппетит от всего увиденного и унюханного вдруг неожиданно вернулся.

— Тогда положу вам кусочек побольше, — отрезая песочный пирог с, кажется, мясной начинкой, проговорила заботливая женщина.

Симран, как настоящий джентльмен, отодвинул для меня стул и плеснул в бокал воды. Предлагал заменить ее вином, но под цепким взглядом Жужжена я решила воздержаться от алкоголя.

Кстати, о Жужжене. Раз он все и обо всех знает, значит, сможет просветить меня по поводу выходных.

— Я хотела спросить, — кашлянула, привлекая к себе внимание.
— Как часто мне положены выходные?

— Не успели начать работать, а уже устали? — ожидали съязвил дворецкий, ковыряясь в шмоте — политой пряным соусом тощей рыбине.

— Один выходной в неделю, — подала голос Линна — симпатичная брюнетка с лицом, формой напоминавшим сердечко, и трогательными ямочками на щеках. — Это по закону. Но лучше спросите у мируара Демаре. Иногда хозяева соглашаются и на два дня.

— Мируар не согласится, — категорично отрезал дворецкий.

Чтоб ты костями подавился!

— А так как вы уезжали сегодня утром, мирэль Тонэ, то на этой неделе от выходного осталась лишь половинка, — позлорадствовал он.

И горничные, и кухарка с водителем неодобрительно посмотрели на Жужжена.

— Не обращайте на него внимания, Селани, — сказала Анаис, подкладывая мне атшок по-ньеррски — брат-близнец земного артишока. — Он ко всем новеньkim относится с предубеждением и, вообще, ворчун по жизни.

В ответ на такое заявление Жужжен действительно проворчал что-то нечленораздельное, после чего сосредоточился на своей тарелке.

На какое-то время за столом воцарилось молчание, пока его не нарушила Зои:

— Жаль, в этом году не будет такого праздника, как раньше. Девочки всегда так радовались и с таким нетерпением его ждали.

— Праздника? — переспросила я.

— Скоро ведь день рождения близняшек, — с улыбкой пояснила Анжель. — Хозяева всегда устраивали для мирэль Кристин и мирэль Аделин что-то грандиозное. Гостей приглашали море. Праздновали с

утра до позднего вечера. А сколько здесь детей было... Но теперь... — девушка грустно вздохнула.

— Раньше здесь вообще веселей было, — поддержала ее Зои. — Суаре, танцы, развлечения.

— И когда у девочек день рождения? — осторожно поинтересовалась я, гадая, знала ли Селани о столь знаменательном для близняшек событии, и знают ли остальные, что она знала...

В общем, ладно.

— Да вот уже через неделю, — ответила кухарка. — Как раз в новолунье наши девочки и станут старше. А ведь говорят, что отмечать что-то важное в новолуние — к удаче. Я буду молиться за них всю ночь и просить Небесного вернуть им их маму.

— Ну хватит! — прикрикнул на слуг Жужжен. — Разболтались тут!

А я чуть не свалилась со стула и тарелку с ньеррским артишоком не перевернула, а вот бокал с водой опрокинула. Но даже не сразу это заметила, потому что в голове билась одна-единственная мысль: новолуние! Уже совсем скоро!

Совсем скоро я смогу передать весточку Мише!

— Ой! — вскрикнула Зои, глядя на расползающееся по белоснежной скатерти пятно.

Хорошо, что это была всего лишь вода, а не вино, иначе за порчу хозяйского имущества Этиль, подражая инквизиторам средневековья, отправил бы меня гореть на костре.

— Ничего страшного. — Промокнув пятно салфеткой, Анаис посмотрела на меня. — О чем-то задумались, Селани?

— О молоке, — все еще пребывая мыслями на холме Расцвета, пробормотала я и только потом поняла, что стала центром всеобщего внимания. — Мне нужно молоко. Бидон молока.

Надеюсь, такого количества Реми на вечер будет достаточно.

— Бидон молока? — хором переспросили Анжель и Линна, пяля на меня глаза.

А мажордом тут же пошел в наступление:

— Это еще зачем?!

Можно было, конечно, рассказать про молочную ванну, но одно дело отчитываться перед Алмазным хамом и совсем другое

докладывать о каждом своем шаге его подхалиму.

— Для личных нужд. Мируар Демаре в курсе, — поднимаясь, заявила я. — Молоко мне будет нужно каждое утро и каждый вечер, так что...

— Я вычту его из вашей зарплаты, — перебил меня дворецкий, отчего у меня руки зачесались засунуть ему в глотку обглоданный рыбий скелет с его тарелки.

— Мируар Жлобен, — соскребая остатки невозмутимости, ровно начала я.

— Жужжен, — недовольно поправили меня.

— Уверены? — переспросила с сомнением, но заметив, как дернулся кадык на тощей шее дворецкого, не стала углубляться в полемику. — Вы уже вычли половину моего выходного, а теперь покушаетесь на мою зарплату? Вы, часом, не забыли, кто здесь хозяин?

— Вот с хозяином я и поговорю! — воинственно подскочил дворецкий.

— Поговорите.

Этиль умчался говорить, а я следом за Анаис спустилась в погреб, с жадностью осмотрела выставленные по-над стенкой бидоны (фидруару должно хватить) и, взяв один, поспешила обратно к лестнице, потому что внизу можно было запросто окоченеть. Заметила врезанные в стены кристаллы, приглушенно мерцавшие в полумраке. Должно быть, они и поддерживали в помещении нужную температуру, чтобы не портились продукты.

— Еще мне понадобится миска, — вернувшись на кухню, обратилась я к кухарке и добавила, отвечая на ее вопросительный взгляд: — Умываться свежим молоком очень полезно, разве вы не знали? Никаких кремов не надо. Кожа становится нежнее шелка и мягче бархата.

Заканчивавшие ужинать горничные переглянулись, а Анаис всплеснула руками.

— Да зачем же вам молоко, мирэль Селани? Вы и так редкая красавица. Поверьте, в вашем возрасте оно без надобности. Личико и так нежненькое, мягкое. Кстати, — понизила голос кухарка, — я была

на одном из ваших выступлений, и мне очень понравилось. Жаль, что вы больше не играете, — Анаис вздохнула.

— Все, что ни делается, — к лучшему, — оптимистично заключила я.

Вооружившись бидоном и миской, отправилась кормить фидруара, решив, что за девочками спущусь после того, как дам Реми молоко. Или, может, они к тому времени уже поднимутся в детскую, тем самым избавив меня от «удовольствия» лишний раз лицезреть мируарскую физиономию.

Но физиономия нашла меня сама. То есть я ее. В холле я столкнулась с близняшками, крутившимися возле отца, возле которого также крутился дворецкий. Вернее, стоял перед ним по стойке смирино и о чем-то докладывал вполголоса.

Подозреваю, жаловался на мою расточительность, ибо я собралась глушить молоко литрами.

— Девочки, пойдемте, — позвала я близняшек и ступила на лестницу, когда позади раздалось:

— Мирэль Тонэ.

Ну что на этот раз? Отправит спать в кустах?

Я нехотя развернулась. Поставила бидон на ступеньку, миску подмышку сунула и приблизилась к его фидруарству. Ну то есть мируарству.

— Вы что-то хотели, мируар Демаре? — осведомилась максимально прохладно. Впрочем, мне даже не пришлось стараться, мой голос звучал так, что никакого погреба с кристаллами не понадобится, чтобы поддерживать необходимую температуру молока, а кое-кого и вовсе подморозить.

— Хотел. — Демаре окинул меня таким взглядом, от которого в голове завертелись непрошенные предположения, чего бы такого он мог от меня хотеть.

На щеки плеснуло жаром. Жаром от нежеланных воспоминаний.

— Вы спрашивали у Этиля про выходные.

— Выходной, — кашлянул дворецкий.

Но Алмазный король даже глазом не моргнул и невозмутимо продолжил:

— У вас будет один свободный день в неделю, мирэль Тонэ, и в выходные, когда я буду не занят работой и смогу находиться с девочками, вы сможете распоряжаться своим временем.

И с чего вдруг такая щедрость?

— В остальное...

— Знаю, вы распоряжаетесь мной, — брякнула, сама не поняла, зачем. Заметив, как темные брови Демаре стремительно подбираются к волосам, спешно поправилась: — Я имела в виду, будете распоряжаться моим временем. Ну то есть девочки будут.

— Именно. О выходном дне прошу предупреждать заранее.

— О ночи тоже? — решила я окончательно внести ясность.

— Что, простите? — на меня посмотрели еще более пристально, хотя смотреть пристальней, казалось, уже невозможно. Я и так рядом с ним чувствовала себя, как в рентгеновском кабинете, застрявшей в нем на целую вечность.

Прикрылась миской, как щитом, от взгляда-рентгена и проговорила:

— Я хотела бы уйти ночью в воскресенье. Это ведь возможно?

Демаре открыл рот, собираясь ответить (у Жужжена он еще даже не закрывался), но тут подала голос Аделин:

— Папочка, мы очень устали.

— Спать хотим, — подхватила Кристин.

— А мирэль Селани обещала рассказать нам сказку.

— Мы ее весь день ждем.

— Сказку.

— Можно мы пойдем?

Демаре оторвал от меня взгляд, и я невольно вздрогнула, потому что чувство было такое, как если бы со всего тела вдруг резко отодрали гигантскую полоску с депиляционным воском. Еще сильнее прижала к груди миску, а его алмазное величество поцеловал дочерей и пожелал им спокойной ночи. Так больше и не взглянув в мою сторону, отправился к себе в кабинет или хмаръ его знает куда. Жужжен, недобро зыркнув на нас своими стрекозиными глазами, умчался в направлении кухни. Мы же с девочками поднялись на второй этаж, с бидоном и миской.

«Вот про что я не подумала, так это про лоток!» — запоздало осенило меня. Интересно, как часто фидруары справляют нужду и в каких количествах? Наверное, следовало взять две емкости, если, конечно, еще не поздно и...

Дверь в спальню оказалась приоткрытой.

— Мирэль Селани! — в один голос взволнованно воскликнули близняшки.

Первыми вбежали в комнату, я за ними. Глянули под кроватью, за креслом и возле остальной мебели. Фидруара нигде видно не было.

— Мы его потеряли! — прижала руки к раскрасневшимся щекам Аделин.

Потерять бездомного фидруара в доме Алмазного короля — это к беде. Или к ББИ, в которую я снова могу превратиться, если Демаре первым обнаружит моего сына.

— Девочки, нам надо разделиться, — сказала я, подавив желание выдрать на голове все волосы.

Благо, волосы не мои, но больно-то будет все равно мне.

— Что значит — разделиться?

— Зачем?

Как всегда, хором.

— Вы пойдете искать Реми в районе детской, а я обегу весь оставшийся второй этаж.

Пока его не обежал Жужжен. И будем надеяться, что фидруар далеко не ушел. Судя по тому, что снизу никто не орет, его еще не обнаружили, а значит... Значит, у меня есть шанс. И у звереныша тоже.

— Разумеется, — серьезно кивнула Аделин.

В кои-то веки определила сестру, и судя по всему, Кристин это не понравилось. Впрочем, сейчас мне было не до капризов второй близняшки.

— Только пожалуйста, далеко от детской не отходите! Если найдете его первыми, сразу зовите меня. А если найду я, спрячу его и прибегу к вам. Договорились?

Девочки кивнули и отправились исследовать собственную комнату, я же метнулась в другую сторону. Куда могло запропаститься

это чудище?! И ведь реально чудище, даром что мелкое, напугал меня до икоты... второй раз за день.

Я шла мимо закрытых дверей, не останавливаясь: чудище, конечно, чудище, но еще слишком маленькое, чтобы самостоятельно открыть дверь, а после ее закрыть. Заглядывала во все темные углы и подо все диванчики, но тщетно. Волосы на голове уже начинали шевелиться в попытке встать дыбом, когда я увидела приоткрытую дверь. Приоткрытую самую малость, но...

Чтоб тебя, малолетнее недозверье!

Приоткрыв ее чуть больше, осторожно заглянула внутрь и наткнулась взглядом на шляпу Демаре. Прежде чем до меня дошло, что это — комната его алмазного величества, я осознала, что над шляпой сидит фидруар. И нет бы с исследовательским интересом. Судя по всему, он собирался использовать ее как лоток.

— Нет! — тоненько пискнула я.

Поздно.

Возвращая меня к туалетной тематике и мгновению грандиозного выхода в другой мир под журчание бачка, шляпа перестала быть пригодной для использования по назначению.

Мать моя женщина, роди меня обратно.

То есть верни в мой мир, пока я не поседела в свои семнадцать. Или сколько там каждый год отмечает Селани.

— Реми!

С абсолютно дикими глазами фидруар метнулся в сторону, а я заnim. Топотал этот мелкий засс... в общем, нехорошее животное, как стадо слоников. Заметив, что он собирается прыгать с кровати прямо на комод, прыгнула и я. Прыгнула, как бейсболист, за которого болеет вся Америка, и фидруар прилетел вместо комода прямо мне в грудь. Проскакав вместе с ним до окна и чудом удержавшись на ногах (на шпильках Селани точно не удержалась бы), я облегченно вздохнула и направилась к двери. Все, теперь остается только добраться до спальни и... И шляпу тоже хорошо бы спрятать.

Прижимая Реми, порывающегося вывернуться из моих рук, но к счастью, пока не применяющего когти, я вернулась за головным убором его величества. Честно, меня так и подмывало оставить ее здесь. Не просто оставить — положить на самое видное место, еще и

понаблюдать завтра из-за угла, как он ее наденет. Но во-первых, шляпа воняла так, что у меня заслезились глаза (куда там нашим кошкам до таких ароматов), а во-вторых, это могло существенно осложнить мне жизнь.

В результате я покрепче прижала звереныша к груди одной рукой, другой подняла шляпу, стараясь держать ее как можно дальше от себя. Второй раз развернувшись к двери, направилась было в коридор, когда услышала снаружи шаги.

И не только шаги, но и свист: его алмазное величество возвращалось в свои покои.

Судя по тому, какой мотивчик насвистывал Демаре, он пребывал в хорошем расположении духа.

У меня же в голове заиграл знаменитый траурный марш, под который меня (в аккомпанемент с ехидной ухмылкой Жужжена) выставляют из дома Демаре вместе с обос... испорченной шляпой и сыночком.

Наверное, в этот момент в мозгу что-то перемкнуло, потому что я швырнула шляпу на пол, пинком ноги отправляя ее под кровать, а потом рухнула вниз и в лучших традициях морского пехотинца в зоне боевых действий по-пластунски поползла следом, прикрывая собой новорожденного, то есть новоприобретенного малыша. В миг, когда дверь с широкой руки Демаре распахнулась, я вползла под кровать, прижимая фидруара к бешено колотящемуся сердцу.

Хлопнула дверь.

Фидруар открыл пасть:

— Р...

Никогда не думала, что руки среднестатистической маленькой женщины могут сработать, как намордник. Клац! И челюсти фидруара сомкнулись моими пальцами. Он посмотрел на меня совершенно дикими глазами. Подозреваю, что такими же, какими и я на него.

Ноги Демаре подошли ближе. То есть ближе подошли не только ноги, разумеется, но я видела только их. Лакированные ботинки, модные носочки и чуть укороченные брюки а-ля начало двадцатого века в нашем мире.

Продолжая насвистывать, он сел на кровать, и она прогнулась под его весом.

Кровать, кстати, у него что надо. Я бы сказала, ого-го-го кровать!
Королевская!

Всем кроватям кровать!

Стоп, Ира, о чём ты вообще думаешь?

А о чём мне, спрашивается, думать, когда с одной стороны у меня в руках фидруар, а с другой — вонючая шляпа. С третьей, к слову сказать, этот злоберман, который порвет меня на десяток маленьких Ирочек, если найдет под кроватью в такой компании.

Или Селочек? Селаничек?

Понимая, что как никогда близка к панике, глубоко, но очень тихо вздохнула.

Вот так.

Дыши, Ира, дыши.

Он же должен пойти принимать душ или в туалет, или...

Судя по звукам, алмазное величество раздевалось: зашуршал пиджак, что-то щелкнуло, а потом свист оборвался.

— Да что за вонь, хмаря меня поглоти?

Кровать резко спружинила наверх.

Мама!

— Папа-а-а!

Детский крик был такой, что я сама чуть не рванула из-под кровати, но раньше меня рванул Демаре. Вылетел из комнаты, чудом не сорвав дверь с петель, и я тут же вылезла следом.

Совершенно дикие глаза вбежавшей в комнату Аделин подсказали, что надо торопиться. Сунула малыша ей в руки, вытащила вонючую шляпу, и молнией метнулась за дверь. Девочка утащила меня за угол и, когда я перехватила звереныша, накрыла его пледом и приложила палец к губам:

— Тс-с-с! Сейчас пойдем.

Мы и правда пошли, спустя пару минут. Скрывая под пледом шляпу-вонючку и недовольного таким положением дел фидруара.

Очень кстати, потому что вскоре из-за поворота вывернуло его демаречество и Кристин.

— Кристин сказала, что вы играли в прятки, — сухо произнес он.

— Потрудитесь в следующий раз не уходить так далеко, чтобы моя дочь не испугалась.

— Потружусь, — покладисто отозвалась я.

Готовый к моему недовольству Демаре удивленно вскинул бровь:

— Что это у вас за кулек?

— Это мой сын.

Увидев, как изменилось лицо алмазного короля, поспешила добавить:

— Приемный. Мне его подбросили. Сейчас мы несем его домой, чтобы накормить.

А я, кажется, несу какую-то чушь.

Точнее, я несу вовсе не чушь, и вот это уже проблема.

— Это игра, па-ап! — дернула его за руку Кристин.

— Странные у вас игры, мирэль Тонэ, — меня снова просканировали взглядом.

— А нам нравится, — заявила Аделин и, не дожидаясь ответа, вприпрыжку побежала по коридору.

Я последовала за ней.

То, что вприпрыжку, поняла уже, когда к нам присоединилась хихикающая Кристин. Перехватив совершенно обалдевший взгляд Алмазного короля, аккомпанировала которому отвисшая челюсть, я хмыкнула и зашагала степенно, как и положено няне.

То есть взрослой женщине.

Судя по тому, что за нами не пошли, обходной маневр сработал. По дороге нам никто не попался, но дух я перевела только когда оказалась в своей комнате и посадила фидруара на кресло. Он обиженно зыркнул на меня огромными глазищами и попытался сползти, но я вернула его на место. После чего повернулась к девочкам.

— Как вы меня нашли?

— Вы надолго пропали, — сказала Аделин, — а я вспомнила, что когда мы спускались на ужин, единственная дверь, которая была приоткрыта — в папину комнату...

Почему об этом не вспомнила я, спрашивается?

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, наклонилась к близняшкам и порывисто их обняла:

— Спасибо!

Девочки замерли, и я смущенно отступила.

— Спасибо за то, что не бросили.

— Ну... вы же тоже нас не выдали, мирэль Тонэ. — Аделин улыбнулась. — Когда мы подсунули вам мороженое.

Что касается Кристин, она сложила руки на груди:

— Закончили сюсюкаться?

Мы с Аделин переглянулись и обменялись улыбками. Потом вместе покормили фидруара, а когда он заснул (крепко-крепко, как все дети), пошли в детскую. Сказка сегодня не пригодилась: утомленные приключением, девочки отбыли в страну Морфея сразу, как только головки коснулись подушек.

Поправляя близняшкам одеяла, я вдруг задумалась о том, что буду по ним скучать.

Михаил Соколов

— Мих, ты меня, конечно, прости, но по-моему, тебе надо в отпуск. — Андрей пригубил Курвуазье и отставил бокал с коньяком в сторону.

— Не уверен.

— А я уверен. Ты на себя посмотри. То по работе мотаешься, то у своей Иры торчишь, хотя...

Под взглядом Михаила Андрей поднял руки.

— Слушай, я все понимаю. Правда. Но от того, что ты сидишь рядом с ней, легче никому не становится. Твоя бывшая, конечно, всегда была с прибахахом, но если честно, это уже за гранью. — Андрей развел руками.

Разговор с Лилей ничего не прояснил, только еще больше все запутал. Сначала она отрицала, что имеет отношение к тому, что случилось с Ирой, а когда Михаил пригрозил поднажать и прикрыть салон красоты, который, к слову сказать, сам ей и подарил, выяснилось, что... Ира попала в другой мир.

Сначала Лиля клялась ему в любви, потом лепетала что-то про древний ритуал, который цыгане из поколения в поколения использовали, чтобы убирать мешающих им людей. Но поскольку у цыган пролитая кровь всегда считалась серьезным преступлением, проклятием, падающим на все поколения рода, убирали они их в другие миры. Буквально. А судя по тому, что бормотала Лиля, она

что-то напутала с заклятием, поэтому тело Иры осталось здесь, а душа ушла.

Точнее, то, что принято считать душой.

Разумеется, Михаил во все это не поверил, но Лиля дошла до истерики и клялась, что говорит правду. В итоге он плонул и уехал, потому что связываться с девицей, у которой не все в порядке с головой — себе дороже. Скорее всего, она что-то Ире сказала, та развелновалась, и... все случилось как случилось. Может, угрожала, может, пыталась запугать.

Слабой здоровьем Иру назвать было нельзя, но она всегда была удивительно хрупкой. Мягкой и нежной. Таких женщин хочется защищать и носить на руках. И он носил, всего несколько дней назад, в этой самой гостиной: в его новой квартире они сидели вдвоем. Ира — подогнув под себя ноги, уютно прижимаясь к нему, а он смотрел на нее и мог думать только о дне, когда назовет ее своей.

Своей женой.

И еще самую малость о кружеве бюстье, просвечивающем через блузку.

— Эй! Миш! — Андрей потянулся к нему и пощелкал пальцами перед носом. — Так что насчет отпуска? Я в ближайшие пару дней контракт закрываю, и у меня будет передышка. Не хочешь на неделю махнуть в Доминикану?

Михаил поморщился.

— Только не в Доминикану.

— Не хочешь в Доминикану, давай на Кубу. В Мексику. Возьмем пять звезд и оторвемся по полной.

Михаилу не хотелось никуда. Потому что нигде, даже на другом континенте, Иру он не найдет. Она по-прежнему будет здесь, в палате, совсем одна. И что, если она вдруг придет в себя, а его не будет рядом?

— Не хочу, — покачал головой.

И все-таки пригубил коньяк. Неплохой, в общем-то, Курвуазье, сейчас показался горькой отравой, и он вернул бокал на журнальный столик. Ира вообще не любила спиртное, разве что однажды ей понравилось французское полусладкое вино. Этую бутылку он открыл

перед их первой романтической ночью, бутылку, привезенную из Франции, которую покупал для особого случая.

Что ж, случай был более чем особый.

Когда Ира очнется, а она непременно очнется, он отведет ее в самый лучший ресторан. Не захочет в ресторан — устроит романтический ужин здесь, или на крыше новостройки в новом жилом комплексе, который только недавно завершил. Потом привезет к себе и будет целовать так, что она забудет обо всем, и уже больше никогда, никогда от себя не отпустит.

Никаких больше: «До свадьбы буду жить у себя».

Только с ним.

— Мих, — Андрей решил сменить тактику. Взъерошил густые темные волосы и продолжил: — Подумай сам, было бы ей приятно, узнай она, что ты заживо себя хоронишь? Что сидишь безвылазно у нее, а жизнь мимо проходит. Ирка тебя любила, я это точно знаю...

— Любит, — резко произнес Михаил.

— Любит, — миролюбиво поправился друг. — Но ты же сам понимаешь, что она бы вряд ли обрадовалась, если бы увидела тебя таким. Ты здесь с ума просто сходишь. К этой чокнутой Лиле даже поперся... Уж на что красивая девка, но меня от нее воротило, сам понять не могу, почему. Не проще ли махнуть куда-нибудь на недельку расслабиться, а потом вернуться?

— А если она в это время придет в себя? — Михаил хмыкнул и пристально посмотрел на друга. — Если придет в себя, а меня нет?

Андрей глубоко вздохнул.

Дружили они с детства, с тех пор, как впервые подрались из-за снеговика в детском саду, и другу Михаил доверял как себе, но дела это не меняло.

— Нет, Андрюх, — он решительно покачал головой. — Никуда я не поеду, а ты действительно поезжай и развейся. Перед новым рывком...

— Вот именно! Перед новым рывком. Сам знаешь, что у нас начнется после новогодних праздников. И даже представляю себе, как является такая тень отца Гамлета на деловую встречу и говорит: «Здрасте, уважаемые господа, я тут половину не помню, зачем мы

все здесь собирались, но кажется, хотел сделать вам деловое предложение. Сча только папочку откопаю».

Михаил фыркнул.

— Я когда-нибудь тебя подводил?

— Ты себя главное не подведи, — беззлобно огрызнулся Андрей.

— Давай так. Не Мексика и не Куба. Дубай. Лететь туда в разы меньше, рейсы регулярные, жары сейчас нет. Ира приходит в себя, тебе звонят, и через пять часов ты на месте. Идет?

Михаил покачал головой.

— Мих, я серьезно. Отдыхать надо, ты реально сам на себя не похож. Думаешь, Боровицкий этого не видит? А Стрельников? Знаешь, какие слухи пошли?

Боровицкий и Стрельников управляли конкурирующими строительными компаниями и уже не раз и не два пытались выдавить их с рынка.

— Что ты теряешь хватку. Из-за бабы раскис. — Андрей снова вскинул руки. — Не мои слова, но мир такой. Жизнь такая. Слабости в ней нельзя выставлять напоказ, да что я тебя учу. Сам ученый.

Михаил потянулся за бокалом и сделал большой глоток. Коньяк снова обжег горло, и он сделал второй. Третий, четвертый, пятый.

По-хорошему, Андрей прав, он это прекрасно понимал. Понимал, что такая фигура, как он, без внимания в любом случае не останется, а привлекать внимание к себе — значит, привлекать лишнее внимание к Ире.

Коньяка оставалось на дне, но пить больше не хотелось.

Тем более что решение он уже принял.

— Ладно, — сказал, сдаваясь. — Дубай. На пять дней.

— Свершилось чудо, чудо свершилось, — философски изрек Андрей. — Договорились, завтра Лариса закажет билеты.

Михаил кивнул.

В конце концов, за пять дней ничего не случится, и от того, что он будет в Дубае, ничего не изменится. Если Ира придет в себя и ему позвонят, примчится первым рейсом, а пока... Андрей прав: ему нужна передышка.

Нужно хорошо отдохнуть.

Глава 10

Дело о шляпе

Ира Илларионова

— Еще бидон молока, пожалуйста. И шляпу. Мне нужна свежая шляпа для моего фидруара. Я возьму ее у мируара...

Из сна, в котором добывала своему питомцу новый лоток и еду, я вынырнула внезапно, так и не поняв, что меня разбудило. Кажется, на другом конце коридора слишком громко хлопнули дверью. Или это у меня уже что-то в голове хлопает, как форточка на сквозняке. Судя по всему, сквозило все-таки под черепной коробкой, потому что в коридоре стояла тишина, а в спальне... не стояло никого и ничего. Не сидело и не лежало, впрочем, тоже.

Да это же издевательство форменное!

Я заметалась по комнате. Фидруарчик, миленький, ну куда тебя опять понесло?!

Хорошо помню, как закрыла дверь, сразу после того как избавилась от вещдока — обос... непригодного, в общем, к ношению головного убора.

Реми к тому времени уже дрых без задних лап, перевернувшись на спину и задрав эти самые лапы кверху. И вот он снова исчез. А мне совсем не улыбается возвращаться в спальню к алмазному, а потом вычищать и закапывать в кашпо с фикусом (вернее, с его иномирским собратом) еще одну улику. Пусть во сне я и потащилась к Демаре за новой шляпой, но то был сон, а наяву я к нему больше ни ногой...

Ой!

Дверь медленно приоткрылась. Я бы даже сказала, с характерным зловещим скрипом. Сама собой, потому что я, стоя у кровати, к ней при всем желании не дотянулась бы.

— Мяу, — заявила дверь или пространство возле нее.

И пока я раздумывала над тем, куда лучше отправиться: в психиатрическую клинику или сразу в МОРГ (мало ли, вдруг тело Селани отторгает иномирскую душу и глюки — первый признак этого самого отторжения), в спальню вошли близняшки.

— Мы выгуляли Реми, — отчиталась Кристин, касаясь колечка на указательном пальце.

Прямо у меня на глазах, словно из ниоткуда, появился фидруар. Широко зевнул, обнажая острые клычки, и, урча, как самая настоящая кошка, потерся о мои ноги.

— Вы его забрали? — Я строго посмотрела на близняшек.

Девочки кивнули.

— Мы рано проснулись...

— И решили погулять с ним по саду.

— А вы так крепко спали...

— Про шляпу и молоко что-то бормотали...

— Вот мы и взяли Реми на чуть-чуть.

— Сделали его невидимым, чтобы никто ничего не увидел.

— Мы же обещали, что будем помогать, мирэль Селани, — радостно завершила дуэтное выступление Аделин.

Я присела перед малышками на корточки.

— Девочки, и часто вы используете магию?

Близняшки переглянулись.

— Иногда, — несмело проронила Аделин.

— Папа нам разрешает! — уперла руки в бока Кристин.

— Не думаю, что ему понравилось бы, узнай он, что вы пользуетесь магией, чтобы делать невидимыми фидруаров.

— Но вы ему ведь не скажете? — Аделин даже дыхание затаила от волнения.

— Если пообещаете, что не будете прибегать к чарам без особой надобности.

А сама сделала пометку в памяти: осторожно расспросить Демаре о том, что это у них за колечки такие и в каких случаях им позволено ими пользоваться. Чтобы в будущем избежать подобных сюрпризов.

— Вот еще! — снова надулась Кристин.

— Ну тогда мне ничего не остается, кроме как поговорить с вашим отцом. — Я со вздохом поднялась. — И, наверное, будет правильней рассказать ему о фидруаре...

— Мы обещаем! — выпалила Аделин.

Дернула сестру за руку, и та неохотно буркнула:

— Обещаем.

Накормив Реми остатками молока, мы перебрались в детскую. Первым делом нужно будет узнать у Жужжена, когда мне сегодня поставят замок, чтобы успеть к тому времени спрятать этого обжору, который расправился с молоком за одну несчастную минуту и провожал меня такими голодными глазами, как будто не ел с самого рождения.

«Мне нужны бидон молока и шляпа… Тьфу! Лоток нужен», — причесывая девочек, размышляла я.

И, словно откликаясь на мои мысли, из коридора послышалось раздраженно-нетерпеливое:

— Этиль! Где моя шляпа?!

— О-оу, — протянула Кристин.

А Аделин, которая уже была готова к завтраку, выбежала из спальни.

— Что-то потерял, папочка? — зазвучал тоненький невинный голосок.

— Шляпу, которую надевал вчера. Нигде не могу ее найти.

И сдалась ему именно эта шляпа. Можно подумать, она у него единственная и неповторимая.

Кристин нетерпеливо поерзала на сиденье. С трудом дождалась, пока соберу ей волосы в хвостики, и выскочила за сестрой.

— Вы вчера в моей комнате не играли?

— Не играли, — хором ответили близняшки.

— А где ваша няня?

Я как раз через не хочу выходила из детской и, растерявшись под пулей вонзившимся в меня взглядом, выдала:

— Няня тоже не играла. В смысле я хотела сказать, что понятия не имею, куда подевалась ваша шляпа.

В отличие от близняшек, мне казалось, что вру я отвратительно. Но вроде прокатило. По крайней мере, развивать тему о самоисчезающих головных уборах его величество не стал, сразу переключился на другую:

— Завтра в первой половине дня я буду свободен и хотел бы провести пару часов с девочками. Вы тем временем можете заняться своими делами, мирэль Тонэ, — облагодетельствовал меня огрызком выходного мируар Демаре.

— Но это не отменяет того выходного, о котором мы вчера с вами договаривались? — на всякий случай уточнила я.

Алмазный деспот смерил меня таким взглядом, как если бы собирался сию же секунду создать лассо и вздернуть меня с помощью него на ближайшей люстре. Я даже пожалела, что зарыла шляпу в фикусе, а не натянула ее ночью со всем содержимым на этого... с портфельчиком и в туфлях, начищенных до такой степени, что в них можно было запросто разглядеть свое отражение.

— До следующего воскресенья еще надо дожить, мирэль Тонэ.

И это называется ответ?

— Я ухожу. Сегодня позавтракаете с девочками в столовой, — удостоил меня еще одной королевской милости алмазный сноб.

Вечером отнесу Реми в кабинет. Пусть пометит портфель.

— Если вам так будет угодно, — не удержалась я от иронии.

Которую Демаре предпочел не заметить.

— Девочки, будьте умницами и между играми не забывайте о занятиях, — отдал последние распоряжения и сосредоточился на показавшемся в тот момент на вершине лестницы дворецком.

Разговор снова зашел о шляпе, и я, взяв малышек за руки, повела их в столовую. От греха подальше.

Завтрак прошел в спокойной обстановке: без вездесущего дворецкого, без тираногангстера, в присутствии которого мой желудок уменьшался до размеров кешью и в него принципиально ничего не помещалось, без подложенного под попу мороженого.

Замечательно, в общем.

Я наслаждалась едой и обществом девочек. Пусть одна из них и продолжала хмуриться, зато другая не скучилась на улыбки, от которых мне самой хотелось улыбаться, хоть в груди при этом что-то неприятно сжалось. Особенно, когда вспоминала, что надолго здесь не останусь.

Что бы там ни говорила гадалка, не останусь и все тут!

На Земле меня ждут другие ребята, по которым я безумно скучаю. А этих малышек я почти не знаю и вообще не должна к ним привязываться.

Поняла, Ира?

— Мирэль Селани, почему вы такая грустная?

Я подняла на Аделин взгляд.

— Просто задумалась, — улыбнулась. Судя по тому, что столовые приборы поклонились на тарелках, а поверх них лежали расшитые золотом салфетки (вот стопудово золотом, странно что без россыпей драгоценных каменьев), девочки уже поели и теперь смиренно ждали, когда я закончу ковыряться вилкой в своей глазунье.

Отодвинув от себя тарелку, сказала:

— Поднимайтесь наверх, а я за молоком.

О чем-то вполголоса переговариваясь, близняшки направились в холл, а я на кухню и в погреб.

«Еще бы поймать где-нибудь Жужжена и узнать про замок», — размышляла на обратной дороге.

Вспомнила на свою голову. Не успела добраться до лестницы, как телефон в холле запрыгал на круглом столике, разоряясь громкой трелью, и возле него мгновенно материализовался дворецкий. Как будто знал, что позвонят, и караулил за углом.

— Дом мируара Демаре. Слушаю, — церемонно ответствовал мужчина. После чего выразительно на меня покосился, кашлянул, отводя от лица трубку, и, обращаясь ко мне, объявил: — Это вас, мирэль Тонэ.

Интересно, кто?

Словно отвечая на мой невысказанный вопрос, дворецкий, мрачнея на глазах, добавил:

— Мируар Шерро.

Надо же! Не прошло и полгода.

Позабыв и о молоке, и о замке, я поспешила к прадедушке современного телефона.

— Позволите? — плавным движением бедра оттеснила этого любителя постоять над душой, покапать на мозги и потрепать нервы. Буквально вырвала у него из рук трубку и, подождав, когда господин Плиссированный Воротничок, особо не торопясь, скроется в районе гостиной, проговорила:

— Алло.

— Нам нужно встретиться, — не размениваясь на приветствия, заявила Шертонэ.

Почти как любимое Светкино вино. Светка... Еще один повод вернуться на Землю. Уже не говоря о моих родных и любимом мужчине. Так что да, нам с Селани-Десмондом встретиться просто необходимо.

— Я только за.

— Когда? — нетерпеливо поинтересовались на том конце магпровода.

— Эм-м... У меня завтра утром будет пара свободных часов, — вспомнила я о щедро презентованном мне с барского плеча микровыходном.

— Вот и отлично! Не хочу, чтобы Демаре снова видел нас вместе и мешал, — голос Десмонда при этом звучал как-то уж больно интимно, словно меня приглашали на романтическое свидание, а не на деловую встречу, предметом обсуждения которой станет одна залетная душа, которую нужно в срочном порядке вернуть в родное тело. — Увидимся в десять. «У Лолы».

Не успела я спросить, кто такая Лола и где она находится, как в трубке что-то щелкнуло, и магсвязь прервалась. Ладно, узнаю у горничных. Кто-нибудь обязательно подскажет, что это за место такое.

После того, как Реми во второй раз позавтракал и удобрил многострадальный фикус... Я не успела поймать фидруара, это чудовище выскочило из комнаты, когда в нее входила Кристин, с молниеносной скоростью пронеслось по коридору, запрыгнуло в кашпо и, не теряя времени, принялосьправлять свою нужду. К счастью, маленькую, а не как вчера. Так вот, после всех поедательно-опорожнительных процедур мы с девочками заперлись в детской с фидруаром и учебником по арифметике. Замок, Жужжен сказал, врежут вечером, но оставлять Реми одного я все равно побоялась.

И пока фидруар беззаботно дрых в кресле, девочки, склонившись над тетрадками, решали простейшие примеры. Складывали рубины с алмазами, вычитали золотые слитки (да-да, именно они были запечатлены на страницах книги), а я тем временем размышляла о том, чем нам заняться после обеда. Слепить из пластилина его мируарство? Непременно с рогами, хвостом вместо лассо и вилами вместо портфеля. А может, попросить Симрана отвезти нас на пляж?

Погода ведь стоит чудесная. За те несколько дней, что я здесь, девочки ни разу не высовывали носа за ворота. А ведь детям нужно гулять и не только в саду, даже если этот сад похож на ботанический.

— Кристин, не заглядывай в тетрадь сестры. Списывать нехорошо, — заметив, что одна девочка старательно тянет шею, а другая не менее старательно закрываеться, сделала я замечание.

Кристин недовольно фыркнула и отвернулась. А я подошла к столу. Пробежавшись по ее тетрадке взгядом, указала на ошибку:

— Вот здесь ты неправильно сложила, поэтому твой ответ не совпадает с тем, что в учебнике. Пересчитай. Сколько в корзине камней?

Девочка поджала губы, а потом вдруг выпалила:

— Я не буду вас больше слушать! Вы глупая! А еще пустышка! Мама вас так называла. А мама никогда не ошибалась! И я тоже все делаю правильно!

Помню, проходили. Я глупая. А кое-кто невоспитанный. Как и ее мама.

Я никогда не наказываю детей. Ну, почти никогда. Однако есть границы, переступать через которые нельзя. И если вовремя не показать детям эти самые границы, в будущем будут проблемы.

— Я сегодня же поговорю с мируаром Демаре о твоем поведении. А пока его нет... Анаис обещала испечь к полднику иртовый пирог (надеюсь, правильно произнесла незнакомое слово, кухарка сказала, девочки его обожают — пирог, а не слово)... Так вот, для тебя сегодня никакого десерта.

— Вот еще! — подскочив, топнула ногой свою равную близняшку.

— Вы мне никто, и я буду есть все, что захочу!

— Я тебе не никто, Кристин, я — твоя воспитательница, — добавив в голос металлических ноток, произнесла строго. — И тебе придется меня слушаться и со мной считаться, равно как и проявлять уважение к старшим. А пока не научишься, будешь обходиться без сладкого. Садись на место и решай пример заново!

Скрестив на груди руки, алмазная наследница негодующе посопела, но потом все же опустилась на стульчик, подтянула к себе тетрадку и дулась на меня до самого обеда. За обедом, который прошел уже не так замечательно, продолжила заниматься тем же

самым. Из-за ссоры с Кристин мне кусок в горло не лез, Аделин больше не улыбалась. Понуро опустив взгляд, медленно ела суп.

Хорошо хоть не пришлось изощряться, чтобы уложить их днем спать. Девочки заснули моментально, и я, подхватив Реми, отправилась к себе. Перед обедом заскочила в библиотеку, взяла книгу, что в прошлый раз привлекла мое внимание: «Пространственные аномалии Ньеरры». Вот сейчас про них и почитаю.

Фидруар, урча, устроился у меня на коленях, по-видимому, решив почитать со мною вместе. Я открыла книгу, пробежалась взглядом по вступлению. Собиралась уже перейти к первой главе, когда почувствовала, как глаза начинают слипаться. Веки стали тяжелыми, как будто к ресницам подвесили гирьки. Килограммовые, никак не меньше. Несколько секунд я боролась с самой собой, а потом, бесславно проиграв, провалилась в сон.

Очнулась внезапно, разбуженная оглушительным кошачьим (вернее, фидруаровым) воем. Он доносился... точно не из моей комнаты. Откуда-то снизу, с первого этажа...

Вашу хмаръ!

Реми снова утробно завыл, и тут же, как будто ему аккомпанируя, по дому штурмовой волной прокатилось яростно-грозное:

— Мирэль Тонэ!!!

Вниз я мчалась с такой скоростью, что мне мог позавидовать олимпийский спринтер. Путаясь в ногах, цепляясь ими за ступеньки и очень прочно цепляясь за лестницу, чтобы не скатиться по ней кубарем. Туфли остались в комнате, надевать их не было времени. Но то, что времени действительно нет, я осознала, только когда вылетела в холл. Фидруар орал, потому что его алмазное величество держало звереныша за шкирку на вытянутой руке, как улику.

— Что это?! — прорычал Демаре.

— Не что! — огрызнулась я, лишившись остатков страха при виде выпущенных глаз зверя. — А кто! Отдайте!

— Назад, мирэль Тонэ, — прирыкнули на меня, после чего вручили фидруара ухмыляющемуся Жлобену. Тот взял его с таким видом, будто ему в руки сунули бомбу с часовым механизмом. —

Теперь я понимаю, зачем вам нужен был замок. Чтобы держать у себя в комнате непроверенное животное!

Сами вы непроверенное животное! Того и гляди пена изо рта пойдет.

Я шагнула было к дворецкому, но Демаре двинулся мне наперерез.

— Вы понимаете, что притащили в дом зверя, который мог навредить девочкам?!

Фидруар снова заорал, после чего изловчился и тяпнул Жужжена за палец. Дворецкий заорал в разы громче, и в эту самую минуту с лестницы скатились Кристин и Аделин. Последняя ахнула и прижала ладошки к лицу. Особенно когда Злочлен разжал руки, и фидруар с цокотом когтей по покрытию поскакал в сторону ближайшего коридора. Далеко не ускакал: лассо на него накинули профессионально, поперек туловища, после чего подтащили назад и снова подняли за шкирку.

— Я никогда бы не навредила девочкам, — тихо сказала я, понимая, что внутри меня, точнее, внутри Селани сейчас бегает маленькая Иришка и орет, как полминуты назад орал Жужжен, тыча в меня окровавленным пальцем, словно вещественным доказательством моей безответственности. — И никогда не позволила бы малышу причинить им вред.

— Вы, мирэль Тонэ, много знаете о фидруарах? — Демаре шагнул ко мне вплотную, взметнув руку со зверем в сторону дворецкого, отчего тот шарахнулся и едва не снес вешалку.

— Это дикий зверь, который, когда повзрослеет, превратится вдишую неуправляемую тварь... — он перевел взгляд на дочерей и поправился. — В монстра, способного разорвать человека на части. Кристин, Аделин, немедленно идите к себе!

Фидруар в эту минуту сложил лапки и повис тряпочкой, понимая, что повторный побег ему не светит.

— При всем уважении, мируар Демаре, монстрами звери становятся от такого обращения! — возразила я, стараясь не повышать голос. Пока что мне это не удавалось. — И если его правильно воспитать...

— Никто его воспитывать не будет, — нависая надо мной, подвел итог драгоценный недомонарх. — Потому что он сегодня же

отправится в службу надзора за магическими животными!

— Папочка! — ахнула Аделин.

— Девочки, — вот теперь в голосе Демаре звучал металл или алмазные стержни (чтоб один из них врезался ему в зад!). — К себе. Живо, и никуда не выходите, пока не поднимется ваша няня. А вы, мирэль Тонэ, следуйте за мной.

Краем глаза я уловила злорадную ухмылку Жужжена и вдруг поняла, кого он мне напоминает. Портые отеля, где остановился Кевин из «Один дома-2», рожа один-в-один!

Следуя за его алмазным величеством, я почувствовала на себе чай-то взгляд и обернулась. Девочки прилипли к перилам на втором этаже, но если в расширенных глазах Аделин я прочла недоверие и отчаяние, то лицо ее сестры сейчас очень напоминало лицо отца. Снисходительная насмешка и превосходство.

То, что этот взгляд был адресован мне, я поняла уже когда мы свернули за угол и направились к кабинету. В который передо мной открыли дверь невежливым пинком ноги, а потом швырнули звереныша на ковер. Тот мгновенно вскочил и ощерился, но Демаре едва коснулся кольца, и фидруар плюхнулся прямо посредине комнаты и заснул.

Заснул...

Кольцо.

Все эти мысли проносились в моем сознании, пока я шла к знакомому трижды неладному креслу.

В голове не укладывается, но... Но взгляд Кристин и совершенное отсутствие удивления, когда они с сестрой спустились, говорили сами за себя. Да и с чего бы мне засыпать после обеда? Я никогда сонливостью не страдала, тем более что прошлой ночью (в отличие от всех предыдущих) неплохо выспалась. А тут меня просто вырубило, как по щелчку.

Или из-за магии кольца.

— Я жду, — потребовало его мируарство, опускаясь в кресло.

— Чего? — устало спросила я.

— Объяснений.

— Я нашла его в библиотеке. Он был совсем крохотным и хотел есть...

— Почему не известили меня?

— Потому что вы бы сразу же выкинули его из дома! — воскликнула я.

Демаре прищурился.

— Ваше попустительство, мирэль Тонэ, непрофессионально и ставит под угрозу безопасность моих дочерей.

— Вашим дочерям ничто не угрожает, — парировала я. — Кроме них самих!

— Потрудитесь объясниться, мирэль Тонэ. — Вот теперь взгляд Демаре стал еще тяжелее, а я прикусила язык. То, что Кристин себя так ведет, еще не повод отвечать ей тем же.

Тишину нарушало лишь тиканье часов и мирное посапывание фидруара.

Какой же он монстр? Такой же малыш, которому нужна забота...

— Что ж, коль скоро у вас нет объяснения, я оштрафую вас на половину заработной платы, за вашу халатность. Если что-то подобное повторится, вы будете рассчитаны в тот же день. Это понятно?

Каждое слово ложилось на плечи грузом, вдавливающим меня в кресло. Но куда больше давил поступок Кристин: я понимала, что она еще совсем ребенок, кому как не мне знать, что дети порой бывают жестоки, но иногда даже детский поступок не назовешь иначе, чем предательство. Так я себя чувствовала в тот момент, упорно этому сопротивляясь, запихивая глупые эмоции профессионализмом куда поглубже, но они все равно из меня лезли, собираясь дурацким пощипыванием в глазах. В детском саду бывало всякое, но мне все-таки удалось создать очень дружную группу, где малыши были друг другу поддержкой, и все их проказы сводились к невинным шалостям.

Но как говорится, дурной поступок любого ребенка — ошибка воспитателя.

Поэтому я не поднимала глаз со своих сведенных коленок.

Поэтому я не стала возражать, и просто ответила:

— Понятно.

— Вот и чудесно, — отозвался Демаре. — Вы свободны, мирэль Тонэ.

— Что вы собираетесь с ним делать? — Я все-таки вскинула на него взгляд.

— Я уже говорил, — раздраженно проронило его алмазное величество.

— Пожалуйста, позвольте его оставить, — прошептала, чувствуя, как горло сдавливает невидимая рука. — Я буду закрывать его на замок, и девочки больше к нему не подойдут. Если...

— Никаких если, — прорычал этот деспот. — Вы тратите мое время, поэтому немедленно покиньте мой кабинет.

Фидруар во сне перевернулся пузом кверху и дернул лапкой, а я вскочила.

Вскочила, глядя в непроницаемую физиономию Демаре (вот кто здесь настоящий зверь!), наслаждавшегося своим превосходством. Так же, как сейчас наслаждается его избалованная дочь!

— Я никогда и никому этого не говорила, — выдохнула тихо. — Но я вас ненавижу. Единственная причина, по которой я все еще здесь — так это потому, что мне больше некуда пойти.

— Еще одно слово, мирэль Тонэ, и вам вообще будет некуда пойти, — вырастая над столом, процедил алмазный гангстер. — Я с вами закончил. Дверь там.

Чувствуя, как внутри все сжимается от непролитых слез, я наклонилась к фидруару, почесала пятнистое брюшко, а потом вылетела из кабинета. Наверное, до комнаты бежала еще быстрее, чем совсем недавно — вниз. Только оказавшись за дверью, рухнула на кровать и позорно разревелась. Вспоминая тепло маленького пушистика, которого держала на руках. И улыбки девочек, которые...

Которые.

Близняшки все делают вместе, а значит, Аделин тоже знала. Просто не подумала, что это приведет к таким последствиям, в отличие от сестры.

Я ревела до тех пор, пока в ревелках Селани не осталось слез.

Потом еще минут десять умывалась, пытаясь скрыть красноглазие и красноносие, понимая, что веду себя крайне глупо, непрофессионально и вообще... Пришлось срочно приводить себя в порядок и уговаривать себя же идти в детскую.

Все, с меня хватит!

Ноги моей больше не будет в доме этого алмазного чудовища!

Сегодня я, так и быть, еще побуду няней, а завтра...

Завтра «у Лолы», что бы это ни было, я переговорю с Шерトンэ, уволюсь и перееду к ней.

Завтра.

И ни днем позже.

Фернан Демаре

Селани давно выбежала из кабинета, а Фернан только сейчас осознал, что сжимает сигару в руке, так и не закурив, и пытается взглядом прокрасть дыру в двери, за которой скрылась няня.

Няня, которая понравилась его девочкам.

Няня, которая раздражала его до зубовного скрежета, но до настоящего момента больше кого бы то ни было подходила на свою роль.

Няня, которая со слезами на глазах умоляла оставить приблудного зверя.

Хмарь изначальная!

Вчера же все было нормально: они поговорили, она все поняла, и Фернан было подумал, что жизнь налаживается. Но сегодня обнаружил дикое животное в собственном доме. А ведь даже маленький фидруар мог укусить Кристин или Аделин. Как сделал это с Этилем.

Чем она вообще думала?!

Да еще и эти слезы, которые мирэль Тонэ едва сдерживала. Лучше бы рыдала в десять ручьев, возможно, тогда бы у нее покраснел нос, опухло лицо, и она перестала бы быть такой хрупкой и привлекательной. Но нет, только умоляюще смотрела на него блестящими от слез глазами.

Именно это и поколебало его уверенность рассчитать ее сегодня же и разом избавиться от всех искушений. Но нет, увольнять Тонэ нельзя. Где он снова найдет новую няню? Поправочка: где он найдет *такую* новую няню? За исключением фидруара, проблем с девочками у нее не возникло. Но не проучить — тоже было нельзя. Поэтому и оштрафовал, чтобы впредь было неповадно. Помнил, что мирэль Тонэ любит роскошь и деньги... Но почему-то у него возникло ощущение, что Селани гораздо больше интересует не урезанная зарплата, а вот этот зачуханный зверь.

Откуда он вообще взялся?

Фернан брезгливо покосился на развалившегося на ковре фидруара, из перстня на пальце посыпались искры, и сигара развалилась на части.

От того, чтобы выругаться в очередной раз, его отвлек стук в дверь.

Вслед за Этилем в кабинет вошли двое, на первый взгляд, неприметных мужчин, одетых в одинаковые темно-серые костюмы. Их суровые лица казались выточенными из камня и не знали улыбок. Единственное различие было, пожалуй, в том, что один держал в руках клетку-куб.

— ЖМОТ. Животные Магические Отдел Третий — шагнул вперед первый и представился: — Петер Комплески.

— Жан Депре, — пробасил тот, что с клеткой.

— Забирайте. — Фернан кивнул в сторону спящего фидруара.

Из кольца Комплески сверкающей лентой плеснула магия, петлей сомкнулась на шее зверя, а затем намордником легла на его пасть. Магия нейтрализовала магию, и фидруар проснулся, заметался из стороны в сторону, но Депре уже перехватил своеобразный поводок и быстро втащил мычащего и ничего не понимающего звереныша в клетку.

— Распишитесь здесь. — Комплески положил на стол слегка помятую бумагу.

Фернан поморщился, наблюдая за тем, как фидруар бьется о прутья и стремится выбраться на волю, пробежал глазами стандартный договор и оставил на нем широкий росчерк.

— Доброго вечера, мируар Демаре, — пожелал Комплески, и они убрались из кабинета, наконец-то оставив его одного.

Почти одного. Фернан подхватил папку, которая терпеливо ждала его на краю стола. Изучить ее содержимое он собирался сразу же, как окажется дома, но сначала случился фидруар, потом случилась босая няня, а после надсмотрщики, больше смахивающие на тюремных надзирателей. Это все было слишком и полностью нарушило его плотное расписание. Чтобы мирэль Тонэ знала, гораздо более плотное, чем у нее — не проработавшей и недели и уже интересующейся выходными!

Стоило потянуть за тесемки, как в кабинет снова постучали.

— Не беспокоить! — рыкнул Алмазный король.

— Но, мируар Демаре, это важно, — отзвался с порога Жужжен.

— Это касается мирэль Тонэ.

Фантазия тут же нарисовала еще с десяток фидруаров, калесову змею, пожар, ураган, и все по вине этой женщины!

— Хмаря изначальная, что опять?!

Этиль шарахнулся в сторону и побелел, как воротничок.

— Что с девочками?

— С мирэль Кристин и мирэль Аделин все в порядке, мируар Демаре. — Приняв привычный независимый вид и закрыв дверь в кабинет, дворецкий приблизился к столу. — А вот с их няней — не совсем.

Ну это сразу было понятно.

— Говори конкретнее.

— Сегодня мирэль Тонэ звонил мужчина.

— Кто? — сухо поинтересовался Демаре.

— Мируар Шерро.

Десмонд.

То, что завязку из папки он выдрал с мясом, Фернан понял по расширившимся глазам дворецкого. Впрочем, на веревку ему было плевать: от приступа вандализма саму папку спасла только важность ее содержимого.

Значит, не оставляет Селани в покое.

— О чём они говорили?

— Договорились о встрече. В заведении «У Лолы», завтра утром.

Мирэль Тонэ с удовольствием согласилась.

С удовольствием. Согласилась.

Эти слова взорвались в нем яростью. Значит, дело не в Десмонде, как Фернан считал, а в Селани! Или в них двоих?

Значит, у них все-таки роман.

Непонятно только, зачем Десмонд так уговаривал его взять Тонэ на работу. Или с заблудшой актриской на людях появляться неприлично, а с порядочной няней — вполне?

Достаточно.

Достаточно мыслей об этой... женщине.

С ней и с Десмондом он разберется потом, сейчас у него есть дело поважнее.

— Спасибо, что сообщил. Можешь быть свободен и постараися, чтобы до ужина никто меня не беспокоил.

Дворецкий ушел, а Фернан схватил папку и раскрыл на первой странице... чтобы не поверить своим глазам. Потому что на самом верху лежали фотографии Жизель, счастливой и довольной жизнью.

Демаре потер кольцо на пальце. Черно-белое изображение расцвело красками, стало объемным, и запечатленная на одной из карточек сцена ожила.

Вот жена подходит к столику на веранде ресторана в Грейцалии — небольшом княжестве по соседству с Ньеррой. Улыбается, изучает меню. На следующей карточке она уже пьет вьярн, просматривая газету, которую, по всей видимости, ей принес официант. На третьей Жизель входит в двери отеля, небольшого уютного гостевого дома. Судя по видам — на окраине города.

Рассматривать эти карточки — то же самое, что ковыряться в медленно заживающей ране. В груди запекло, нехорошо так, остро, поэтому он яростно потер кольцо, и фотографии вновь стали серыми и безликими. Только после перевернул одну из них: посмотреть дату, которую обычно ставили на обороте. И чтобы немного остыть, чтобы разом не смахнуть со стола все эти карточки.

Неделя назад.

Неделя назад!

Пока он и девочки сходят с ума, Жизель прохлаждается непонятно где!

Он давно понял, что у жены нет ничего святого, что семья, точнее, Кристин и Аделин, для нее пустой звук. Когда Фернан прозрел и перестал перед ней преклоняться, она ударила в капризы, потом осознала, чем это может быть чревато, и пошла на попятный, но...

Но Грейцалия?!

Из перстня вырвались язычки пламени и едва не попали на карточки.

Это остудило: Фернан все-таки сдвинул их в сторону и взялся за лежащий на дне папки доклад частного детектива. Гроллиар Демеш был лучшим сыщиком на всем континенте. Учитывая, что он

единственный за эти месяцы сдвинулся с мертвой точки, доля правды в подобной характеристике все-таки имелась.

Просматривая доклад, Фернан по привычке выхватывал самое важное.

Эти фотографии были сделаны журналистом Ларсом Бизе. Тем самым, который буквально везде преследовал жену, где бы она ни появлялась. Жизель его ненавидела, не раз говорила, что мечтает, чтобы он сдох, и грозилась засудить его за то, что посягает на ее частную жизнь. К Демешу они попали по чистой случайности, не сказать, чтобы счастливой.

Как оказалось, мечта Жизель осуществилась: сыщик писал, что Бизе почил с миром. Попросту выпал с балкона своего номера, когда пытался снять очередную сенсацию в Грейцалии. Собственно, если бы не его полет с третьего этажа, эти снимки не были бы найдены среди вещей журналиста.

Еще мируар Демеш узнал, что жена переводила немалые суммы, которые шли якобы на благотворительность, но на самом деле поступали на счет в грейцалийском банке. Так как последний находился на территории другого государства, то выяснить, на чье имя шли деньги, пока не удалось. Сыщик предполагал, подчеркивая, что это всего лишь его предположения и только, что Бизе мог шантажировать Жизель теми фотографиями. Потому что умер он уже после ее исчезновения из Грейцалии.

То есть когда фотографии всплыли, Жизель словно сквозь землю провалилась.

Снова.

В гостевом доме, который был на снимке, никто ничего о ней не знал. Знали разве что о Вероник Толанен — приятной, незаметной и скромной постоялице, которая проживала там целый месяц. Ни одна из этих характеристик Жизель точно не подходила.

В ресторане со снимков ее тоже никто не видел.

В ответ на вопросы Демеша все только пожимали плечами, а чтобы коллеги из Грейцалии поспособствовали поискам пропавшей, следовало затребовать официальное разрешение через полицитариат Ньерры. Собственно, этому Демеш и просил поспособствовать в самом скором времени, поскольку сейчас была дорога каждая минута.

— Ты черствая, бессердечная тварь! — бросила ему Жизель в одну из их последних ссор. — Жить с тобой не сможет никто!

Возможно, так оно и было: сейчас, вместо того чтобы радоваться тому, что она жива, Фернан думала только о том, что все это означает.

И о том, какой стервой надо быть, чтобы заставить своих шестилетних дочерей пройти через весь этот кошмар.

Фернан поднес к губам сигару, вдохнул сладковато-горький дым и прошелся по кабинету. Это успокаивало. Немного. Потому что хотелось немедленно отправиться в Грейцалию и лично вытряхнуть из «ничего не знающих» все, что они могли знать о его жене. Перетрясти всех и каждого по отдельности, но вывести эту лживую су…

*Когда-а-а я тебя увидел,
Сердце чаще забилось в груди-и-и!
Сра-а-азу в тот миг я поня-я-ял
Все у нас впереди!*

Гнусавое пение, ворвавшееся в его мысли, было таким громким, что Фернан даже не сразу понял, откуда оно доносится. Горе-певец нереально фальшивил, а еще, судя по всему, был нереально пьян: на трезвую голову так верещать ни один взрослый мужчина не способен.

*Поцелу-у-уи в кустах мальма-а-ары
И обятия под луной!
В ту минуту я сразу поня-я-ял,
Что ты ве-е-ечно будешь со мной!*

Это была песня недобитого болотного крякля, не иначе. И что, хмарь изначальная, этот тип забыл под окнами его дома?

*Выходи-и-и, моя чистая дева,
Я тебя понесу на рука-а-ах!
Мы с тобой поцелуемся жа-а-арко
И окажемся на облака-а-ах.*

*Приходи в мои ты обья-я-тья
В своем нежном кремовом пла-а-атье*

*Приходи-и-и, приходи, приходи-и-и...
В такт словам стучит сердце в груди-и-и...*

Нет, это уже переходит все границы!

Фернан отложил сигару в пепельницу и поспешил на веранду. Стоило ему разглядеть воняющего с улицы идиота, как невыносимо зачесались руки: при ближайшем рассмотрении истощно орущим оказался не кто иной, как Грегуар Фриэль, директор театра и бывший... гм, ухажер Селани Тонэ.

Глава 11

Опасные серенады, расслабляющие коктейли и бодрящая шопинг-терапия

Ира Илларионова

Тишина в детской стояла такая, что казалось, еще немного — и ее можно будет увидеть и даже пощупать руками. Близняшки сидели в разных концах комнаты: Аделин возле кукольного домика, прижимая к груди чебурона, Кристин на кровати, надув щеки и сцепив на коленях пальцы. Ее игрушка валялась на полу, как если бы девочка, психанув, отшвырнула ее от себя.

Подобрав чебурона, я сказала:

— Пора переодеваться к ужину.

К моему последнему ужину в этом доме.

Как же все-таки хорошо, что я ем на кухне! Там, конечно, будет Жужжен, но лучше лицезреть его постную рожу, чем кое-чью непроницаемую физиономию, под которой находится непрошибаемое (наверняка каменное) сердце.

Если оно вообще имеется.

Аделин послушно поднялась, а Кристин даже не шелохнулась. Как сидела с видом оскорбленной невинности, так и осталась сидеть.

— Но можете переодеться сами. — Я не собиралась никого уговаривать. — Очевидно ведь, что вам не нужна няня, и вы уже взрослые и самостоятельные. Чтобы самим переодеваться и принимать решения, от которых зависят чужие жизни. Вот как в случае с фидруаром.

— Мирэль Тонэ, я не знала, — приближаясь ко мне, покаянно пролепетала Аделин и шмыгнула носом, добавив, едва не плача: — Это все она!

— Нам нельзя его оставлять! — попыталась оправдать свой неблаговидный поступок Кристин.

— А вы его и не оставите, — спокойно согласилась я, хоть пружина гнева внутри снова сжалась. — Реми посадят в клетку и увезут.

Я бы еще много чего могла рассказать. Например, порассуждать на тему, что с фидруаром сделают в службе надзора за магическими животными. Но пришлось умолкнуть: у Аделин в глазах стояли слезы. И мои тоже неприятно щипало, хотя еще минуту назад я была уверена, что слез в них уже не осталось.

— Ну и хорошо! — задрав подбородок, заявила копия своего козловредного отца.

— Ты такая… Такая! — топнула ногой Аделин.

Ее сестра воинственно сжала кулаки, упервшись ими в кровать, и я поспешила вмешаться.

— Девочки! — возвысила голос, пресекая уже готовую вспыхнуть ссору.

Только ее сейчас для полного комплекта не хватало.

Сдернув с вешалки жемчужно-серое платье, подозвала Аделин. Хотела расстегнуть пуговицы ее дневного наряда, но тут с улицы в приоткрытое окно ворвалось:

*Когда-а-а я тебя увидел,
Сердце чаще забилось в груди-и-и!
Сра-а-азу в тот миг я поня-я-ял
Все у нас впереди!*

Фальшивил поющий знатно. А еще растягивал слова, как если бы у него язык заплетался. Голос отчего-то показался мне знакомым. Близняшки одновременно подлетели к окну, я встала за ними и чуть не уронила на подоконник челюсть: за кованой оградой, вцепившись в нее мертвой хваткой, стоял мируар Фриэль.

Традиционно пьяный. Его покачивало из стороны в сторону, но он продолжал упрямо стоять на своих двоих и горланить на всю улицу:

*Приходи в мои ты объя-я-тья
В своем нежном кремовом пла-а-атье
Приходи-и-и, приходи, приходи-и-и...
В такт словам стучит сердце в груди-и-и...*

— Оставайтесь здесь, — велела я девочкам.

Но они, как это водится, меня не послушались. Опережая друг друга, понеслись в коридор, а оттуда вниз по лестнице. Я старалась не отставать, тем более что к входной двери, точно разъяренный бык на красную тряпку, успешно выпуская из ушей и ноздрей клубы пара, пер Демаре.

— Мало было животных в этом доме, — свирепо прорычал он и остерьенело рванул на себя ни в чем не повинную створку.

Вообще-то оно здесь одно. Животное. Которое в данный момент грозно спускалось с крыльца.

Из коридорчика, что вел на кухню, привлеченные шумом, выскочили Анаис, Анжель и Зои. Следом примчались Симран с этой жабой. Жужженом, извиняюсь.

Нет, я ошиблась: в этом доме не одно животное, а целых два. Каждущий крови бык и такая же плотоядная лягушка. У Этиля даже цвет лица был подходящий, болотно-зеленоватый.

— Что здесь происходит? — квакнул он, и кадык у него на шее нервно дернулся.

— Побудь с ними, — попросила я Зои.

Горничная кивнула, встала возле близняшек, а я вылетела на крыльце и поспешила за Демаре, который уже не рычал, а изрыгал самое настоящее пламя:

— Хмарь тебя подери! Ты что мне тут устроил?!

Краем глаза заметила немногочисленных в этот час прохожих, остановившихся через дорогу и с интересом следящих за развитием событий. А события разворачивались захватывающе и стремительно.

Не менее стремительно алмазный гад приближался к калитке. Вон уже и рукава рубашки успел закатать, и кулаки заблаговременно сжал.

Ойкнув, я испуганно бросилась по мощеной дорожке к воротам.

Мутный взгляд Фриэля скользнул по его бычеству, а потом, сфокусировавшись на мне, вдруг просветлел.

— Селаниечка! — взвизгнул Грекуар, подпрыгивая от радости. — Лю-ю-ю... боль!.. бовь моя! Я за... ик... тобой прише-о-ол!

Помню, проходили. Вернись, вернись, я все прощу.

Распахнув калитку, Демаре схватил Фриэля за шкирку, как нашкодившего котенка (или фидруаренка — но лучше не будем о больном), и втянул внутрь, чтобы оттащить подальше от зевак, которые продолжали собираться возле особняка алмазновеличества.

Хорошенько встряхнул любителя вечерних запевов и запоев, на что Грекуар вообще никак не отреагировал. Кажется, Демаре он попросту не заметил. Наоборот, с еще большим энтузиазмом, пяля на меня глаза, выдал:

— Я возьму тебя... ик... в театр! Сезон... ик... еще не начался! Я скучаю, мой фидруарчик. Вернись к па-а-апочке!

— К папочке? — как-то подозрительно спокойно переспросил Демаре, отпуская незадачливого поклонника.

— Ко мне, — снова икнув, самоуверенно подтвердил Фриэль и ткнул в широкую грудь алмазного деспота своим длинным пальцем. — Ты-ы-ы... не заслуживаешь такой женщины, как моя Селани-и-ие... чка!

— А ты, значит, заслуживаешь? — с усмешкой уточнил Демаре.

— Засуживаю! — важно выпятив грудь, согласился антрепренер Ле Гранда. — Засс... — нахмурился, видимо, усиленно размышляя о своем стремительно сокращающемся словарном запасе. — Лужи... ваю-у-у!!!

На последнем слоге он взвыл не своим голосом, потому что искрящееся лассо змеей выскользнуло из перстня Демаре, обвилось вокруг директора театра, сделав его похожим на гусеницу в блестящем коконе.

— Чтобы я тебя здесь больше не видел, — глухо цедя слова, предупредил король. — Ни возле этого дома, ни на этой улице. Ни в этом районе. А если не успокоишься, исчезнешь и из этого города. Навсегда, — закончил он вкрадчиво, почти ласково, и я поежилась от

этих мягких ноток в его голосе, заменивших привычные металлические.

Не знаю, как Фриэль, но я сразу поверила ньееррскому аналогу Аль Капоне. Ведь действительно поможет исчезнуть. Хорошо, если только из этого города, а не из этой жизни.

Вот только Фриэль, на свою беду, не поверил и угрозой не проникся.

— Я не отступлю! — воинственно выкрикнул он, трепыхаясь в лассо, как муха в паутине. — Селани, я для тебя все! — Кончик лассо скользнул выше, угрожающе обвиваясь вокруг шеи антрепренера, но тот упрямо продолжал, теперь уже хрипя: — Все, что захочешь сде... Кхе... кха...

— Да прекратите же! Задушите ведь! — испугавшись за здоровье, а также за жизнь директора театра, воскликнула я. Заметила, что Симран встал рядом, уже готовый вмешаться, и в тот момент во мне как будто что-то порвалось. Должно быть, последние ниточки-нервы, что чудом уцелели после недавнего общения с деспотом. — А знаете что? — Встала между Демаре и горе-певцом, не дав себе даже секунды на раздумья. — Я увольняюсь и уезжаю с мируаром Фриэлем! Сию же минуту!

В тот самый миг по глазам Алмазного короля я поняла, что кое-кто с удовольствием придушил бы меня.

Еще я поняла, что поторопилась с заявлением. Увольняться на ночь глядя — не слишком разумное решение. Увольняться на ночь глядя, чтобы отправиться в эту самую ночь с совершенно невменяемым типом — кажется, я слишком увлеклась игрой в недалекую няню-актрису и теперь уже сама сомневалась в своих умственных способностях.

Но вернемся к невменяемым типам. Его мируарство сейчас тоже не тянул на звание мистер Самообладание. Прищурился, подаваясь ко мне, и, кроша зубами слова, процидил:

— Вы *с ним* собирались уезжать, миэрль Тонэ?

— Лишь бы от вас подальше, — огрызнулась я.

Лассо чуть сильнее «приобняло» Грегуара, что, как ни странно, не понизило градус его отчаянной храбрости.

— Она — моя! Я без своего фидру... фидру...чика никуда! Ай!!!

Волшебный жгут втянулся в перстень, и антрепренер, не ожидавший столь внезапного освобождения, бесславно приземлился на пятую точку прямо в клумбу. А «фидручик» тем временем, я то есть, уже вовсю тлел и дымился под прожигающим взглядом бриллиантового кровопийцы.

— Что ж, — делая рожу непроницаемой, пожал плечами кровопийца, — насильно вас держать здесь никто не станет. Уезжайте. Только прежде верните ту часть аванса, которую еще не успели отработать, и можете быть свободны.

Я досадливо крякнула. От «той части аванса» у меня осталась от силы четвертинка, и я собиралась потратить ее на подарок близняшкам. Но раз уж так все сложилось...

Глубокий вдох, выдох. Ира, ты сама сдержанность. Сама невозмутимость.

— Боюсь, я не смогу ее вам вернуть, — призналась, сплетя перед собой пальцы.

— Значит, мирэль Тонэ, и я пока не смогу вас отпустить. Возвращайтесь к девочкам, — безэмоционально поставили меня перед фактом и тут же потеряли ко мне интерес. — Симран, отвезешь его, куда попросит, — поворачиваясь к водителю, бросил Демаре.

— Но, Селаниечка! — продолжая сидеть на клумбе, протянул ко мне руки Фриэль, явно не собираясь никуда отвозиться. — Нее без я куда ни! — снова заговорил он своим неудобоваримым шифром. — Разз... лучишь нас когда ни ты!

— Мирэль Тонэ... — в голосе его величества уже плескалась лава. А может, соляная кислота растекалась. — Вас ждут мои дочери.

В последний раз взглянув на Грегуара, что-то нечленораздельно мычащего, я рванула обратно в холл, мысленно повторяя себе: это последняя ночь. Последняя ночь, Ира, и все закончится. Пусть Деслани отдает за меня долг и забирает к себе. А не захочет — продам колье!

Не пропаду, в общем.

Остаток вечера прошел без эксцессов и новых потрясений. Успокаивающая настойка кухарки помогла мне расслабиться, и даже наличие Жужжена за ужином не напрягало.

Перед сном прочитав близняшкам сказку, первую попавшуюся из их книг (земную не заслужили!), я ненадолго заперлась в ванной, а после рухнула в кровать и мгновенно отключилась.

И, к счастью, в ту ночь мне ничего не снилось.

На следующее утро сразу после завтрака мне дали вольную, и я, разузнав у горничных, где находится заведение под названием «У Лолы», отправилась на его поиски.

— Вернитесь к часу, мирэль Тонэ, — напутствовал меня Демаре, когда мы столкнулись с ним в холле.

Напутствуя, не забыл просканировать взглядом, словно проверял, можно ли отпускать меня в том виде, в котором я предстала перед его алмазным величеством. Не оставил без внимания и скромную прическу-ракушку, взгляделся в лицо без макияжа и чему-то удовлетворенно кивнул.

— Сразу после обеда мне нужно будет уехать.

— Думаю, вам уже сейчас стоит начинать поиски новой няни.

Меня окинули еще одним, на этот раз хмурым взглядом, и вместо ответа предложили:

— Можете взять Симрана.

— Спасибо, лучше прогуляюсь.

Тем более что, если поняла правильно, до «Лолы» было меньше десяти минут ходьбы.

Оказавшись на улице, я зажмурилась — настолько ярко светило солнце, делая еще более насыщенной изумрудную зелень газонов и заставляя искриться камни у меня под ногами, отчего создавалось впечатление, что мостовая вымощена кристаллами, а не обычным булыжником.

Жаль, в моем гардеробе из двух нарядов не имеется широкополой шляпы или солнцезащитных очков, они бы сейчас пригодились.

Селани в образе лучшего друга алмазного жадины (сколько там было того аванса!) меня уже ждала, устроившись за столиком под светлым тентом. В одной руке она держала бокал, напоминавший раскрытый бутон пиона и наполненный чем-то ядрено-розовым (коктейль для настоящих мужчин, полагаю), в другой — сигарету в длиннющем мундштуке, из которой вытекала струйка... я принюхалась, ментолового дыма.

Ну вот в каком месте она актриса?

К счастью, в этот час посетителей «У Лолы» было немного, а те, что имелись, не обращали внимания на гламурного мируара.

— Что это на тебе надето? — осмотрев меня с ног до головы, скривилась Деслани, забыв не то что поздороваться — даже подняться и отодвинуть перед дамой стул не потрудилась. — Ты, часом, не из монастыря сбежала?

— Я сбежала от алмазного гангстера, — опускаясь на самолично отодвинутый стул, сказала я и, не теряя времени, добавила: — В общем так, мне нужны деньги и крыша над головой, потому что уже сегодня я собираюсь уволиться и переехать к тебе. Что скажете, мируар Шерро?

Несколько секунд «мируар Шерро», нахмутившись, сверлила меня взглядом, после чего, нервно затянувшись и по-хищному сощурившись, проговорила:

— Скажу, что ты совсем спятила, милочка.

Я глубоко вдохнула, призывая на помощь всю свою выдержку и борясь с желанием вот прямо сейчас настучать кое-кому по кумполу. Да вон хотя бы тем модным журналом (истинно мужское чтиво, а вы не знали?), что притащила с собой Деслани. С глянцевой обложки мне улыбалась, подмигивая, мирэль в перьевом шарфике и алмазах.

— Отнюдь. Тебе же лучше, если твоё драгоценное тело будет у тебя на виду.

Я замолчала, когда к нам подошла официантка с тоненькой черной папочкой. Однако не успела пробежать по меню взглядом, как ее мирэлеруарство все решила за меня:

— Ей то же, что и мне.

— Рай на земле? — с улыбкой уточнила девушка.

Шертонэ кивнула и пробасила, указывая на полупустой бокал:

— И мне плесните еще раю.

Я с сомнением покосилась на стеклянный бутон с розовой бурдой, не уверенная, что хочу это пить и даже пробовать.

— Можешь забрать меня уже сегодня, — сказала, когда мы снова остались одни.

— Нет, так не полезет, — покачал головой псевдо-Десмонд. — Если ты, я то есть, перееду к мируару Шерро, обо мне начнут ходить

слухи. А я не хочу, чтобы меня считали сдержанкой.

— Но ты ведь жила в доме директора театра! — Теперь уже мне хотелось обо что-нибудь постучаться.

Селани вскинула вверх указательный палец.

— В том-то и дело, в его доме, но не с ним.

— А есть разница? — кисло осведомилась я.

— Еще какая!

— Раз так печешься о своей репутации, сними для меня квартиру, — тут же предложила, по-моему, замечательную альтернативу.

— Квартира в Мальмаре — удовольствие не из дешевых. Думаешь, я вправе распоряжаться деньгами мируара Шерро? Это же подло!

Вот что значит почувствуй себя фидруаром. Взрослой, изголодавшейся особью, которую так и тянет кусаться.

От участи быть покусанной Селани спасло возвращение официантки с бокалами.

— Вот, пожалуйста, — девушка продолжала сладко улыбаться и при этом томно поглядывала на лже-Десмонда. — Что-нибудь еще, мируар Шерро?

— Нет, свободна, — раздраженно махнул рукой самозванец и, когда официантка отошла на достаточное расстояние, прошипел: — Да и вообще, из-за тебя меня уволили из театра, а теперь ты собралась лишить меня еще и этой работы? И где я потом найду другое такое место?

— Это всего лишь работа няней!

— Всего лишь?! Воспитательницей и наставницей для дочерей самого богатого и влиятельного человека Ньеरры! — заметила Селани, одним резким движением стряхивая пепел с сигареты. — Воспитывать детей в семье вроде этой, между прочим, считается почетным и престижным. Или тебе напомнить, сколько желающих явилось к Демаре на собеседование?

Кандидаток в няни в тот день действительно собралось немало, но мне сейчас было не до этого.

— Извини, Селани, но пока я там, рискуем мы обе, — решила зайти с другой стороны. — Я ничего не знаю о вашем мире, не знаю о тебе...

— Ну так я расскажу! Спрашивай, — великодушно махнула рукой непрошибаемая и пододвинула к себе второй бокал.

Разговор не клеился. Вернее, складывался не так, как мне хотелось.

— Я не собираюсь там оставаться. Демаре... Он просто урод моральный, и я его ненавижу! Его дочери считают, что им все позволено. Например, вчера они усыпили меня магией... — в горле неприятно запершило от воспоминаний о Реми, и я сделала небольшой глоток, чтобы запить эту горечь.

И чуть не выплюнула коктейль обратно. Алкоголь? Как можно пить его в такую рань?!

— То есть ты его не выносишь?! — задумчиво почесала Селани напомаженную шевелюру Десмонда. — А он тебя?

Она издевается?!

— Понятия не имею. И это сейчас неважно!

— М-да... — глубокомысленно заключила та, которая употребляла «Рай на земле» вместо въярна.

— В общем, уволюсь я так или иначе. Перееду к тебе или отправлюсь жить на улицу...

— Можно еще в МОРГ, — растягивая губы в улыбке, подкинула вариант бывшая актриса.

Я подалась вперед:

— Если в МОРГ, тогда вместе.

Селани пожала плечами.

— Я не иномирянка, мне нечего опасаться. Я, конечно, стараюсь избегать встреч с органами правопорядка, будь то полиссары или агенты МОРГа, и предпочла бы, чтобы мы все решили полюбовно. Но если ты настаиваешь... — Она закинула ногу на ногу и ослабила узел галстука. — Я могу хоть сейчас отвезти тебя туда и потребовать, чтобы мне вернули мое тело. А что станет с твоей душой... Не мои проблемы! Это если ты захочешь по-плохому. А если все же решишь действовать по-хорошему, мы поступим так: ты продолжаешь работать у Демаре и не пытаешься испортить мне жизнь и репутацию.

И это я-то порчу ей репутацию?!

— Я же тем временем навожу справки и придумываю, как все уладить.

— И долго будешь придумывать?

— У меня уже есть кое-какие зацепки.

— Например?

Ожидала, что Деслани сдется, но вместо этого она бойко заговорила:

— Например, я выяснила, что в древности, еще в первые десятилетия нового мира, одно из диких племен Асфирры практиковало переселение душ и верило в существование иных миров. На других континентах о таких, как ты, тогда еще знать не знали. Что-то там в том племени мудрили с кристаллами, проводили какие-то ритуалы. Осталось выяснить, что это были за камни, и найти мага, шамана или как он у них называется, который сумеет провести ритуал, чтобы я вернулась в свое тело, а ты домой.

— Ничего не мешает мне подождать в другом месте, пока ты будешь все это выяснять, — сложила руки на груди. — Демаре мне для этого совершенно не нужен.

— А вот тут ты снова ошибаешься, — прошипела Селани, подаввшись ко мне. — Племена живут обособленно, чужаков к себе непускают. Добыть у них информацию — невозможно. Но! Я наняла сыщика, мируара Жюфро, который выяснил, что один из потомков асфиррского племени, колдун, проживает в Ланси.

Ланси?

— Да-да, то самое место, куда мы должны отправиться на яхте, — бормотание Селани ртом Десмонда напоминало скороговорки. — Думаешь, я просто так предложила эту поездку? Это частные территории, часть принадлежит короне, часть давно выкуплена богатеями вроде Демаре, попасть туда иначе как с хозяином земель невозможно.

— А если все-таки попытаться пообщаться с племенами? — привела еще один аргумент. — Может, в качестве исключения...

— А если и попытаться, до Асфирры плыть не меньше месяца, — отрезала Селани. — Ни ты, ни я себе такого позволить не можем.

Я глубоко вздохнула:

— Ну попадем мы в это твое Ланси, и что дальше?

— А дальше, бестолковая ты моя, ты отвлечешь столь ненавистного тебе Демаре, а я наведаюсь в гости к тому, кто может нам

помочь. За хорошее вознаграждение, думаю, он не откажет...

— То есть на это тебе денег Шерро не жалко?

Селани скривилась.

— У тебя есть идеи получше?

Нет, идей получше у меня не было, поэтому я промолчала.

— В общем, либо так, либо никак, — подвела итог Шертонэ и откинулась на спинку стула.

Что касается меня, я просчитывала в уме все возможные варианты.

У меня есть рунный амулет, который поможет связаться с Мишой, но что дальше? Даже Лилит сказала, что вернуться назад не получится. Если Селани не врет, единственный мой шанс — это пресловутый потомок племени, который сможет вернуть меня в мое тело.

Если Селани не врет...

— Откуда мне знать, что все это правда?

Деслани поперхнулась розовой эйфорией и закашлялась.

Приложила к губам салфетку, а потом покачала головой:

— Нет, ты еще глупее, чем я думала. Зачем мне врать? Думаешь, меня устраивает вот это? — Она ткнула себя в грудь. — Я как-то немного иначе планировала построить свою жизнь. Что касается близняшек... Согласна, они те еще занозы в заднице. Но это вообще не проблема. Я закажу тебе оберег, который будет защищать тебя от простейшего магического воздействия.

— Уточняю: тебе не жалко капиталов Шерро ни на что, кроме квартиры для своего тела.

— Уточняю: мне жалко терять работу и репутацию. И может, уже хватит?!

Можно было психануть и отправиться в эту их службу по розыску эмигрантов из других миров. Или, как вариант, уволиться, но Селани ничего не говорить, пусть потом плывет с Демаре сама и все выясняет. Но, во-первых, я понятия не имею, какова реальная стоимость колье и где его можно продать. Жилье вот так сразу, по щелчку пальцев, тоже не снять. Да и не с руки мне ссориться с актрисой, не менее меня заинтересованной в том, чтобы стать собой. Знающей этот мир, как свои пять пальцев.

Пожалуй, Селани сейчас единственный мой союзник...ца.

— Еще тебе нужна будет приличная одежда, — неожиданно перескочила на другую тему Деслани.

— Что не так с моей одеждой?!

— Все! Почему ты без косметики? И что это вообще за прическа?

— Селани скривилась повторно, после чего утопила сигарету в пепельнице. — В общем, так! Скорее допивай свой рай. И не смотри на меня так! Явилась тут, понимаешь ли, вся распихованная. И увольняться ей приспичило, и в МОРГ не терпится. Зачем же бросаться в крайности? Пей давай. Тебе нужно расслабиться. А я пока расскажу о себе. Потом мы быстренько заглянем в пару-тройку магазинов, подберем тебе что-нибудь приличное. Смотреть жалко, во что благодаря тебе превратилась Селани Тонэ!

С минуту я созерцала сидевшую напротив с видом короля Селани, пытаясь справиться с охватившим меня раздражением. Сама не знаю почему, но именно это простенькое заявление про мой внешний вид вытряхнуло меня из подобия апатии, в котором я пребывала со вчерашнего вечера.

Одежда моя ей не нравится.

И прическа.

— А не пойти бы вам?! — сказала я, поднимаясь.

— Куда? — опешила Селани.

— В магазин! — рявкнула я.

Так, что проходящая мимо официантка чуть не выронила поднос, но мне было уже наплевать. Резко развернувшись, я пулей метнулась от столов, желая только одного: добраться до дома, уволиться и...

И плевать, что я буду делать дальше.

Хочу — колье продаю, хочу — бродяжничаю.

Хочу вообще под мостом петь буду. Мне будут платить только за то, чтобы заткнулась.

А если за мной приедет МОРГ... Ну, я тоже найду, что им сказать!

С этой мыслью я рванулась навстречу свободе, но тут дорогу мне заслонили массивной тушей Десмонда.

— Ты чего это удумала?!

— Что удумала — давно тебе уже сказала. Но ты меня в упор не слышишь, хотя уши вон какие большие!

Поскольку лапищами меня стискивали мощно, я сделала то, чего в жизни никогда не делала: попросту двинула Селани коленом между ног и под сдавленное:

— Уй, — рванула на улицу.

— Сто-о-ой! — донеслось страдальческое мне в спину.

— Сам стой! — не осталась в долгу я, устремляясь по улице в неизвестность.

По красивой, между прочим, улице.

Разве что сейчас она казалась мне просто картинкой из детской книжки, нарисованной и фальшивой. Слезы, которые так просто пролились в первый день в этом мире, сейчас засели комом глубоко в груди и душили похлеще жабы, как любила говорить Светка. Возможно, поэтому перед глазами у меня потемнело и каблук угодил в ямку.

Ну а я непременно угодила бы носом в местную брусчатку или что это тут у них, но меня подхватила Селани.

— Куда собралась?! Сумасшедшая!

— Сама сумасшедшая! — крикнула я. Мне пытались запечатать рот ладонью, но я вцепилась в нее зубами, и плечистый бугай с совершенно немужским: «А-а-а!», отдернул руку.

— Ты что вытворяешь?! — Селани тряслась ладонью и дула на нее, а я вдруг поняла, что не могу больше сдерживаться.

— Что я?.. Что я творю?! У меня дома остался любимый мужчина! Дети, которые каждый день встречали меня радостными улыбками! Родители! Подруга! Ты хоть представляешь, что это такое?!

Кричать больше не получалось, потому что непролитые слезы комком подобрались к горлу, зато сейчас я от души вцепилась в отвороты пиджака Десмонда и тряслась его как грушу.

— Дети? — ошалело переспросила Селани. — У тебя есть дети?

— Нет! Они не мои... то есть мои, но не... Я работала няней! В детском саду, — выдохнула я. — Собиралась замуж! За того, кто...

О чем я вообще?

И кому все это рассказываю?

Руки разжалась сами собой, я сползла на бордюрчик и обхватила колени руками, уткнувшись в них лицом.

Все, ничего больше не хочу!

Везите меня в МОРГ.

Да, вот прямо сейчас и везите, можете сразу простыню выдать. И белые тапочки.

— Эй... — Селани потыкала мне в плечо, и я им раздраженно дернула. — Эй...

— Меня зовут Ира, а не эй!

— Помню, что Ира. Не склерозная, — буркнула Селани и неожиданно добавила: — Мне хорошо известно, что это такое — лишиться родных. Лишиться дома. Лишиться всего.

Лицо Шерро или Тонэ, или их общее, в кои-то веки утратило показную небрежность.

— Может, вернемся? — она протянула мне руку. — Ну... все-таки я бы... присела. Не на бордюр.

Сейчас в ее голосе действительно было столько искренности, что оттолкнуть протянутую руку я не смогла. Вложила пальцы в широкую ладонь и поднялась.

Рассказывать о себе времененная замена Шерро умела, пусть и не очень любила. Это было видно по тому, как она хмурилась, погружаясь в воспоминания. А я слушала, отрешившись за чужой жизнью от своей, и незаметно для себя самой приговорила «Земной рай», или как эта розовая бурда называлась. Коктейль действительно помог расслабиться. Пусть алкоголь и не панацея от проблем, но после всего, что вчера случилось, я нуждалась хотя бы в маленькой передышке.

Оказывается, мы с Селани ровесницы. И мне, и ей недавно исполнилось двадцать пять. Бывшая актрисаросла в многодетной, не самой благополучной семье в небольшом городке на западе Ньеरры. Была старшей сестрой при трех малолетних братьях и рано узнала, что это такое — зарабатывать себе на пропитание.

Наверное, потому она такая напористая, если не сказать — наглая. Непростая жизнь этому поспособствовала.

— Мой папаша, — Селани скривилась и резко отодвинула от себя бокал с недопитым коктейлем, так, что тот чуть не опрокинулся, расплескав по скатерти свое кислотно-розовое содержимое, — запойный. Ему до нас никогда дела не было. Мать умерла. Разболелась, сгорела в считанные дни. Денег на исцеляющие кристаллы у нас, понятное дело, не было. Да что там! Мы едва

наскребли на осмотр врача. А на следующее утро ее не стало. — Селани опустила глаза. — Мне тогда не было и четырнадцати, а самому младшему, Раулю, всего пять.

— Мне очень жаль, — тихо проговорила я.

— Потом бывало всякое... — нервно улыбнулась актриса. — Вот почему я стараюсь избегать общения с органами правопорядка, а так как и тебе лучше с ними лишний раз не пересекаться, надеюсь, мы не будем создавать друг другу проблем и начнем действовать сообща.

Она подозвала официантку, но в этот раз заказала не «Рай», а чашку двойного вьярна.

— Я потому и решила попытать у Демаре счастья. Опыт общения с детьми у меня имеется, хоть не скажу, что мне нравится возиться со спиногрызами. Но век актрисы короток, да и это не то, о чем я мечтала. Нет, не мое это, — тряхнула она головой. — К тому же Грегуар... Он начал меня раздражать, но я понимала: стоит хотя бы раз ему отказать, и все, останусь без дома и без работы. Что, в общем-то, и произошло. — Селани задумчиво усмехнулась и потянулась за пачкой сигарет.

— И ты действительно собирались занять вакантную должность няни, а не превратиться в новую мирэль Демаре?

— А тебе какая разница? — глаза Деслани сверкнули, но она тут же взяла себя в руки и уже спокойно продолжила: — Мне казалось, тебе нет никакого дела до Демаре.

Действительно, какая мне разница.

Одернув себя на этой мысли, безразлично пожала плечами.

— Никакого, — подтвердила я.

— Вот и чудесно. Тебе всего лишь нужно попридержать для меня в его доме место, — бывшая актриса постучала пальцами по столу. — Так вот, тебе я рассказала даже больше, чем знают многие мои знакомые. Про наш мир тоже постепенно все узнаешь. Читай вечерами, просвещайся. У Демаре отличная библиотека. Уверена, там ты найдешь ответы на многие свои вопросы.

Кроме главного — как вернуться домой.

— Но довольно лирики. Надеюсь, с неприятным мы разобрались и теперь нам осталось только приятное — бутики! — Стряхнув с себя налет воспоминаний, Селани решительно поднялась.

— Меня отпустили на пару часов, — напомнила я.

— Успеем! — бывшая актриса беспечно махнула рукой.

Можно было соврать и сказать, что должна возвращаться вот прямо сейчас. Но, если честно, не хотелось. Не врать, а возвращаться раньше. Лучше прибегу в последний момент, когда Демаре уже пообедает и соберется уходить. Если повезет — уберется даже раньше, и мне не придется общаться с этой пираньей.

Да и, в конце-то концов, могу я хоть немного себя порадовать? Пусть радость эта — шоппинг — мимолетная, но сейчас я как никогда нуждалась в положительных эмоциях.

Водитель Шерро припарковался возле того самого бутика с гламурной вывеской «Модный мир мирэль ле Клод», к которому меня пару дней назад привез Симран и от которого я поспешила уехать как можно скорее и как можно дальше, потому что, даже не зная цен и видя одни манекены в вычурных платьях, примерно представляла, на сколько они потянут.

Но, как вскоре выяснилось, я ошиблась. В представлениях. Цены здесь не просто кусались — они могли запросто оттяпать половину Десмондового состояния. Особенно пугали ценники на шмотках, которые пыталась мне всучить Селани. От некоторых я сразу наотрез отказалась, даже мерять не стала. Из других выпрыгивала быстрее, чем из бассейна с ледяной водой после сауны.

Почуяв в лице мируара Шерро лакомую добычу, продавщицы возле него так и вились, предлагая его протеже примерить то один, то другой баснословно дорогой эксклюзив. В итоге я не выдержала и, оттащив Селани в сторону, заявила:

— Или я выбираю сама, в чем мне ходить (и не говори, что это твое тело. Сейчас в нем нахожусь я! Тебе ведь никто не указывает, какие галстуки повязывать и сигареты курить), или мы отсюда уходим.

Недо-Десмонд состроила кислую мину, но спорить не стала.

— Что ж, валяй. Посмотрим, что ты тут навыбираешь со своим плебейским вкусом.

— У меня отличный вкус!

Подвинув эту глыбу в табачного цвета костюме, я приблизилась к витрине и попросила снять с манекена нежно-голубое платье с летящей юбкой, украшенной цветами-аппликациями.

После того как было перемерено с десяток нарядов, мы все-таки пришли к согласию. Остановились на том платье, что мне сразу понравилось, и еще двух облегающих фигуру, но при этом с глухим воротом и длиной чуть ниже колен. Элегантно и в меру строго. Селани пофыркала, пофыркала, но согласилась и пошла расплачиваться, соизволив поставить меня в известность:

— Сейчас еще в магазин нижнего белья заглянем.

— Мне уже пора возвращаться. — Я бросила взгляд на часы, лениво тикающие над прилавком. А выйдя из бутика, не сдержавшись, с усмешкой спросила: — И что, твоя драгоценная репутация не пострадает, если мирэль Тонэ в компании мируара Шерро заявится в магазин интимной одежды?

Деслани резко затормозила, что-то прикинула в уме и, хмурясь, заявила:

— Иди к машине! Я свой размер и так прекрасно знаю. Нужно было вообще без тебя за покупками отправляться, — проворчала, удаляясь к стеклянным дверям магазина.

К счастью, надолго в «Сокровенной нежности» она не задержалась. Вернулась с двумя пакетами, кокетливо перехваченными алыми бантиками, и бросила их на заднее сиденье автомобиля. От белья, честно говоря, мне еще меньше хотелось отказываться, чем от всего остального. Надеюсь только, оно окажется не неприличнымекси, а практичной классикой. Тот комплект, что купила с аванса, и другой, который был на мне в первый день моего сюда попадания, приходилось стирать по вечерам в ванной. Отдавать грязные вещи горничным могло быть чревато: был риск банально остаться без трусов и чулок.

Идти в обувной я наотрез отказалась, заявив, что не расстанусь со своими удобными туфлями даже под страхом переезда в МОРГ. Шертонэ пыталась настаивать, но я напомнила, что должна вернуться на работу к часу, иначе его мируарство уволит меня к чертям собачьим.

Про чертей Селани не поняла, но перспективой, что ее тело снова окажется бездомным и безработным, не воодушевилась и велела водителю скорее ехать к дому мируара Демаре.

— Увидимся в субботу на том же месте в десять, — сказала она, прощаясь. — Я как раз подберу для тебя подарок, который тебе

пообещал, — покосилась на сидящего впереди водителя, после чего заговорщицки мне подмигнула и велела тому трогаться.

Мне не повезло. В холле я, как назло, столкнулась с его величеством.

— Опаздываем, мирэль Тонэ, — мрачно попенял он мне, сканируя цепким взглядом пакеты.

Кажется, больше всего Демаре заинтересовали персиково-золотые с надписью «Сокровенная нежность».

— Что это? Результаты встречи с Десмондом? — усмехнулся Алмазный король, продолжая оглядывать мою ношу.

Я вспыхнула.

— Вы за мной следили, мируар Демаре?

— Я слежу за всем, что происходит в моем доме. А значит, и за этим тоже.

— Это происходило не в вашем доме, — сильнее сжимая тесемки пакетов, так что даже ногти впились в ладони, заметила я.

— *Это?* — сощурился магический гангстер.

— Я про покупку одежды. А вы о чем подумали? — поинтересовалась с самым невинным видом.

Селани сама захотела проспонсировать меня новым гардеробом, не подумав, как это скажется на ее многострадальной репутации. А мне вообще не следует из-за всего этого заморачиваться. Так что пусть Демаре думает, что его мируарской душе угодно.

— С чего бы это Шерро тратиться на вас, мирэль Тонэ? — допрос с пристрастием продолжался.

— Вот у него и спросите, а мне надо работать. Или уже передумали и все-таки меня уволите? — азартно предложила я, надеясь, а вдруг повезет.

Не повезло.

— А вы как отдавать часть аванса будете? Вот этими тряпками? Или как с мируаром Шерро расплатитесь? — яdom в его голосе можно было отправить полгорода.

Не знаю, как сдержалась и не запустила в провокатора сразу всеми пакетами, не задушила резинкой от комбинации и не запихнула ему в рот чулки в горошек.

Спокойно, Ира. Это ведь не настоящая ты. Это Селани. Ее жизнь. Ее имя. А тебе надо в Ланси, чтобы самой поговорить с потомком племени, а не доверять столь важное дело актрисе. И раз уж Демаре — твой билет на частную территорию богатеев, что ж, придется его еще какое-то время терпеть, скрепя сердце.

Но глотать очередную насмешку я не собиралась.

— Этим способом я расплачиваюсь *только* с мируаром Шерро, — проворковала, улыбаясь. — Эксклюзивные права и все такое. — После чего заставила себя сдвинуться с места. Проходя мимо его зеленеющего величества, подалась к нему и прошептала томно: — И, кстати, вашему другу очень повезло. Вот только вы отчего-то за него не рады. Разве не желаете ему счастья? Нельзя же так.

Всем своим-чужим телом ощущая исходящую от Демаре ярость, расправила плечи и, не оглядываясь, направилась к лестнице.

Глава 12

Папараци выходят на охоту

Селани Тонэ

Селани рассматривала себя в зеркале, борясь с желанием что-нибудь разбить. Нет, физиономия Десмонда Шерро не казалась ей противной: за минувшую неделю она с ней свыклась и даже не раздражалась по поводу постоянного бритья, после которого порезанную кожу противно щипало. Впрочем, лучше уж так, чем когда эта самая физиономия становилась похожа на бандитскую. Пусть даже на физиономию весьма привлекательного бандита, но все равно, небритых мужчин Селани не любила.

Демаре, кстати сказать, был единственным, кому она готова была простить легкую небритость. И то, только до той минуты, пока они не станут мужем и женой, а когда станут, она заставит его избавиться от этой противной колючей мерзости, неприятно царапающей нежную кожу. Нет, терпеть такое она определенно не будет даже ради Алмазного короля, разве что до свадьбы. И то лишь потому, что это вынужденная необходимость.

Прошли те времена, когда она вынуждена была что-то терпеть...

Воспоминания о семье накатили не вовремя, заставив Селани поморщиться. Во всем виновата эта приблудная идиотка, принесло же дуру на ее голову. И почему на месте этой клуши не оказалась какая-нибудь адекватная девица, которая своего не упустит?! Увольняться она собралась! Из-за проделок близняшек и грубости Демаре.

Ха!

Знала бы она, сколько на самом деле пришлось пережить ей, Селани.

Знала бы...

Знала бы — убежала от нее, сверкая своими, точнее ее, пятками. Аккуратными, гладенькими, совсем не такими, какими они были в трущобах, в которых она когда-то жила. Кое-что из рассказанного наивной идиотке было правдой, но кое-что пришлось приукрасить. Сразу, когда стало понятно, на что эта добросердечная персонажка поведется.

Детишки.

Потерянная семья.

Потерянный любимый.

Ой-ой-ой, какая трагедия!

Сама Селани сбежала из дома едва ей исполнилось семнадцать. Сбежала, когда мать тяжело заболела, и нужно было работать вместо нее поломойкой, чтобы отдать долги, в которые они влезли из-за дорогих лекарств. Что стало с родительницей и младшими братьями, которых та нагуляла от постоянно меняющихся любовников, Селани не представляла, но предполагала, что ничего хорошего. Так что, в общем-то, она и не соглашалась.

Почти.

В Мальмаре ей повезло: судьба столкнула ее с Грегуаром, и он сразу оказался у нее под каблуком. Здесь Селани тоже почти не

согла: вместе они не жили, Грегуар был в разводе и наведывался к ней лишь изредка. Начинала она с небольших ролей, потом добилась и главной.

Первой, между прочим, главной.

Но, может, и к лучшему, что эта... как ее... Ира все испортила.

Так она стала гораздо ближе к Демаре и...

Гораздо дальше от своей совести, позволившей бросить на произвол судьбы больную мать и маленьких братьев. Селани представила себе, как поменялось бы выражение лица Иры, узнай она правду, и поморщилась: подумаешь, святоша выискалась! Два дня пролетели незаметно, и вот сегодня ей опять терпеть выкруtasы иномирянки просто потому, что избавиться от нее не получится. По крайней мере, в ближайшее время.

Накатило еще большее раздражение, и Селани с трудом сдержалась, чтобы не приложить зеркало кулаком.

С силищей Десмонда это могло кончиться плохо (и для кулака, и для зеркала), поэтому она поспешила отвернуться, запахивая халат. Не так долго осталось ждать, они поедут в Ланси, и она выложит столько денег, сколько потребуется, чтобы вернуться в свое тело. Вряд ли этот потомственный шаман устоит перед тем, что она может ему предложить, когда в ее руках все богатства Шерро. Скоро все закончится, она вернет себе свое тело и просто перелистнет эту страницу жизни, как в свое время перелистнула страницу жизни в нелюбимой семье, от которой было столько проблем.

Действительно, а чего они хотели?

Отец, еще когда был жив, все пропивал, мать набрала долгов и свалилась, чтобы сгрузить всю работу на плечи старшей дочери. И приплод-малышню, которая к ней не имела никакого отношения. Чтобы спустя пару лет она превратилась в такую же замызганную замарашку, с глубокими, изрезавшими лицо морщинами, седыми прядями в тридцать восемь лет и вечной грязью под поломанными ногтями.

Между тем, как она, Селани, была рождена для блеска, а не для нищеты!

Она всегда это знала, с самого детства, когда возвращалась из школы, драила полы и ненавидела это всей душой.

Нет, такая жизнь точно не для нее.

— Мируар Шерро...

Селани вздрогнула и обернулась.

— Стучать тебя не учили?! — рявкнула она так, что дворецкий отступил на пару шагов назад.

— Так я стучал, мишуар Шерро... — поспешил пробормотал Жаккар. — И потом, вы вчера просили сразу вам передать, как принесут...

Принесли?!

Принесли!

— Дай сюда! — Селани вырвала коробочку из рук слуги, вытолкнула его за дверь и, захлопнув ту прямо перед носом дворецкого, отошла к большому, занавешенному тяжелыми портьерами окну.

В коробочке обнаружился изящный браслет с небольшим камушком. Да, такое этой простушке точно понравится, она любит быть незаметной. Странно, что еще со стенкой не слилась.

Камень, на первый взгляд ничем не примечательный, заискрился магией, стоило к нему прикоснуться.

Чудесно!

Он защитит Иру от проделок близняшек и... не только. Не позволит ей наделать глупостей, пока украшение будет у нее на руке. А оно будет постоянно, потому что это единственная защита от несносных девчонок.

Довольно улыбнувшись, Селани захлопнула коробочку: пора было собираться на встречу с Ирой. Сегодня она вручит ей подарок и...

— Мируар Шерро... — В комнату снова заглянул Жаккар.

На этот раз весьма осторожно.

— Что еще? — поинтересовалась Селани уже гораздо более миролюбиво.

— Вам звонят.

— Кто?

— Не представились.

— А по голосу ты не узнал? — ядовито осведомилась она.

— Плохо слышно. Помехи, — оправдался слуга.

— Ладно. Сейчас подойду, — буркнула Селани и спрятала коробочку в секретер.

После чего вышла вслед за дворецким и направилась по коридору к небольшому холлу на втором этаже. К счастью, Десмонд был достаточно богат, чтобы позволить себе целых четыре звонифона по всему дому, и не было нужды носиться между этажами, чтобы поговорить.

Но кому Шерро понадобился в выходные?

Радует, что не деловым партнерам. Селани и так старательно избегала общения с ними. Разве что этой чокнутой мирэль Лепаж! Сначала она доставала ее угрозами пойти к журналистам и поделиться пикантными подробностями их романа (интересно, какими?), потом начались слезы и мольбы.

— Слушаю, — басовито и степенно рыкнула Селани в трубку.

— Дес?

Нет, это точно не Софи, хотя голос показался Селани смутно знакомым. Правда, из-за помех, о которых говорил Жаккар, понять, кому он принадлежит, было сложно.

— Говорите громче! — воскликнула она, теряя терпение. — Я вас не слышу. И представьтесь, пожалуйста.

Короткая пауза — и в трубке повисла тишина.

Селани пожала плечами, вернула трубку на рычаг, а потом направилась обратно в спальню. Не успела сделать и нескольких шагов, как виски сдавило сильнейшей болью.

«Дес, — прозвучал в голове женский голос. Ввинтился в сознание, отдаваясь эхом.

Дес.

Дес...

Дес!

Селани сжала виски руками, пытаясь выдавить этот голос из головы, но он продолжал звучать. Перед глазами мелькнуло изящное женское плечо, облако волос — незнакомые воспоминания нахлынули вместе с обжигающей болью, уводя из-под ног пол.

Селани взывала, цепляясь за стену, пытаясь удержаться в странной круговорти обрушившихся на нее чужих образов, которые даже уловить не могла. Попыталась позвать на помощь, но голос не слушался.

Ноги стали слабыми, тело — далеким.

Она сделала еще шаг, наугад, и провалилась во тьму.

Ира Илларионова

Два дня пролетели незаметно, и вот наступил мой долгожданный законный выходной. Вернее, наступило то, что от него осталось — лишь его половинка. Об этом мне накануне вечером радостно напомнил жаба-мажордом, важно проквакав, что я смею оставить пост няни или до обеда, или после онего, но ни в коем случае не совместить эти два отрезка времени. Справившись с желанием послать Жлобена туда, куда регулярно отправлялись несостоявшиеся поклонники Светки, я пожелала ему не захлебнуться собственной желчью и пошла в столовую за девочками.

Уснули близняшки быстро, и остаток вечера я провела в компании «Пространственных аномалий Ньеерры». Но лучше бы почитала какой-нибудь учебник по истории Эоны, толку наверняка было бы больше. Увы, я не была ни ученым, ни уж тем более магом, а потому мудреные термины никак не желали складываться в понятные фразы. Не сумев осилить даже вступление, так и уснула в обнимку с неудобоваримым трактатом.

Проснулась в приподнятом настроении, потому что первая мысль была о выходном. Сразу после завтрака, пусть и ненадолго, я вырвусь из-под ига венценосного! Собиралась быстро, потому что до встречи с Селани планировала заглянуть в местный детский мир (или где тут у них продаются игрушки) и выбрать для близняшек подарки. Злость прошла, я успокоилась и была вынуждена признать, что тайком держать рядом с шестилетними детьми дикого фидруара... в общем, идея не самая удачная.

Аделин после истории с Реми была сущий ангел, только крыльышек и нимба над головой не хватало: тихая и покладистая. Кристин привычно дулась и не желала извиняться за свой неблаговидный поступок, но хотя бы больше не проявляла характер. И ладно бы, если бы дулась только на меня. За минувшие два дня близняшки и слова друг другу не сказали, хоть я делала все возможное, чтобы они наконец помирились. Объясняла, что это неправильно, когда близкие люди друг на друга обзываются, устраивала командные игры, надеясь, что совместная деятельность поможет девочкам забыть обиды. Но Аделин ни в какую не желала играть в одной команде с сестрой, а Кристин надменно фыркала, отворачиваясь от нее, и брала себе в напарницы Анжель или Зои.

Демаре все это очень не нравилось. Не то, что горничные порой принимали участие в наших забавах. Его величество не устраивало, что девочки подавлены и не хотят друг с другом общаться. Вину за это он по привычке взвалил на меня, заявляя, что я недостаточно компетентная воспитательница.

Вот и сегодня с утра пораньше решил поиграть мне на нервах. Я как раз заканчивала накладывать тушь на ресницы, собираясь

упорхнуть на волю, когда в комнату заглянула Зои и со скорбным видом сообщила:

— Мируар вызывает.

— В кабинет? — уныло уточнила я.

— В кабинет, — вздохнула девушка.

Подхватив сумочку, в которой хранились жалкие остатки аванса, кои собиралась спустить на подарки, я мазнула по губам помадой и отправилась вниз на очередное пыточно-воспитательное общение с мируаром.

— Проходите, мирэль Тонэ, — более чем прохладно повелели мне.

— Вообще-то у меня выходной, мируар Демаре, — в моем голосе тепла было еще меньше.

Его величество все-таки изволили оторваться от белеющего на столе вороха документов и вскинули на меня свой по-королевски высокомерный взгляд.

— Мне не нравится, как в последнее время ведут себя девочки.

— По-моему, в кои-то веки они начали вести себя нормально, — заметила я, перекидывая цепочку сумочки с одной руки на другую. — Послушны на занятиях, не огрызаются, как раньше.

Демаре посмотрел на меня так, как если бы собирался придушить этой самой цепочкой.

— Вы прекрасно знаете, о чем я. Девочки подавлены, и ваша обязанность, как няни, решить эту проблему. Но очевидно, что вы не справляетесь.

Помню, помню: я никуда негодная няня.

— Может, вам, как отцу, стоило бы с ними поговорить и объяснить, почему забрали фидруара. Возможно, если бы они поняли...

Закончить мне не дали. Алмазный король откинулся на спинку кресла и резко отчеканил:

— Из-за вас, мирэль Тонэ, возник этот конфликт. Из-за вашей неосмотрительности и беспечности. Вам его и устраниять.

М-да.

— Вам явно не светит звание лучшего отца Ньеरры.

Только когда я это произнесла, поняла, что произнесла очень зря.

Демаре подался вперед, хищно щуря свои льдисто-голубые глаза.

— Вы забываетесь, мирэль Тонэ.

— Ну так, может, уволите меня, такую забывчивую? — предприняла очередную отчаянную попытку вырваться.

— Не искушайте, мирэль Тонэ, — с гангстерской усмешкой заявили мне.

Демаре поднялся из-за стола, медленно обошел его и, присев на краешек столешницы, рядом с мраморным пресс-папье, которым я в мечтах уже не раз стукнула его по лбу, подозрительно мягко продолжил:

— Ведь я действительно могу вас уволить. И что вы тогда будете делать? Снова подадитесь в любовницы директора театра? Или, может, поджав хвост, побежите к Десмонду? Вы, конечно, красивы и соблазнительны, но должен вас разочаровать: такие, как Шерро, надолго не завязывают отношения с такими, как вы, мирэль Тонэ. Так что ни на что особенно не рассчитывайте.

Наверное, плюнь он мне в лицо, и было бы не так обидно. Щеки горели, как будто на каждой отпечатался след от пощечины. И неважно, что говорил он сейчас о Селани. Я чувствовала себя униженной, как если бы меня только что сравняли с плинтусом.

И ведь действительно же сравнял, непрозрачно намекнув, что девушкам вроде Селани Тонэ не светит ничего, кроме должности няни и любовницы баловней судьбы вроде Шерро и Демаре.

— Я передам Десмонду ваше о нем и обо мне мнение, мируар. Сегодня же за обедом.

На лице алмазного гада отчетливо обозначились желваки. Лишь на мгновение, а потом оно снова стало непроницаемым.

— Если это все, я бы хотела отправиться по своим делам.

— Идите, Селани, — холодно бросили мне, возвращаясь на свой трон за столом. — И решите проблему с моими дочерьми.

Я не сумела отказать себе в удовольствии: громко хлопнула напоследок дверью, ругнулась вполголоса и в который раз вспомнила о том, как сильно ненавижу этого чертового магического Аль Капоне.

Успокоилась не сразу, где-то уже на подходе к «Единорогам на радуге». Нет, так называлась не психбольница и не наркозабегаловка, а большой магазин игрушек, заглянуть в который мне посоветовали девочки. Анжель порой покупала там подарки для своей трехгодовалой дочери, Линна иногда баловала младших сестер. Когда некий алмазный жлоб (я никак не могла простить ему историю с авансом; впрочем, как и все остальное) удостаивал прислугу премиальными. Полагаю, что исключительно по великим праздникам.

— Магазин дорогой, но иногда там бывают очень хорошие скидки, — обнадежила меня Линна.

— А выбор-то какой! — мечтательно закатила глаза Анжель. — Недавно я купила своей малютке пупса, который плачет, смеется и ползает. Стоил он, конечно, немерено, но Мири от него в восторге, нигде с ним не расстается.

Широкая мраморная лестница уводила к не менее широким стеклянным дверям, миновав которые я оказалась в царстве радуг и единорогов. И те, и другие в магазине, к слову, имелись. Под высоченным потолком-полусферой простирались голограммические (или правильнее будет сказать магографические?) радуги, по которым скакали белоснежные красавцы с серебряными рогами. Всякий раз, когда какой-нибудь из единорогов тряс гривой, с нее струилась

иллюзия бриллиантовой пыли, что постепенно рассеивалась и таяла в воздухе.

Несмотря на ранний час, в этом раю для малышни было полно народа. Дети улыбались, восторженно крутили головами и, словно мотыльки к пламени, слетались к полкам с игрушками. Магазин был огромен! Дня не хватит, чтобы его обойти, а у меня оставалось от силы полчаса до встречи с Селани. Обогнув пиратский корабль размером с внедорожник, я приблизилась к золоченому возвышению, на котором стояла самая любимая девичья игрушка. Ростом кукла была с близняшечек, если не выше. Она смотрела на меня своими большими глазами-кристаллами и улыбалась. А стоило подойти ближе, как кукла словно ожила. Розовые губы раскрылись шире, и я услышала чарующий голос.

Кристин бы от такого подарка пришла в восторг. Ну а я — в ужас. От бирки с ценником, перехватывающей изящное запястье куклы. Посчитав количество выведенных на ней ноликов, я поспешила отойти от магпевицы и принялась изучать полки с игрушками попроще.

В итоге так ничего и не выбрала. Если здесь и бывали скидки, то мне не повезло на них наткнуться. А за те деньги, что остались от злополучного аванса, в «Единорогах» можно было приобрести разве что один рог разрекламированной игрушки или пару плюшевых фидруарчиков скромных размеров.

Если честно, я не собиралась баловать близняшечек. Просто хотела подарить им что-нибудь недорогое, но симпатичное на память. Я всегда поздравляла с днем рождения своих малышей в садике. Не стану делать исключения и сейчас. Какие бы проступки порой не совершили дети, они все равно остаются детьми. И Аделин с Кристин, как и мои ребята, тоже нуждаются в любви и внимании. Возможно, даже больше, чем другие. Раз уж им так не повезло с папашей, а мать вообще непонятно куда подевалась.

Отложив покупку подарков на ближайшее будущее, я отправилась на встречу с бывшей актрисой. Тихая уличка привела меня к уже знакомому заведению «У Лолы». В этот раз я пришла первой и заняла

тот самый столик под светлым тентом, за которым мы сидели пару дней назад. Молоденькая официантка, приветливо улыбнувшись, протянула мне кожаную папочку с вытесненным на ней названием кафе и побежала принимать заказ, а я принялась скользить рассеянным взглядом по строчкам меню.

Интересно, удалось Селани еще что-нибудь выяснить, или единственное, на что она рассчитывает — это на путешествие в Ланси? Я пока что больше упovalа на то, что смогу связаться с Мишой, и считала дни до новолуния.

Пока ждала хозяйку своего временного тела, успела выпить два вьярна с густой кремовой пенкой — местный аналог капучино, сгрызть хлебную палочку и пролистать газету, позабытую кем-то из посетителей кофейни.

Прошло уже минут сорок, а Селани все не появлялась. Я не знала что и думать и, если честно, начала раздражаться. Разве так сложно позвонить и предупредить, что встреча отменяется?! Я тут сижу как дура, время свое драгоценное трачу (которого у меня, кстати, в обрез), вместо того чтобы делом заняться: разыскать холм Расцвета и выяснить, как до него добраться из дома алмазного хама.

Кстати, об алмазных хамах. За невысоким ограждением, густо увитым зеленью, раздался звучный мужской голос:

— Был рад встрече, мируар Демаре.

Я резко вскинула голову. От его сволочного величества меня отделяла каких-то пара метров и живая изгородь, вдруг показавшаяся мне слишком редкой, почти прозрачной. Тонкие веточки с крошечными листиками и мелкими цветами — так себе прикрытие.

— Я бы не отказался от вьярна. Не составите мне компанию, мируар Гроссо? — кивнул Демаре в сторону кофейни.

Я почти почувствовала на себе его колючий взгляд — к счастью, вовремя успела пригнуться. Не отдавая себе отчета в том, что творю, плавно стекла со стула и присела на корточки, сделав вид, что что-то ищу. Монетку там уронила или сережка отцепилась.

— Увы, я спешу. На полдень у меня назначена еще одна встреча, — отказался от предложения незнакомец в строгом темном костюме, и я уж было понадеялась, что Демаре, оставшись без компании, тоже уберется отсюда подальше.

Не тут-то было. После крепкого рукопожатия и слов прощания мужчины расстались, и правитель всея Ньеरры широким шагом направился в кофейню. В отличие от незнакомца, на бриллиантовом козле сегодня были светлые брюки и легкая рубашка с двумя расстегнутыми вверху пуговицами, а на скулах, как ни странно, даже следа небритости не наблюдалось. Зато все остальное было как раньше: в руке — неизменный портфель, на роже — традиционное железобетонное выражение.

Понимая, что еще одной встречи с Демаре моя психика сегодня не перенесет, и тогда я точно сорвусь и выскажу все, что думаю о его скотстве, я стала осторожно, насколько позволяла узкая юбка, пригибаясь, пробираться к противоположному выходу из кофейни.

Немногочисленные посетители «Лолы» поглядывали на меня с недоумением, но мне сейчас было не до немногочисленных посетителей.

Не хочу видеть Демаре. Не хочу слышать его то колющий холодом, то травящий ядом насмешки голос. Не хочу находиться с ним в одном пространстве!

В одном мире, если честно, тоже не хочу, но пока что выбирать не приходилось. Единственное, что было в моих силах — это скорее отсюда уйти и...

— Мирэль, вы забыли заплатить! — пронесся над забегаловкой громкий оклик официантки.

Черт! Черт! Черт!

Застигнутая врасплох, я резко дернулась вперед. Каблук угодил в выбоину в асфальте, нога неестественно вывернулась, и я почувствовала, что падаю. Шов на бедре подозрительно затрещал, я не

сумела удержать равновесия и приземлилась на колени, чтобы в следующий момент услышать ненавистное:

— Мирэль Тонэ?

Приподняв голову, по старой добной памяти уперлась взглядом в до блеска начищенные туфли Фернана Демаре.

— Чем это вы тут занимаетесь? — поинтересовался он ровным голосом.

— Пытаюсь уйти, не заплатив. Разве не видно?! — огрызнулась я, чувствуя себя зажженной свечой. От всеобщего внимания и шепота, ураганной волной прокатившегося над забегаловкой. Щеки горели, даже холодноющий взгляд бриллиантового кошмара не сумел погасить пожар внутри.

— И вам не стыдно?! — ахнула материализовавшаяся рядом официантка. Уперла руки в бока, воинственно пригрозив: — Мне придется вызвать полиссаров!

— Это была шутка. У мирэль просто своеобразное чувство юмора, — прервал ее на втором негодующем «ах» Демаре и протянул мне руку.

Собиралась от нее отмахнуться, но резкая боль в лодыжке ясно дала понять, что сама я подниматься буду долго и нудно.

— Вы в порядке? — Демаре помог мне устроиться за ближайшим столиком, сам занял место напротив.

— В полном, — буркнула я, замерев на стуле, боясь лишний раз пошевелить пострадавшей конечностью.

— От меня сбегали? — сощурился он.

— Не было ни малейшего желания с вами пересекаться.

— Я так вам неприятен?

Еще и спрашивает!

— А вы сами-то как думаете? — Я потянулась за сумочкой, которую его величество, подобрав с земли, положил на край стола. — И вообще, что вы здесь делаете? Город большой, кафе в нем море, но вас угораздило оказаться именно «У Лолы»!

— Я встречался с детективом, что ведет дело Жизель, — кивнул он на серое, совершенно невыразительное здание через дорогу, над входом в которое темнела надпись «Полицитариат Мальмара». — А не то, о чём вы подумали.

Закинув ногу на ногу, велел официантке принести ему двойного вьярна, а также «все, что пожелает мирэль».

— Спасибо, но мне ничего не надо, — отказалась я, доставая из ридикюля купюру, чтобы расплатиться за свой заказ.

Демаре подался вперед, собираясь меня остановить, накрыв мою руку своей. Я резко подтянула к груди сумочку, только чтобы избежать очередного прикосновения (от прошлого еще рука горела, как если бы несколько минут держала ее в кипятке).

Мужчина негромко хмыкнул и, выпав из амплуа джентльмена, спросил:

— Десмонда ждете? — Пауза, после которой последовала традиционная издевка: — И давно?

— Вас это не касается, — холодно заметила я.

— Что и требовалось доказать... — задумчиво изрек Фернан.

На нас продолжали смотреть: кто прямо, не стесняясь, кто мельком, кидая искоса взгляды. Лодыжка неприятно ныла, поэтому с порывом дождаться возвращения официантки, выплеснуть в высокомерную рожу обжигающий вьярн, вскочить и уйти с гордо поднятой головой, как собиралась, приходилось повременить.

Впрочем, первая часть плана с каждой секундой казалась все заманчивей и была вполне осуществимой.

— Вам так нравится надо мной издеваться? Что это? Лично я вызываю у вас столь сильную антипатию или вы в принципе не

выносите женщин? Тогда не удивительно, почему исчезла Жизель.

Голубые глаза сверкнули, как ледники в Арктике под холодными солнечными лучами. Но в тот момент мне было не до его глаз и уж тем более не до его задетых чувств. Наоборот, хотелось наступить на большую мозоль посильнее, в отместку за то, что не раз топтался по моей уязвленной гордости. Чтобы почувствовал то же, что постоянно чувствую в его присутствии я!

— Что бы ни делала, как бы ни старалась угодить вашей семье, вы всегда находите, к чему придраться. Я лажу с вашими дочерьми лучше, чем все их предыдущие няни. Слышала, что близняшки с ними вытворяли... Что после исчезновения матери стали совсем неуправляемыми. Никто не мог с ними справиться. А у меня получается! И тем не менее вы делаете все возможное, чтобы я вас оставила! В первую очередь вы, а не они! Так скажите мне, мируар Демаре, чем я заслужила такое к себе обращение? И потом не удивляйтесь, что при виде вас единственное мое желание — это бежать! Куда подальше и без оглядки. Только чтобы не находиться рядом!

Его взгляд потемнел, становясь грозовым, если так можно выразиться о взгляде. О демареновском можно было точно. Того и гляди над нами грянет гром, и в стол ударит молния. Однако начав говорить, я уже не могла остановиться. Лучше выплеснуть все, что думаю и чувствую, какими бы ни были последствия, чем продолжать еще неизвестно сколько держать это в себе.

Не впечатлившись исходящей от его мируарства штормовой мрачностью, набрала в легкие побольше воздуха и язвительно продолжила:

— И как это вас угораздило сесть за один столик с *такой, как я?* — сделала ударение на окончании фразы, напоминая об утреннем нервотрепании. — Если вы даже у себя дома считаете зазорным садиться за обеденный стол с няней своих детей! А ведь здесь мы у всех на виду.

— Мне нет дела до всех, — сказал он и умолк.

Где-то с минуту лениво подносил к губам чашку, при этом пристально на меня глядя, как если бы пытался прочесть все то, что я о нем думала и что еще не успела озвучить. А думала я в основном нецензурное.

— Я не хотел вас обидеть, мирэль Тонэ, — наконец заявил Демаре.

— Я так и поняла...

— Наверное, сегодня в кабинете я был с вами слишком резок и неправильно выразил свои мысли.

— О том, что я могу надеяться лишь на роль временного развлечения для таких, как вы и Шерро?

— При чем здесь я? — раздраженно поморщился Демаре, резко опуская чашку на блюдце. Как та не треснула — не представляю. Несколько капель въярна выплеснулись наружу и темными горошинами рассыпались по светлой скатерти, одна проступила на мишуарской манжете с золотой запонкой, инкрустированной, ясное дело, драгоценными камнями.

— Ох, простите, в случае вашего величества я даже этой роли не заслуживаю, — внутри горчило от обиды. Даже крепкий въярн без сахара, который так любил Демаре, сейчас показался бы мне сладче меда и варенья вместе взятых.

— Селани! — закатил он глаза. — Вы опять извращаете мои слова. Я всего лишь пытался уберечь вас от разочарования. Десмонд из тех мужчин, которые меняют любовниц чаще, чем вы ходите по магазинам. Если он с кем и завяжет серьезные отношения, так только с какой-нибудь богатой наследницей. Вот что я имел в виду, когда говорил, чтобы вы на многое не рассчитывали. Дело не в вас, а в нем.

Сказав это, Демаре сосредоточился на своем кофе. Въярне то есть. А я на ажурной кайме, пущенной по краю скатерти. В тот момент она казалась куда более занимательной, чем блуждавший по моему лицу пристальный взгляд его алмазновеличества.

«Благодарю за разъяснения, но мне пора. Аревуар», — хотела уже попрощаться, однако не успела поднять на Демаре глаза, как зажмурилась от внезапной вспышки.

— Щелк, щелк, щелк, — раздалось со всех сторон.

Откуда-то справа послышался мелодичный женский голос:

— Мируар Демаре, это новая няня ваших дочерей?

— Какие отношения вас связывают? — а это уже внезапный выпад слева.

— Вы часто выбираетесь с ней на свидания?

— Бывшая актриса и вы: каким представляете ваше будущее?

— Сумеет ли мирэль Тонэ заменить вашим детям мать?

— Что это: любовь или сиюминутное увлечение?

И снова на нас все пялились. К уже знакомым лицам посетителей «Лолы» прибавились новые — журналисты, непонятно откуда здесь появившиеся. Обступив наш столик, они бесцеремонно тыкали в Демаре инкрустированными камнями прямоугольными пластинами. Наверное, местными аналогами диктофонов. Другие не переставали щелкать массивными агрегатами — прадедушками привычных мне фотоаппаратов, раз за разом ослепляя вспышками.

От градом сыпавшихся вопросов я, мягко говоря, обалдела, в то время как его величество ничем не выдал ни своего удивления, ни раздражения. Только уже знакомо на лице обозначились желваки, и на шее, прямо над воротником рубашки, запульсировала синяя жилка.

Не отвечая на вопросы папарацци, попросту делая вид, что их рядом нет, Фернан поднялся, и диктофоны тут же нацелили на меня, видимо, посчитав более легкой добычей.

— Мирэль Тонэ, вы любите Алмазного короля?

— А может, его капиталы?

— Вы уже с ним спали?

Ну здравствуйте!

От всего происходящего шла кругом голова.

— Мы уходим, — решительно сказал Демаре, извлекая из бумажника купюру и бросая ее на стол.

Я собиралась последовать его примеру: не деньгами разбрасываться, а спешно подняться. Но подняться не получилось в принципе. Пока сидела, не шевелясь, неприятные ощущения почти прошли, а стоило наступить на пострадавшую в попытке бегства ногу, как в глазах потемнело от боли. Шипя сквозь зубы, опустилась обратно.

— Лодыжка, — ответила на невысказанный вопрос алмазного.

Подвинув одного из фотографов с таким видом, как если бы перед ним стоял не человек, а отслуживший свой век унитаз, Демаре опустился передо мной на колени.

— Не все же вам оказываться у моих ног, — тихо пошутил он.

Пошутил? Наверное, это какой-то другой Алмазный король.

Не обращая внимания на вспышки камер (так и хотелось выхватить каждую и расколошматить о головы неугомонных охотников за новостями) и бесконечные, выливающиеся на нас каверзные вопросы, он осторожно избавил меня от туфли, после чего бережно дотронулся до щиколотки. Дотронулся едва, одними подушечками пальцев проведя по ажурному плетению чулка, а у меня появилось желание взвыть в голос.

— Ай! — не сдержавшись, все-таки вскрикнула я, когда он надавил чуть сильнее.

— Здесь болит?

Кивнула, кажется, уже сквозь слезы, потому что боль возвращалась. Стремительно, резко, концентрируясь и пульсируя в одном месте.

— Что вы будете делать, если вернется мирэль Жизель? — Невысокая раскосая девица с волнистым каре попыталась подсунуть диктофон ближе.

— Разойдитесь! — гаркнул Демаре, раздраженно оглянувшись на журналистов.

Но те как будто его не слышали, продолжали засыпать нас вопросами.

— Разойдитесь немедленно, иначе уже сегодня останетесь без работы. Все! — теряя терпение, прорычал он, вырастая над творцами желтухи, и те отхлынули к живой изгороди.

Однако фотографировать не перестали. Как не переставали молоть языками посетители кафе и прохожие, остановившиеся понаблюдать за всем здесь происходящим.

Меня легко подхватили на руки и под прицелом множества взглядов понесли из кафе, через дорогу и дальше к припаркованному за углом автомобилю.

Я честно старалась абстрагироваться не только от боли, но и от горько-вишневого аромата дыма, что ощущала всякий раз, стоило Демаре оказаться ко мне слишком близко. А ближе, чем сейчас, просто быть не могло. Ну то есть могло, конечно... Но даже думать об этом было преступлением. Преступлением вспоминать о злосчастным поцелуе, который я всеми силами пыталась забыть. А сейчас, как назло, вспомнила.

На свою голову.

— Я бы и сама дошла, — разозлившись на себя из-за непрошенного, так не вовремя обрушившегося непонятного чувства, из-за близости мужчины, которого искренне ненавидела (ненавидеть еще искреннее просто невозможно), заявила я.

— Скорее, доползли бы, — опуская меня на заднее сиденье машины, проговорил Демаре. — Но, по-моему, вы и так уже достаточно сегодня наползались. Надеюсь, больше не станете от меня сбегать, мирэль Тонэ. А с Шерро я сам поговорю.

Я нахмурилась.

— Поговорите о чем? — спросила, когда он сел за руль.

— О вас. О том, чтобы прекратил вас донимать. Иначе будет иметь дело со мной.

Кристалл утонул в замке зажигания, или как он у них тут называется, а я утонула в мягком кожаном сиденье и мужском аромате, который в салоне автомобиля ощущался еще сильнее: травяная горечь одеколона и горчинка дыма без намека на сладость.

Мелькнула мысль, что этот запах подходит Демаре идеально.

— Считаете себя вправе распоряжаться моей судьбой? Вообще-то я уже взрослая девочка и сама знаю, с кем мне можно встречаться, а с кем нет.

— Похоже, вы не услышали ни слова из того, что я вам сказал, мирэль Тонэ, — вырнувшись из переулка, проговорил Демаре, и в зеркале заднего вида я поймала его взгляд. — Но спишем это не на вашу глупость, а на ваше состояние. Если вы не собираетесь держаться от Десмонда подальше, то он будет держаться подальше от вас. Моим детям нужна няня, мысли которой не будут заняты всякой ерундой. Разговор окончен, мирэль Тонэ.

У-у-у!

— Не окончен! — возразила я и сложила руки на груди. — Я еще не сказала все, что о вас думаю.

— Могу представить, что вы обо мне думаете.

— С вашей ограниченной фантазией — сомневаюсь.

— Это у меня ограниченная фантазия?! — глаза Демаре сверкнули, даром что меня не пронзило лазерными лучами через зеркало заднего вида.

— Не только фантазия. У вас очень ограниченный взгляд на женщин, — хмыкнула я.

— Да неужели?

— Именно. Видимо, вы считаете, что они рождены исключительно для того, чтобы оттенять такие бриллианты, как вы или мируар Шерро. А когда срок действия подходит к концу, рассыпаться алмазной крошкой у ваших ног.

— Зато у вас богатая фантазия, мирэль Тонэ.

— Вы даже не представляете, насколько, — я вскинула брови.

— Куда уж мне. С моей ограниченной, — хмыкнул он.

— Вот именно, — согласилась я.

И демонстративно отвернулась.

— Судя по вашему виду, разговор окончен? — поинтересовалось это драгоценное парнокопытное.

Я сделала вид, что рассматриваю высаженные вдоль дороги цветочки, и к счастью, настаивать на продолжении беседы Демаре не стал.

Михаил Соколов

Мерный гул океана успокаивал, но даже его мощные, накатывающие на берег волны не могли смыть чувство вины. Которое возрастало с каждой пойманной женской улыбкой, адресованной ему. Сидя за барной стойкой пятизвездочного отеля Доминиканы, он мрачнел все больше и больше. Не спасали от тяжелых мыслей даже шелест пальмовых листьев, едва заметно покачивающихся под порывами ветра, и пьяная атмосфера бесконечной гулянки.

— Мих, ты чего опять скис? — Андрей подмигнул темнокожей девушке и отсалютовал ей бокалом и ослепительной улыбкой.

— Ничего.

Не желая портить другу настроение и в очередной раз поднимать одну и ту же тему, Михаил поднялся.

— Я лучше пойду.

— Ты — что? — Андрей подскочил, чудом не расплескав виски.
— Куда? Время ж еще детское. Даже двух нет.

В отеле восемнадцать плюс, в котором они остановились, веселье продолжалось двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Вопли с пенной дискотеки из бассейна, отрезанного от бара огромным газоном, долетали сюда сквозь музыку и голоса аниматоров.

— Я пойду, — упрямо повторил Михаил.

Его не покидало ощущение, что он все сделал неправильно. Но с этим отдыхом изначально все было неправильно, он не должен был ехать.

— Ну как знаешь, — буркнул друг, понимая, что спорить бесполезно. И добавил: — Зануда.

Михаил махнул рукой, оставив на стойке недопитый ром и двадцать долларов чаевых. Что касается Андрея, он тут же развернулся к темнокожему бармену в пестрой рубашке, напевающему себе под нос «Деспозито», и заказал два коктейля: видимо, собирался на штурм красотки, которая накручивала на палец тугой темный локон, многообещающе улыбаясь. А вот ее подружка проводила Михаила разочарованным взглядом, но это его не остановило.

Быстрым шагом направился он по дорожке, ведущей к дальнему корпусу, в котором располагались их номера. Мимо ресторанов а-ла карт, мимо импровизированного театра, где сегодня выступала какая-то местная группа. Под визги гостей, под звучный голос солистки, вспарывающей тишину, Михаил прошел через лобби, кивнув приветственно ночному администратору, пересек мостик и оказался у своего корпуса.

Здесь было значительнотише, и Соколов остановился. Сунув руки в карманы брюк, запрокинул голову.

На темном небе рассыпались звезды. Часть из них стирали наползающие тучи, часть перекрывал свет фонарей, вокруг которых

вились ночные мотыльки. В детстве, когда отец с матерью уезжали в командировки, он выбегал на балкон и подолгу смотрел на звездное небо: ему казалось, что так он становится ближе к родным. Ведь небо и звезды везде одинаковые, а значит, если родители сейчас просто посмотрят вверх, можно представить, что они совсем рядом.

С тех пор он повзрослел и прекрасно понимал, что небо везде разное.

И что никакие звезды не сумеют объединить, если вы находитесь на разных континентах.

А если в разных мирах?

Усмехнувшись своим мыслям, Михаил тряхнул головой и резко шагнул вперед. Чтобы налететь на спешившую куда-то сотрудницу отеля. То, что женщина падает, отметил молниеносно, на реакции, которая сохранилась после службы в военно-воздушных силах. Поэтому и успел подхватить, не дав ей удариться о бледно-голубую плитку пола.

— I'm sorry, — произнес на английском и тут же повторил на испанском: — Lo siento.

К удивлению Михаила, женщина не спешила отнимать руку и вообще смотрела на него как-то странно. Ноздри ее широкого носа, характерного для афроамериканцев, едва уловимо шевельнулись. Он же успел отметить только форменную одежду, стянутые в тугой пучок черные блестящие волосы и имя на бедже, Мария.

— Потерял нечто дорогое? — спросила она на отличном английском.

Прежде чем Михаил успел ответить, стянула его руку со своей, как если бы снимала браслет, и добавила:

— Я могу помочь.

— О чём вы? — непонимающее спросил он.

— О ком, — она смотрела на него, не мигая.

Из-за того, что они были достаточно далеко от фонарей, а еще из-за насыщенно-темного цвета ее глаз зрачки были практически не видны. Создавалось такое чувство, что он смотрит в бездну.

— Твоя девочка очень далеко и назад не вернется. Обратного пути нет. Но тебя я могу к ней перенести, если захочешь. Если не побоишься. — Она широко улыбнулась, обнажив крупные зубы. — Легко не будет, зато ты будешь с нею. Подумай и, если решишься, найдешь меня. Найдешь — значит, готов. Сам знаешь, что не просто так здесь оказался, что не случайно тебя сюда занесло.

Прежде чем Михаил успел ответить, она обошла его и широким шагом направилась в лобби. Глядя вслед странной сотруднице отеля, он просто не мог поверить в то, что услышал.

Слова Лили еще можно было списать на самый обычный бред, она действительно воспитывалась в цыганской семье, и там ей могли навешать на уши какой угодно лапши, в том числе и магической. Но то, что сказала эта женщина, Мария, просто не укладывалось в голове.

Откуда она знает про Иру?

Разумеется, ее заявление («Сам знаешь, что не просто так здесь оказался, что не случайно тебя сюда занесло») можно трактовать как угодно, но то, как он оказался в Доминикане, и правда было очень и очень странно.

Сначала они выбрали отель в Эмиратах, но перед самым отъездом обанкротился туроператор, через которого должны были лететь. Буквально за сутки, разумеется, отменили и рейс, и бронь отеля. Михаил не успел облегченно выдохнуть, как Андрей приволок путевку в Доминику и сказал, что это было единственное приемлемое, что удалось достать в рекордно короткие сроки.

Но что самое странное — он сразу же согласился лететь.

Бывает такое состояние, когда что-то делаешь, а потом пытаешься понять — и как только тебя угораздило? Вот и у него было примерно так. Он махнул рукой, а в себя пришел уже в кресле

самолета над Атлантикой. Все больше недоумевая, каким местом думал, когда соглашался на эту авантюру. Ведь не хотел уезжать так далеко от Иришки!

Потом разговорился с Андреем (который, недовольный его мрачной физиономией, в шутку просил поменять его место в бизнес-классе на Space+ или на любое обычное «ноги за уши») и тот признался, что были еще варианты Кубы и Мексики, но на отели в этих направлениях у менеджера категорически отказывалась проходить бронь. В общем, что хочешь, то и думай.

Но что тут думать, если это просто менеджер криворукая не удосужилась стрясти с системного администратора нормальную работу системы. Или что Андрею не хотелось особо заморачиваться.

Магии не существует.

Других миров не существует.

Андрей прав, он действительно слегка не в себе, если ищет сверхъестественную возможность вернуть Иришку. И сейчас рассуждает о подобной ерунде.

Напоследок оглянувшись (зачем, и сам не понял) на ведущий в лобби пустынный мостик, Михаил решительно зашагал в сторону своего корпуса.

Глава 13

Детективная история, или страшный чердак

Ира Илларионова

Утро началось с того, что у меня пропала туфля. Одна стояла на полочке, аккуратненько так на своем месте, а вторая бесследно исчезла. В попытках ее отыскать я заглянула под кровать и всюду, куда только можно было заглянуть, но пропажа так и не обнаружилась. Все очень смахивало на проделки близняшек, поэтому я вздохнула и отправилась распаковывать запасной вариант:

лакированную пару нежно-сиреневого цвета с тонкими ремешками, обхватывающими щиколотки.

Потом быстро умылась, привела себя в порядок и направилась к девочкам — будить, собирать их к завтраку, а заодно проводить расследование и вызволять из плена туфлю. Не разгуливать же мне в этом супер-модельном чуде, которое я вообще непонятно зачем купила.

Вчера мне на лодыжку нанесли какую-то мазь с кристальной крошкой, поэтому уже к вечеру от неприятных ощущений не осталось и следа. Честно говоря, я бы не отказалась, чтобы и в нашем мире так же легкоправлялись с растяжением связок. И не только с этим, если вспомнить сердечный приступ Жульена.

В детской меня поджидал сюрприз.

И тоже неприятный.

Аделин мирно посапывала, подложив ручки под щечку, а Кристин... бесследно исчезла, как и моя туфля.

Первым делом я бросилась в ванную, но она была пуста. Распахнула дверцы шкафа с многочисленными нарядами близняшек — та же история. Моя суeta разбудила Аделин, и она села на кровати, забавно моргая спросонья глазами.

— Мирэль Тонэ, доброе утро.

— Где твоя сестра?! — воскликнула я.

Это было не слишком вежливо, и конечно, Кристин могла выйти из комнаты, чтобы просто побродить по дому, но я в этом очень сильно сомневалась.

Аделин растерянно огляделась.

— Не знаю...

На то, что она знала, было действительно непохоже: слишком растерянной и сонной выглядела девочка. Уж что-что, а отличить спящего ребенка от притворяющегося я сумею.

— Так... — Я сложила руки у груди, пытаясь успокоиться. — Вы опять поссорились?

Аделин плотно сжала губы и мигом надулась.

— Аделин! Это не шутки. Я же просила вас не ругаться.

— А я не ругалась! — выпалила девочка. — Она первая начала!

— Неважно, кто первый начал, — вздохнула я. — Важно, что вы, близнецы — самые близкие друг другу люди, не можете найти общий язык и не хотите нормально поговорить.

Аделин опустила голову и надулась еще больше.

— Но это тоже сейчас неважно. Важно найти твою сестру. Куда она могла пойти?

— На чердак? — неуверенно предположила близняшка.

— Почему на чердак? — удивилась я.

— Она всегда туда убегает, когда мы ссоримся, а я не могу за ней пойти, потому что его боюсь.

— Кого?

— Чердака, — почему-то шепотом сказала Аделин. И добавила, округлив глаза: — Он страшный!

— Как туда попасть?

— Идете до конца по коридору, потом направо. Потом до кладовой, где горничные держат тряпки и ведра. Потом по лестнице поднимаетесь наверх и... — Девочка поежилась. — Там чердак. Но там правда страшно, мирэль Тонэ.

— Ладно, — сказала я, решив, что уж с чердаком-то как-нибудь справлюсь, — обещай, что подождешь меня здесь. Я найду Кристин и вернусь, хорошо?

Аделин кивнула и подтянула одеяло повыше.

— Можешь пока выбрать, в чем хочешь пойти на завтрак.

— А разве так можно?

Действительно, мало кто спрашивает у детей, во что они хотят одеться. Да что там! Я сама хороша — обряжала их в платья, которые нравились мне.

— Так нужно, — улыбнулась я. — Выбирай.

— Все, что захочу? — у Аделин загорелись глаза.

— Все, что захочешь, — подтвердила и быстро вышла из комнаты.

Искренне надеясь, что действительно найду Кристин на чердаке, и что он страшный исключительно потому, что в представлении Аделин там живет помесь бабайки с их отцом. Убийственное получилось бы существо.

Честно сказать, вчера после нашего возвращения Демаре вел себя на удивление мирно и даже ни разу не поминал женщин легкого поведения. Возможно, потому, что в машине мы с ним больше не разговаривали, а потом столкнулись только вечером, когда я укладывала девочек, а он зашел пожелать им спокойной ночи.

Поплясав немного в дверях (как вежливые люди, которые стараются уступить друг другу дорогу на узком мосту), мы тихо-мирно разошлись в разные стороны.

Свернув с мыслей об Алмазном короле, я заодно свернула в коридор, ведущий на чердак. Миновала подсобку, поднялась по старенькой лестнице и толкнула дверь.

— Кристи... апчхи!

Слой многолетней пыли покрывал все вокруг: занавешенную тканью мебель, всякие безделушки, составленные прямо на пол, какие-то свернутые холсты и тканью же затянутые картины в рамках. Словом, здесь было все, чем может похвастаться приличный чердак, и не было того, чего быть не должно — солнечного света. Его пожирали плотные шторы, прикрывающие несколько небольших

окон. А поскольку больше здесь освещению было взяться неоткуда, даже я почувствовала себя не в своей тарелке.

Нет, страх темноты у меня давно прошел, но в таких местах в голову не придет прыгать до потолка от радости.

— Кристин! Если ты здесь, выходи, пожалуйста. — Я подошла к ближайшему окну, чтобы раздвинуть шторы.

Крак!

Половица под моей ногой провалилась вниз. Слава богу, второй раз свернуть лодыжку не успела: каблук и подошва тут же уперлись во что-то твердое.

Глубоко вздохнув, я вытащила ногу и с бешено бьющимся сердцем медленно отступила назад.

Да, чердак действительно страшноватый, надо будет сказать Демаре, чтобы его либо привели в порядок, либо закрыли. Потому что если сюда бегает Кристин...

Теперь уже ступая крайне осторожно, подошла и отдернула тяжелую ткань. Меня снова окатило пылью, но на этот раз я предусмотрительно прикрыла нос рукой. Солнце плеснуло через оконце, осветив заваленное хламом помещение, и я огляделась. Определенно, Кристин тут не было. Весь хлам был свален исключительно у входа, а дальше чердак пустовал.

Направилась было к выходу, когда луч солнца, словно прожектор, высветил под ногами что-то блестящее. Невольно опустила взгляд — в разломе между досками поблескивал позолоченный корешок... книги?

Зачем кому-то прятать на чердаке книгу?

Наклонившись, увидела выбитые на темно-изумрудной обложке инициалы: «Ж.Д».

Жизель Демаре?!

Это ее записная книжка? Или дневник?

Потянулась было к корешку, но тут же отдернула руку. Лучше расскажу о своей находке Демаре. Это ведь теперь вроде как улика.

Вот детективов я в свое время перечитала бесконечное множество, поэтому ума хватило не тронуть то, что скрывала подгнившая половица. Сюда нужно полицию, пусть они во всем разбираются, но сначала я найду Кристин.

Вернувшись в детскую, обнаружила, что Аделин выбрала малиновое платье, желтый бант и ярко-зеленые туфельки. Когда я вошла, она как раз раскладывала все это на кровати и, услышав мои шаги, обернулась. А увидев, что я одна, мгновенно перестала улыбаться.

Вопрос о том, не появлялась ли Кристин, отпал сам собой. Напряженно кусая губы, я пыталась понять, что делать дальше, когда взгляд зацепился за книжку с «живыми» картинками.

Маленькая певица.

Беседка!

— Кажется, я знаю, где искать твою сестру! — проговорила возбужденно. — Подожди еще немного, хорошо?

И пулей вылетела из детской. Спустившись по лестнице, пробежала по узкому коридорчику и толкнула стеклянные двери, что вели в сад. Бассейн уже восстановили, правда, он пока не работал, мимо него я тоже промчалась вприпрыжку, подтянув платье повыше, чтобы не мешало бежать. Хватит и того, что мои движения сковывают модельные туфли, а перспектива снова лечить лодыжку совсем не воодушевляла.

На подлете к беседке я замедлила шаг и, глубоко вздохнув, одернула юбку. Не хотелось бы предстать в неподобающем для няни виде перед Кристин, а в том, что найду ее именно здесь, я не сомневалась.

И оказалась права.

Сквозь звон сверкающих на солнце струй фонтана доносились тихие всхлипы. Еле слышные, поэтому я, намеренно громко ойкнув, подождала, пока все стихнет, и поспешила в беседку. Кристин сидела ко мне спиной, облокотившись на ажурные перила.

— Уходите! — буркнула она сердито, стоило мне застучать каблуками по ступенькам.

— Аделин очень расстроена, — сказала я, делая шаг к девочке и осторожно присаживаясь на краешек скамьи рядом с нею.

— Можно подумать, мне есть дело до того, что она расстроена!
— Кристин скрестила на груди руки.

— Разумеется, есть. Вы же сестры.

Она промолчала, а после громко шмыгнула носом.

— С чего вы взяли, что Аделин расстроена из-за меня?

— Она сама мне об этом сказала. — Ближе я решила не пододвигаться, чтобы не спугнуть девочку.

— Так и сказала? — в ее голосе слышалось недоверие.

— Не словами. Глазами. А глаза никогда не лгут. Она очень переживает из-за вашей ссоры.

— Правда? — Кристин по-прежнему не оборачивалась.

— Правда. И я тоже. Больше всего на свете мне хочется, чтобы вы помирились и чтобы у вас все было хорошо.

— А я вам не верю! — Девочка развернулась так резко, что чудом не задела меня ногой в застегнутой не на то деление сандалии.

Залитое слезами лицо, упрямо сжатые губы и непокорные, торчащие во все стороны кудряшки, которые она как умела перевязала лентой.

— Почему? — спросила я, глядя ей в глаза.

Не ожидавшая такого вопроса, Кристин растерялась.

— Разве я сделала что-то, что могло заставить тебя усомниться в моих словах?

— Вы рассказали папе про кольца!

— Что? — теперь уже растерялась я.

— Да! — Кристин прерывисто вздохнула. — Это вы ему пожаловались, и теперь мы больше не можем использовать магию! Вы нас выдали из-за фидруара! А я... я... — ее глаза блестели от слез. — Я не хотела, чтобы его забирали. Хотела, чтобы он был с нами! Но вы меня тогда сильно отругали. Это вы виноваты!

Выпалив все это на одном дыхании, она вскочила на ноги.

— И мне бы тоже хотелось, чтобы он был с нами. Клянусь, я ни слова не сказала о кольцах вашему отцу. — Я опустилась на корточки перед девочкой и заглянула ей в глаза. — Кристин, посмотри на меня. Зачем мне вас выдавать, когда мы только-только подружились?

Пару мгновений она молча смотрела на меня, а потом воскликнула:

— Значит, Жужжен! Подслушал, когда мы с Аделинссорились из-за Реми. Ну, я... Я ему устрою!

Кристин сжимала и разжимала кулаки, глаза ее сверкали, и я поспешила отвести громы и молнии от головы местного дятла.

— Не стоит. Все равно ты ничего этим не изменишь, только хуже сделаешь.

— Почему?

— Потому что если отвечать злом на зло, добра в мире больше не будет.

— А я не хочу отвечать на зло добром! — Она упрямо топнула ногой.

— И не надо. Когда злишься, нужно думать о тех, кого любишь. Очень-очень сильно, и сразу становится легче.

— Я люблю маму... но она... она пропала, — голос ее дрогнул, и из глаз ручьем полились слезы.

Я осторожно притянула девочку к себе, и, к моему удивлению, она не отстранилась, а порывисто обняла меня в ответ, всхлипывая и вздрагивая в моих руках. Плюхнувшись на пол беседки под бодрый треск платья (второго за два дня), я усадила Кристин себе на колени и, покачивая ее, гладила вздрагивающую спинку ребенка.

Каждый миг
Много лет
Мы с тобой будем вместе
Даже в год
Даже в час
Когда ты станешь невестой

Ближе нет
И родней
Слов не хватит мне чтобы
Ты мой свет
В вихре дней
Проведешь сквозь трущобы

Этот мир
На двоих
Нам судьба подарила
И за это
Его

Я бы благодарила
Каждый взгляд
Каждый жест
Твои смешные косички
Этот мир
На двоих
Родная моя сестричка...

Стоило мне замолчать, как Кристин перестала всхлипывать. Снова шмыгнув носом, тихо спросила:

— Что это?
— Песенка близнецов. Аделин очень-очень тебя ждет и хочет помириться.

Она глубоко вздохнула, запрокинула голову и посмотрела на меня сверкающими от слез глазами.

— Я ее люблю. И папу я тоже люблю.
— Вот видишь, как здорово. — За неимением платка я осторожно стерла слезы с ее щек подушечками пальцев. — Думаю, нам пора вернуться и придумать, что мы наденем к завтраку.

— А так можно?! — удивленно выдохнула девочка.

Я улыбнулась:

— Так нужно!

Мы поднялись, кое-как отряхнулись, и я протянула ей руку.

Подумав, Кристин все-таки вложила в нее свою ладошку, и мы вместе направились к дому. В холле у самой лестницы я остановилась, делая вид, что вспомнила о чем-то важном и очень срочном.

— Ой! Мне нужно на минутку на кухню. Поднимайся, я сейчас догоню!

Кристин кивнула и побежала наверх, а я направилась в сторону кухни. На самом деле мне там делать было нечего, просто хотелось дать сестрам время поговорить, а заодно самой немного успокоиться.

Правда, не успела дойти до конца коридора, как мне наперерез шагнул Жужжен. Точнее, шагнул он не наперерез, просто встречались мы с ним с завидной регулярностью.

К сожалению.

Заметив меня, он отпрыгнул в сторону с такой прытью, как будто увидел не няню, а половозрелого, питающегося исключительно дворецкими фидруара. Лицо его, и без того кислое, при виде меня совсем прокисло, словно он употребил на завтрак с десяток лимонов разом.

Впрочем, сейчас мне было не до его скривившейся физиономии.

Особенно после разговора с Кристин.

— Вас тошнит? — резко осведомилась я. — Или у вас по жизни несварение от собственного мерзопакостного характера? Зачем вы рассказали мируару Демаре про кольца?! Неужели нельзя было сделать это тактичнее?

Жужжен сначала надулся, потом покраснел, а потом еще и нос вздернул.

— И это будете говорить мне *вы*, мирэль Тонэ?

— Больше некому, судя по всему. Я здесь няня, и я отвечаю за девочек. За все, что с ними происходит.

— Няня, — процедил он, словно выплюнул. — Таким как вы самое место в... местах, о которых порядочная публика вслух не высказываеться!

— Что, простите? — Я сложила руки на груди.

Вместо ответа Жужжен сунул мне под нос газету.

На ней Демаре стоял передо мной на колене, а напечатанный большими буквами заголовок гласил: «СКАНДАЛ! Алмазный король снова женится... при живой жене!»

Судя по ощущениям, мои глаза слегка вылезли из орбит. Самую малость, ладно хоть в ладони Жужжену не выкатились. Нет, об умении желтой прессы все извратить я знала и по своему миру, но это оказалось... несколько неожиданно.

— Постыдились бы! — выдал дворецкий. — Скоро живого места на имени мишура Демаре не оставите, бессовестная вы...

Шлеп!

Я не сразу поняла, что произошло, потому что не в моих привычках выдирать из рук дворецких газеты и бить их ими же по голове. Видимо, Жужжена раньше тоже никто не бил газетами, потому что он замер, словно я снесла ему антенну и прервала связь с космосом.

— Читать такое, — теперь уже я совала ему газетенку под нос, — вредно для мозгов. Они разжижаются. Впрочем, в вашем случае это очевидно не страшно, потому что их у вас нет!

— Вы... вы что — только что назвали меня идиотом?!

— Вы поразительно догадливы!

Вернув оторопевшему Жужжену местную прессу, собираясь уже пройти мимо, когда мне прямо в лицо прожужжали:

— Бессовестная развратная девка!

— Этиль.

Голос Демаре прозвучал как-то очень внезапно и настолько зловеще, что у меня даже бюстгальтер встал дыбом. Что же касается Жужжена, то он вытянулся в струнку и разве что хвостиком не завилял. К сожалению, природа не наградила его этой бесспорно необходимой ему частью тела.

Понимая, что встреча с алмазным величеством неизбежна, глубоко вздохнула и обернулась. Чтобы наткнуться на взгляд, от которого мне захотелось залезть за возвышающийся на постаменте чей-то мраморный бюст. Правда, я оказалась стойкой и не дрогнула, когда Демаре приблизился к нам, и уже собиралась сказать ему все, что думаю про него и его дворецкого, когда услышала:

— Немедленно. Извинитесь. Перед мирэль Тонэ.

Моя челюсть не упала вниз только благодаря курсам по фейсбилдингу. По крайней мере, нужные мышцы хорошо держали ее в нужных местах, чего нельзя сказать о Жермене. Его чуть отвисла и даже уши слегка оттопырились в стороны, предательски покраснев.

— Но она... она... Вот! — Закрывшись газетой, как щитом, он развернул ее к Демаре первой полосой.

— Этиль, вы же знаете, как я не люблю повторять, — в голосе его бриллианства звучал металл. — Извинитесь перед мирэль Тонэ, или я вас рассчитаю без рекомендаций.

Судя по выпученным глазам дворецкого, он завис повторно, и я была близка к тому же. Правда, под взглядом Алмазного короля Жужжен очень быстро отвис.

— Прошу прощения, мирэль Тонэ, — пробормотал он, краснея, потом бледнея и покрываясь зелеными пятнами, как фасад здания во время светового 3D-шоу.

— Чудесно, — одобрил это блеянье Демаре. — Можете возвращаться к своим обязанностям. Но если подобное повторится... — Он не договорил. Выхватил из рук дворецкого газету и с невозмутимым видом бросил ту в урну. — Такую дрянь читают только идиоты. Мирэль Тонэ, на минутку.

Решив не оставаться один на один с деморализованным высокоморальным Жужженом, я направилась за работодателем.

— Завтрак вот-вот начнется...

— У нас еще есть время, — прервала я Алмазного короля. — Сейчас я помогу Кристин и Аделин одеться и приведу их в столовую.

Демаре хмыкнул.

— Вообще-то я собирался поговорить о другом. И, возможно, извиниться.

Ну знаете ли... Такими темпами ни один фейсбилдинг не поможет!

— Когда я сказал, что вам не стоит садиться с нами за один стол... В общем, я был неправ.

Точно не поможет.

— Я долго думал о нашем вчерашнем разговоре, в том числе и о ваших словах насчет девочек... Вы действительно положительно на них влияете, и вы им нравитесь. Пусть даже они не готовы вам в этом признаться.

— Хорошо, — сказала я.

Ну должна же я была что-нибудь сказать. Или не должна?

— Хорошо, — подтвердил он, упорно разглядывая что-то на перевернутых конвертах. Потом опомнился и перевернул их лицевой стороной. — Мы с дочками очень похожи.

— Это вы сейчас мне так комплимент сделали?

Демаре остановился:

— С чего вы взяли?

— Возможно, с того, что вы сказали о девочкиах: что я им нравлюсь, но они не готовы себе в этом признаться. И что вы с дочками очень похожи.

Кажется, в нем проснулось не только чувство такта и вежливость (до сих пор не верится), но и чувство юмора, потому что он неожиданно улыбнулся:

— А, вы об этом. Несомненно. Мы очень упрямые, это наша фамильная черта. И с трудом меняем мнение о тех, кто нам изначально не нравился.

— Да, над комплиментами вам еще работать и работать, — заметила я.

— Вы так считаете?

— Несомненно.

— Вы согласитесь с нами позавтракать, мирэль Тонэ?

Честное слово, если бы я увидела стадо летающих слонов, и то удивилась бы меньше, чем этому непривычно светлому выражению его величественной морды. В кои-то веки глаза не грозили затянуть, как вода, зацементированного мафией свидетеля. Даже морщины с переносицы ушли и брови разошлись, как расходятся грозовые тучи.

— Соглашусь, — кивнула я. — Только сначала помогу девочкам одеться.

— Тогда жду вас в столовой. — С этими словами он сунул письма и газеты себе подмышку и зашагал в сторону кабинета, я же направилась к лестнице, стараясь не думать о том, что это сейчас такое было.

— Спокойной ночи, — прошептала я еле слышно.

Девочки уснули, а я все никак не могла выгнать себя из детской. Знаю, это было неправильно, потому что в перспективе я собиралась выгнать себя гораздо дальше, в другой мир... Упс. То есть в свой, конечно же.

«Давно он стал для тебя другим, Ира?» — прозвучало в голове ехидное.

Не знаю.

Не представляю... Просто все настолько запуталось, что я сама уже не понимала, что к чему.

Кристин и Аделин сегодня помирились по-настоящему, и весь день мы провели вместе. Весь день без преувеличения, потому что завтракала я с ними в столовой, а потом обедала и ужинала. На обед и ужин, к слову, их отец не явился: как уехал утром, так и пропал с концами, и у меня так и не получилось рассказать ему о своей находке. Доверять дневник Жужжену я не собиралась, да и вообще говорить с этим чистоплюем о чем-либо, тем более на серьезные темы.

А вот Демаре... меня удивил.

Сегодня, пожалуй, по-настоящему.

За завтраком я ожидала привычной снисходительности, но ее не было. Напротив, он так мило общался, что мне то и дело хотелось проверить, не подскочила ли у него температура. Правда, он в последние пару дней вообще вел себя очень... необычно, поэтому с этим оставалось только смириться. Равно как и с тем, что мне все больше не хочется расставаться с близняшками.

Я тихонечко поднялась с кресла и, в последний раз посмотрев на спящих девочек, все-таки вышла.

Надеюсь, за время, что укладывала Кристин и Аделин спать, Демаре все-таки вернулся. Потому что перспектива прободрствовать полночи в его ожидании особо не прельщала. А бодрствовать придется: откладывать разговор о находке и дальше нельзя. Если этот дневник, или что оно вообще такое, поможет найти Жизель, о нем нужно рассказать как можно скорее.

Ради девочек.

Сегодня в саду Кристин плакала так горько, что я поняла, что все-таки подарю ей ту куклу. Пусть даже для этого мне придется заложить подаренные мне, Селани то есть, изумруды. Пару раз я подумывала о том, чтобы с ней связаться, но потом решила лишний раз не испытывать судьбу: в конце концов, на яхте мы все равно увидимся. А может даже и раньше — на дне рождения.

Самым странным было то, что мне не очень-то хотелось с ней видеться. Ну или по крайней мере, не так сильно, как еще несколько дней назад. Поглощенная своими мыслями, я подошла к кабинету Демаре, но помня о том, что ничего хорошего в этом месте со мной произойти не может, замерла в нерешительности, перед тем как постучать.

На мой стук никто не откликнулся, и я осторожно приоткрыла дверь. В кабинете было пусто, и по-хорошему, мне следовало развернуться и уйти. В общем-то, я почти развернулась и почти ушла, когда заметила брошенную на пол газету. Чувство было такое, что ее смахнули в ярости, а потом еще от души по ней потоптались. Выглядела она не лучшим образом: надорванная и смятая, поэтому мне стало ну просто очень интересно, что же там такого написали.

Решив, что ничего плохого от беглого просмотра прессы не случится, я включила свет и, разгладив газету, прочитала:

«ФЕРНАН ДЕМАРЕ и СЕЛАНИ ТОНЭ: что связывает этих двоих?»

Заголовок был огромный и, в общем-то, отличался от предыдущего только более адекватной формулировкой. Памятуя о том, что любопытство сгубило кошку, я все-таки решила прочесть до конца.

«Вопиющая беспардонность потрясла всех жителей Мальмара...»

Ну положим не всех, а только тех, кто собрался «У Лолы». Кстати, странно, что Селани на это никак не отреагировала. Если новость разлетелась по всей столице, то Шерトンэ она точно должна была впечатлить.

«Фернан Демаре, также известный как Алмазный король, на глазах у всех опустился на одно колено перед скандально известной актрисой Селани Тонэ. Столь явное проявление чувств потрясло почтенную публику и заставило задуматься, а что же на самом деле связывает этих двоих? Известно, что из всех претенденток на должность няни предпочтение мируар Демаре отдал именно этой женщине, хотя уже принял на работу другую.

«Он уволил меня буквально ни за что, — поделилась с нами бывшая няня детей Алмазного короля, мирэль Патрисия Барр. — Тогда я не разобралась, что к чему, но теперь, кажется, понимаю...»

Какая она... понимающая.

«Известно, что ранее мирэль Тонэ преподавала курсы актерского мастерства Жизель Демаре, таинственно пропавшей супруге Алмазного короля. Но кажется, ни его, ни мирэль Тонэ совершенно не смущает этот факт, равно как и безутешность малышек, которые лишились матери...»

Что я там говорила про просмотр прессы? От него однозначно может стать хуже! По крайней мере, мне точно стало.

Особенно после того, что я прочла дальше:

«В связи со всем этим возникает вопрос, было ли исчезновение Жизель Демаре таким уж неожиданным, как утверждает ее супруг? Или же это заранее спланированное и хладнокровное похищение (а нам остается надеяться только на это, а не на что-то более серьезное и криминальное) с целью дискредитировать несчастную женщину в глазах общества, чтобы получить развод и жениться на другой. Которая, вполне возможно, давно в курсе всего происходящего...»

Наверх мою отвисшую челюсть подтолкнул звук хлопнувшей двери, резко так хлопнувшей. В то время как голос Демаре подтолкнул вверх меня саму, из кресла, в которое я, оказывается, успела опуститься в процессе чтения.

— Что вы делаете в моем кабинете, мирэль Тонэ?! — Алмазный король шагнул ко мне, сверкнув привычно потемневшим тяжелым взглядом.

Что я тут делаю?

— Читаю это! — выставила вперед руку с газетой. — Почему вы мне ничего не сказали?!

— А должен был? — поинтересовался Демаре, приближаясь.

— Должны! Потому что это и меня тоже касается!

— Вас касается только забота о моих детях.

Прежде чем я успела высказать этому... королю все, что о нем думаю, он добавил:

— Об остальном позабочусь я. В частности, об идиотах, которые пишут такую чушь.

— И о тех, кто ее читает, вероятно, — хмыкнула я.

— Что вы сказали?

— Нет-нет, ничего. — Я не знала, куда деть газету, поэтому бросила ее на кресло и шагнула к двери, намереваясь быстренько проскочить на нейтральную территорию.

Да, я помнила, что собиралась рассказать ему о дневнике, но в коридоре рассказывать о нем будет как-то спокойнее.

— Селани.

Собственное имя прозвучало как удар молотком по темечку.

Для начала.

Потом молотком по темечку догнало то, что я только что подумала: «Собственное имя».

Капец.

Диагноз окончательный, обжалованию не подлежит.

— Я знаю, что вам пришлось пережить по моей вине...

— Д-да-а?!

Алмазный король, очевидно, решил меня добить, потому что заговорил как герой любовного романа. Тыфу ты, как мистер Дарси. То есть дайте мне пожалуйста что-нибудь тяжелое, я тресну себя по голове, но сначала выпустите меня в коридор.

— Да.

Демаре шагнул чуточку ближе, и я тактически отступила.

Метра на два.

Наверное, это называется отпрыгнула, да. Потому что в ту же минуту он снова нахмурился: серьезно так.

— По-прежнему думаете, что я чудовище?

— Я о вас вообще не думаю. — Вот тут мне стало стыдно, и я решила добавить: — Потому что занята с девочками. И вообще, с чего бы мне считать вас чудовищем?

— Не далее как вчера вы мне высказали...

— Не далее как вчера я была на эмоциях, а на эмоциях можно много всего наговорить, — заметила я и даже сделала шаг вперед. Очень маленький и, может быть, зря, но все-таки сделала. — На самом деле меня не должно волновать ваше ко мне отношение, поскольку я здесь всего лишь няня, и исполняю обязанности вне зависимости от того, что...

— Не должно, но волнует?

— Что?

— Вы сами сказали: не должно волновать.

Выпустите меня в коридор!

Я этого не просто прошу, а практически требую! И теоретически тоже.

— Не должно и не волнует, — заявила я.

И для достоверности сделала строгое лицо. Правда, это не сработало, потому что Демаре в два шага преодолел разделяющее нас расстояние и оказался совсем рядом. Непростительно близко.

— Паршивая из вас актриса, мирэль Тонэ, — сказал он.

Продолжая смотреть мне прямо в глаза, и, поклясться могу, это был несанкционированный гипноз, потому что я замерла. Чувствуя, как кровь в венах разгоняется до сверхзвуковой скорости вместе с сердцем, готовым вот-вот выскоичить из груди.

— Я уже говорила, что комплименты у вас никакие?

— У вас тоже комплименты так себе, Селани, — хмыкнул Демаре.

А потом коснулся моего подбородка, обжигая далеким и коротким прикосновением, словно мазком кисти по холсту — пальцами по щеке. Перед тем, как накрыть мои губы своими.

Этот поцелуй ворвался в меня ожидаемо-неожиданно, так остро и ярко, что я на миг утратила связь с реальностью. Остался только мужчина рядом, который меня целовал, и которого... целовала я. Раскрывая губы и впервые подаваясь ему навстречу, чувствуя терпкий вкус табака с вишневой кислинкой, а под пальцами жесткую ткань пиджака. Одна ладонь сползла ниже, и в нее колотилось его сердце. Колотилось так же быстро и сильно, как мое.

Это было неправильно, это было совсем неправильно, но...

Удивительно сладко.

Оказалось, что этот мужчина тоже может быть нежным, а удерживающие меня руки казались такими сильными, что впервые за

все время в этом мире я почувствовала себя...

Счастливой?!

Осознание этого заставило упереться ладонями ему в грудь.

— Вы сказали, что это больше не повторится, — прошептала я, думая о том, что он вот-вот скажет: «Так и знал, что вам нужно от меня только одно, мирэль Тонэ». Точнее, отчаянно надеясь, что он скажет именно это и в то же время отчаянно надеясь, что не скажет.

— Я солгал, — хрипло произнес Демаре, даже не подумав меня отпустить.

— Солгали?

— Именно.

В темноте его глаза становились темными, как магические камни, меняющие цвет, и смотреть в них не было никакой возможности. Точнее, не было никакой возможности смотреть в них и продолжать лгать себе, что...

Что — что?!

— Жизель... — напомнила больше себе, чем ему.

— Жизель пропала, Селани. Я делаю все, что могу, чтобы ее найти. — Он отпустил меня, но не отступил, словно позволяя самой выбрать, что делать дальше. — Я с самого начала делал все, чтобы ее вернуть, но исключительно из-за девочек. Наш брак давно перестал быть тем, чем он должен быть. Или не должен...

— Жизель, — повторила я, понимая, что кому-то нужно прекратить этот разговор, потому что, если он продолжит, обратного пути просто может не быть, — вела дневник?

— Что? — Демаре нахмурился.

— Сегодня утром мы с девочками играли в прятки перед завтраком, — да, я кажется теперь тоже лгу и не краснею, — и я пошла искать Кристин на чердак...

— Вы позволяете моей дочери бывать на чердаке?

— Кто же ей запретит, если он даже на замок не запирается, — отмахнулась я от упрека. — В общем, настоятельно рекомендую это сделать, потому что когда я там была, подо мной провалилась половица. К счастью, все обошлось, и я нашла дневник Жизель. Ну или что-то с ее инициалами. Хотела рассказать вам сразу, но не успела: сначала меня здорово разозлила та статья, а после завтрака, когда я вспомнила про дневник, вы уже уехали. В общем-то, в кабинет я спустилась, только чтобы вам о нем сообщить, — подвела итог.

Демаре молчал долго. Очень долго, в какой-то момент мне начало казаться, что он и вовсе не ответит, но... он ответил.

— Спасибо, что рассказали, мирэль Тонэ, — голос его звучал сухо, во взгляде за привычной заслонкой было не разглядеть чувств.
— Вам лучше вернуться к себе. Доброй ночи.

Я знала, что поступила правильно, но сейчас почему-то стало очень паршиво. Хуже было только в тот день, когда мы впервые поцеловались, и я думала о Мише.

— Доброй ночи.

Я прошла мимо него, на миг задохнувшись от странных острых чувств и вишневой горчинки. Прикрыв за собой дверь, поднялась к себе, закрыла дверь и, не раздеваясь, упала на кровать.

Перевернулась на бок.

Потом обратно на спину.

На другой бок.

Лицом в подушку.

— Фууура, — сообщила я в наволочку и во Вселенную.

Точно дура.

Непроходимая.

От души побившись головой о подушку (а стоило бы о стену), я глубоко вздохнула. Стряхнула себя с покрывало и отправилась умываться.

Пожалуй, это лучшее из того, что я могу сейчас сделать.

Фернан Демаре

«Я начала вести этот дневник, потому что мне было необходимо поделиться с кем-то своими мыслями. Так случилось, что у меня нет настоящих друзей, все мои подруги со мной из-за статуса и из-за денег, поэтому я не хочу доверять им сокровенное. Не хочу, чтобы мои тайны, попав в руки журналистам, стали очередным развлечением для мальмарцев».

«Моя жизнь невыносима. Окружающие считают, что мир вокруг меня идеален: баснословно богатый и красивый муж, очаровательные дочки, роскошные дома, машины, яхты, драгоценности... Список можно продолжать до бесконечности. Но что они знают на самом деле? Что они понимают! Они видят только фасад, за которым на самом деле скрывается пустота».

«У меня ничего не выходит, как бы я ни старалась. Ни в медицине, которой увлекалась с детства, ни в искусстве, к которому приобщилась совсем недавно. Я люблю театр, мне нравится быть на виду, примерять на себя новые образы. Но актриса из меня еще хуже, чем из Селани Тонэ, хотя, казалось бы, куда уж хуже?»

Дневник Жизель был настоящей находкой, и мог пролить свет на причину, по которой жена исчезла. Понять ее лучше, а заодно выяснить, куда она могла отправиться. И по-хорошему нужно было немедленно передать записи следователю или комиссару Бриню. Но Фернан решил, что сначала прочитает все сам.

С первых страниц стало ясно, что Жизель находилась в депрессии. И судя по всему, это длилось не один месяц. Потому что с каждой записью реальность глазами супруги виделась все мрачнее и мрачнее. Если верить дневнику, ее жизнь так и вовсе была невыносимой. Но он этого не замечал либо не желал замечать. Фернан почувствовал укол совести: не досмотрел, не уловил, не предотвратил.

Хотя как он мог что-то заметить, если жена ничего ему не рассказывала? Она вела себя как обычно, а нормальной семьей их нельзя было назвать даже с большой натяжкой.

Как оказалось, ответ скрывался в более поздних записях.

«Я долгое время считала, что дело во мне. Что это я (и только я) порчу все, к чему прикасаюсь. Я плохая жена, ужасная мать, никудышный друг. Я не идеальная, но именно этого от меня ждут окружающие. Именно этого требует от меня Ф.»

Что за бред?!

Фернан едва удержался от того, чтобы не спалить к изначальным эти бредовые фантазии. Остановило только напоминание самому себе, что они, возможно, важная улика, а с уликами так не поступают. Поэтому он разогнул записную книжку так яростно, что она хрустнула в его руках, и продолжил читать.

Он никогда от нее ничего не требовал, более того, сносил все ее капризы и ни в чем ей не отказывал. И уж точно не просил быть идеальной! Ни когда они только поженились, ни в последний год, который, если верить датам, описывала Жизель. Когда Фернан понял, что любит несуществующий, придуманный им самим образ, то перестал пытаться наладить с женой отношения, перестал интересоваться, чем она живет, чем занимается. Он только оплачивал ее счета.

«Ф. заявил, что я транжира. Что он больше не даст мне ни броны. Но я всего лишь купила наряды для своих чудесных дочерей, и они были так счастливы...»

Фернану тут же вспомнился тот злосчастный эпизод, который он стремился навсегда вычеркнуть из памяти. Жизель купила не просто наряды для близняшек, она приобрела всю детскую коллекцию очень модного зарубежного кутюрье. До этого тот шил одежду для манекенщиц, но потом решил, что открыт к экспериментам. Фернан таких экспериментаторов отправлял бы на рудники, чтобы поумерили свою фантазию. Потому что в модной одежде дочки напоминали не то недогусениц, не то недобабочек, а еще с трудом могли передвигаться. Что и продемонстрировала Аделин, радостно бросившись отцу навстречу, наступив на крыло-подол и набив шишку на лбу. Глядя на это кричащее безобразие, Демаре сделал вывод, что кутюрье собирался пошить наряды для кукол, но никак не для детей. Естественно, после того случая ему хотелось лишить Жизель возможности и дальше делать дочерям подобные подарки.

«Ф. не желает, чтобы я общалась с девочками. Будто это только его дети, а не наши общие».

«Ф. в последние дни совершенно невыносим...»

«Ф. думает только о себе. На меня ему плевать...»

Ф.

Везде это «Ф».

То, что «Ф» — это он сам, догадаться было не сложно, хотя супруга ни разу не написала его полное имя. Этой части в дневнике удостаивалась только Селани. Про мирэль Тонэ она вообще часто упоминала.

Жизель рассказывала про их знакомство. Про занятия актерским мастерством. Сначала в строках, посвященных Селани, читалась надежда. Надежда на дружбу, на «возвращение вкуса жизни». Потом в них стало все больше сквозить пренебрежения к актрисе, а от последних заметок у Фернан и вовсе глаза на лоб полезли.

«*Мой мир рухнул.*

Наверное, это прозвучит слишком пафосно, но сегодня я решила, что не буду больше себя обманывать. Я всегда знала, что Ф. никогда меня не любил, ему нужна была красивая жена, которая родит ему хорошеных детей. В этом заключалось мое единственное предназначение: дать продолжение его славному алмазному роду. Но он всегда соблюдал правила приличия, всегда кичился своим показным благородством, и я была спокойна. Видимо зря, потому что сама притащила в дом эту ядовитую длинюгу. Сама доверились ей...

Мне больно это признавать, но Ф. променял меня на Селани Тонэ. Эту актрисульку, которая оказалась не такой уж бездарной и долго водила меня за нос! Вчера они заперлись в его кабинете, и вряд ли он читал ей стихи. Ф. вообще ничего не читает, кроме своих отчетов! Сегодня все повторилось, я проследила за ними, и увидела, как Ф. украдкой целует Тонэ. И это был совсем не дружеский поцелуй в щеку.

Мое сердце разбито.

Сначала я хотела уволить ее, но что помешает Ф. встречаться с ней тайком?»

Заперлись в кабинете? Поцелуи? С Селани?

Это дневник Жизель или фантазии на вольную тему? Или его жена страдала не только депрессией, но и галлюцинациями? При депрессии бывают галлюцинации?

Первый поцелуй с Селани Фернан помнил хорошо, и случился он на прошлой неделе, а не несколько месяцев назад. А последний...

Последний своей сладостью перебивал даже горьковатый привкус сигар. Однако до исчезновения Жизель Фернан и помыслить не мог о том, что будет наслаждаться поцелуями с мирэль Тонэ. Или о том, чтобы нанять ее няней для своих дочерей. Любой бы этому удивился и счел, что таким образом Алмазный король пытается спрятать под собственной крышей любовницу. Именно об этом со вчерашнего дня вовсю трубила пресса, полоща их с Селани имена.

Если раньше Фернану было плевать на сплетни о нем самом, то упоминание «разлучницы» вызвало желание закрыть пару-тройку (а лучше все!) лживых газетенок и поотрывать лапки лживым писакам. Потому что руками такое написать невозможно. Только лапами!

Что они вообще о ней знают?

Что он знал о ней сам? Практически ничего. Как и Жизель (если верить дневнику и ее словам), Фернан повесил на Селани ярлык, и долгое время отказывался воспринимать девушку по-другому. Сам же нанял, сам же позволял себе оскорбительные замечания. А ведь она права: она единственная нашла подход к его дочерям и вела себя очень достойно, если не считать истории с фидруаром. Но что еще более странно и удивительно — нашла подход к нему самому.

Фернан цеплялся за прежний образ Селани, потому что так проще было объяснить свое желание затащить ее в постель. И противоречащее ему желание не поддаваться соблазну, оставаться хладнокровным. Но быть равнодушным рядом с ней не получалось. Пора это признать, и что-то с этим делать. Например, затащить в постель или уволить, чтобы положить конец сплетням.

Но представить дом без Селани почему-то уже не получалось: без ее улыбки, без их постоянных споров, без ее игр с девочками. И в то же время, теперь он не хотел предлагать ей обычную интрижку. Особенно когда узнал поближе. Во-первых, мирэль Тонэ за подобное предложение в лучшем случае отвесит ему пощечину или того хуже — все-таки уволится. А во-вторых, он не желал отдавать ее на растерзание журналистам. Нет, теперь об увольнении не могло быть и речи.

Он хотел заботиться о ней. Защищать ее.

Забытое чувство по отношению к женщине.

Чувство, которое в случае с Жизель ничем хорошим не закончилось.

Точнее, закончилось вот этим.

Фернан снова взглянул на дневник.

Жизель писала, что ему нужен идеал, но Селани идеалом не была, с какой стороны ни посмотри. Да в ней недостатков больше, чем у близняшек игрушек! Но почему-то его тянуло именно к ней.

«Я пыталась поговорить с Ф. о произошедшем, сказала о том, что он чудовище и предатель. Но он велел мне замкнуться, заявив, что если не хочу проблем, буду молчать. А он станет поступать так, как считает нужным.

На моей шее до сих пор следы нашего разговора. Спасибо тому, кто придумал шарфики, которыми можно прикрыть любое зверство. Но я боюсь, вдруг это повторится снова?»

«Селани Тонэ уже не скрывает их связи, наоборот, гордится своим романом с женатым мужчиной. Сегодня она намекнула, что совсем скоро займет мое место. Боюсь даже представить, что имела в виду эта стерва!»

«Страх поселился рядом, мне все время страшно. Сегодня я случайно подслушала IX разговор. Ф. и Селани обсуждали досадную помеху (меня, подозреваю), из-за которой они не могут быть вместе. Ф. пообещал, что в самом скором времени он все решит».

На этой записи дневник обрывался, дальше шли несколько чистых страниц, которые Фернан все равно с осторожением

пролистал. Как будто было недостаточно того, что уже успел прочитать.

На горизонте забрезжил рассвет, но он даже не думал о сне.

Его жена была сумасшедшей. Как еще объяснить странные фантазии, написанные, без сомнения, ее рукой? Она считала, что он ее душил, но Фернан никогда бы не тронул Жизель даже пальцем.

Точно безумная.

Мужчина захлопнул дневник, поднялся и запер его в сейфе. Нет, этот бред не должен попасть в руки полиссаров. Ради безопасности его семьи.

И мирэль Тонэ.

Глава 14

История одной туфли

Ира Илларионова

Давай, Ира, ты сможешь. Это ведь раз плонуть. Надо всего лишь поднять руку, сжать ее в кулак и постучать. А потом, когда из-за двери раздастся голос, который слышать мне ну вот ни капельки не хочется (я сказала, не хочется!), толкнуть эту самую дверь и, помогая себе мысленным пинком под зад, впихнуться внутрь.

Поднять, кулак, впихнуть... Уф!

Прошлые два дня мне легко удавалось избегать Демаре. Вернее, он сам избегался, без каких-либо усилий с моей стороны. Началась трудовая неделя, и его вечно занятое величество уезжало на работу чуть свет, а возвращалось уже затемно, когда мы с близняшками, поужинав, читали в детской сказки.

Было видно, девочки скучают по отцу, а я... Я... Нет, я по их отцу не скучаю.

Не скучаю, я сказала!

Вполне вероятно, что и сегодня он уедет с утра пораньше, и мы так и не пересечемся. Тогда придется обращаться с просьбой к Жужжену, а это... Да лучше я еще раз с Демаре поцелуюсь!

Не лучше, Ира, не лу...

Ой, все!

Я чуть не вскрикнула, когда дверь неожиданно распахнулась, и на пороге возникло его алмазное величество во всей своей небритой красе.

Легкое покалывание щетины, щекочущей щеку, отдающееся во всем теле пламенной дрожью. Горячее дыхание на губах, пьянящая горечь сигар и...

Земля вызывает Иру.

— Мирэль Тонэ? Это вы тут сопите в замочную скважину? — невозмутимо поинтересовался Демаре.

— И вовсе я в нее не соплю, — начала было я, но поняв, что надо мной банально потешаются, тряхнула головой, прогоняя совершенно лишние в ней мысли, и решительно заявила: — Нам надо поговорить!

Я быстро скажу все, что хочу сказать, и отправлюсь обратно наверх. Расстояние в один этаж — минимальное, которое должно нас разделять. Потому что стоит мне оказаться к нему вот так, как сейчас: слишком, опасно близко, как со мной начинает твориться что-то невообразимое.

Неправильное и противоестественное.

Почаще напоминай себе об этом, прелюбодейка.

Судя по тому, что Демаре был при параде и с портфелем, он уже собирался уезжать. Но услышав о моей просьбе, посторонился, приглашая меня в кабинет, которого я тоже старалась по возможности избегать. Потому что в этой комнате со мной постоянно что-нибудь случалось, и не всегда приятное.

Вернее, всегда неприятное.

И это тоже станет моей мантрой.

— Я бы хотела отпроситься сегодня на пару часов, а остаток выходного взять завтра вечером. Ночью, вернее, — уточнила, глядя в прозрачные голубые глаза, которые стремительно затягивала тьма.

Нехорошая такая. Я бы сказала, гангстерская.

Демаре, конечно же, никакой не гангстер, но видок у него в тот момент был и правда по-бандитски устрашающим. Как если бы вот прямо сейчас он собирался закатать меня в асфальт.

— Зачем вам свободная ночь? — вопрос ударил своей резкостью.

— Я не обязана перед вами отчитываться, мируар, — заметила сдержанно. — В договоре это нигде не прописано.

Который я все-таки подписала, пусть и с опозданием, прежде скрупулезно изучив каждую строчку.

— Мне нужно подумать над вашей просьбой, мирэль Тонэ, а сейчас мне некогда.

С этими словами Демаре ринулся к выходу, и я воскликнула:

— Да что тут думать!

Он обернулся:

— Мне не нравится, что моя няня будет разгуливать неизвестно где и неизвестно с кем по ночам.

Моя няня... Ах ты ж чудовище властное.

— Но выходной... — заикнулась я.

— Обычно берут днем, — перебил меня Алмазный король. — В общем, мирэль Тонэ, как уже сказал, мне надо подумать. Но не сейчас.

Для себя я решила, что уйду в любом случае, чего бы он там себе ни надумал. Не пристегнет же он меня наручниками к батарее, в

самом деле.

Хотя... Может и пристегнуть.

— Надеюсь, вам хватит дня, чтобы принять это крайне непростое решение, — съязвила я и поспешила за ним в холл. — А что насчет пары часов сегодня? Линна сказала, что посидит с девочками. Я только туда и обратно.

— Куда вы сегодня собирались? — нехотя обернулся его алмазность, сверкнув при этом глазами.

— Завтра у девочек день рождения, а я так и не купила им подарки...

Взгляд Демаре смягчился:

— Приятно, что вы о них думаете, Селани, но это лишнее. Завтра их завалят подарками. Хоть в этом году особо и не празднуем, но с утра, как обычно, начнут приходить посыльные от родственников и знакомых.

— И все же мне бы тоже хотелось их поздравить. Подобрать что-нибудь для Аделин, а Кристин подарить поющую куклу. Я видела ее в «Единорогах на радуге», — и все-таки, какое странное название, — и не перестаю о ней думать. К тому же мне очень надо в обувной, потому что у меня пропала туфля, а с утра до вечера бегать на шпильках, знаете ли, утомительно.

— Гм... — Демаре опустил взгляд на мою лакированную пару.

— А в этих страшно устают ноги, — пожаловалась я и выставила вперед одну, как доказательство страшной усталости, но тут же поспешила задвинуть ее обратно: уж слишком пристального она удостоилась внимания.

Несколько секунд Демаре молчал, а потом я поймала в его глазах пляшущих чертенят.

— У меня есть идея получше, мирэль Тонэ.

— Вам так не хочется выпускать меня из дома? Сами, небось, не пробовали ходить на шпильках, — проворчала, снова почувствовав укол обиды. В самое сердце.

Ведет себя так, будто я его собственность, а не няня. И не его, кстати! А близняшек.

— Я не об этом, а о подарке девочкам. Что же касается обуви... Сегодня же пришлю вам новую пару. Боюсь, в том, что у вас пропала туфля, есть и моя вина.

В холле, вместо того чтобы уйти, Демаре обогнул лестницу и направился в крыло, где проживала прислуга.

— Это *вы* ее у меня украли? — решила я во всем разобраться.

— Не совсем. Сейчас все поймете, Селани, — ответил он, обернувшись, а потом заговорщицки улыбнулся. — Только это пока секрет.

Обалдевшая от метаморфоз, происходящих с его мируарством, я продолжала следовать за ним. Мимо светлых дверей до конца коридора, к окну, занавешенному ажурной занавеской, и иномирскому собрату фикуса, вроде того, в котором я на прошлой неделе хоронила шляпу-улику.

Демаре открыл дверь ключом и вошел в комнату. Я тоже шагнула внутрь. Первое, что увидела, была моя туфля. Жеваная-пережеванная. В следующую секунду я чуть не подпрыгнула до потолка. Когда нечто лохматое, утробно урча, коварно подкравшись откуда-то сбоку, потерлось о мои ноги. Медленно опустила взгляд и прижала ладони к губам, иначе бы секрет перестал быть секретом и подарок близняшкам пришлось бы дарить раньше времени.

— Реми! — Я опустилась на корточки возле «сыночка» (а это без сомнения был он, я его узнала по чебурашней морде) и погладила малыша по холке.

— Значит, его зовут Реми, — глубокомысленно протянул Демаре, не спеша приседать рядом и ласкать фидруара.

Тот, впрочем, тоже не рвался ластиться к хозяину. Лишь раз терялся о стильные брюки, после чего несмело, как будто извиняясь, поднял на его мируарство свои большие янтарные глаза и поспешил спрятаться за мою пятую точку.

— Вы же говорили, что это непроверенное животное.

— Теперь оно проверенное и привитое.

— Которое, когда повзрослеет, превратится в дикое неуправляемое чудовище, — припомнила я алмазному величеству его же слова.

— Вот с этим, — Демаре указал на ошейник, в котором поблескивал небольшой прозрачный кристаллик, — фидруар, даже будучи взрослой особью, не нанесет вред ни посторонним, ни уж тем более своим хозяевам. Разве что кто-то из чужаков будет представлять для него или его семьи, нас то есть, прямую угрозу. Тогда может и наказать обидчиков.

— А эта штуковина для него не опасна? — с сомнением покосилась я на ошейник фидруара.

— Нисколько, — покачал головой Демаре и все-таки присел на корточки, чтобы одарить коточебуона скупой мужской лаской. — Он подавляет инстинкты хищника, но не причиняет ему ни вреда, ни неудобства. Живя в доме, с людьми, а не в лесу, где каждый день приходится бороться за выживание, фидруару эти инстинкты ни к чему.

— А ведь когда Реми повзрослеет, ему понадобится пара, — вспомнила я о том, что мне рассказывали об этих созданиях близняшки.

— Мирэль Тонэ, — вскинул брови Демаре.

— Поняла, наглею. — Я почесала звереныша за ухом, до которого не так-то просто было добраться: оно пряталось за длинным хрящевым наростом. Одним из тех, что образовывали на голове у фидруара некое подобие короны.

Реми зажмурился, а потом театрально повалился на пол, пузом вверх, явно балдея от того, что оказался в центре внимания.

— Он вас любит, — заметил Демаре. — Пару дней назад убежал от служанки и сразу помчался к вам. Когтями открыл дверь и...

— И сгрыз туфлю, — фыркнула я.

— И сгрыз туфлю, — подтвердил Алмазный король. — Правда, я об этом узнал не сразу. Зои побоялась мне рассказывать, что Реми от нее сбежал.

— И неудивительно. Я бы на ее месте тоже боялась.

— Я настолько страшный?

— Нет, — улыбнулась, глядя на Фернана. — Вы еще страшнее, чем думаете. — Правда, тут же добавила, совершенно искренне: — Спасибо. Для меня это много значит.

— На здоровье, — ответил Демаре почему-то очень серьезно. — Подарим его девочкам завтра.

— Представляю, как они обрадуются. — Я поднялась с колен следом за Фернаном, а потом решила все-таки немножечко понаглеть: — Ну так можно мне отпроситься на пару часов?

— «Единороги на радуге» — очень дорогой магазин, — нахмурился он. — Где вы собирались брать деньги, мирэль Тонэ? Не помню, чтобы выдавал вам зарплату.

А меня ж на нее еще и вроде как оштрафовали. Вот из-за этого чуда крылатого и оштрафовали.

— Вы, кажется, опаздывали, — напомнила я алмазничеству, потому что когда он начинает так себя вести, становится просто невыносимым. Однако под его испытывающим взглядом вынуждена была признаться: — Я собиралась заложить колье.

Брови его величества продолжили свое восхождение по лбу, рискуя слиться с волосами.

— И вам не жалко расставаться с таким дорогим подарком?

Я пожала плечами:

— Мне все равно неизвестно, от кого он, да и выкуплю потом.

Наверное.

— Неизвестно? — еще больше удивился Алмазный король.

Вышел из комнаты, дождался, пока я оторвусь от Реми, и запер дверь.

— Вы же сами видели, что на прилагавшейся к нему записке даже инициалов не стояло.

Демаре хмыкнул, а потом проговорил:

— Я не хочу, чтобы вы закладывали колье — вдруг придется возвращать его тому, кто вам его подарил. Равно как не хочу, чтобы вы тратили деньги на моих дочерей. Вы подарите им фидруара, и они будут счастливы. Хорошего вам дня, мирэль Тонэ.

Все это было сказано чуть ли не скороговоркой. После чего его величество бодрой походкой зашагал по коридору и скрылся за поворотом.

Какой же он все-таки упертый!

Снова играть в догонялки с мируаром я не стала, понимая, что в чем-то он прав. К тому же, если уйду сейчас, завтра он вполне может сказать, что я использовала свой выходной.

А меня ждали Миша и холм Расцвета.

В холле я столкнулась с Зои и узнала, что вот уже третий день она кормит и выгуливает Реми. Демаре временно вручил ей волшебное колечко с функцией невидимости и наказал тайком ото всех заботиться о фидруаре.

— Мируару пришлось забрать его, потому что те из ЖМОТа, — горничная поморщилась, — собирались отвезти его в лес да там и бросить. Мол, примет его семья фидруаров — хорошо, сожрут — тоже неплохо. Главное, нам никакой мороки. — Девушка широко улыбнулась. — То-то малышки завтра обрадуются. Это, конечно, не

заменит им маму (я слышала, как они утром о ней разговаривали, когда кроватки заправляла), но настроение точно поднимет. Все-таки мируар Демаре хороший человек. Порой бывает суров, но сердце у него доброе.

Заметив на горизонте Жужжена, Зои схватила метелку для пыли и поспешила в гостиную, а я наверх за девочками, сдержанно кивнув дворецкому в знак приветствия.

Он ответил мне столь же прохладно и, важно задрав подбородок, порулил на кухню.

До обеда мы с девочками играли в саду, после — отдыхали, потом занимались. После уроков Анаис забрала близняшек на кухню, хотела показать «своим курносым малышкам», как будет украшать праздничный торт, а заодно накормить их чем-нибудь вкусненьким. Я как раз заканчивала складывать тетрадки и учебники, когда по холлу разлетелась звонкая трель. Кто-то звонил в дверь.

Спустя пару минут снизу послышалось недовольное кваканье:

— Мирэль Тонэ, вам опять подарок!

Так как дверь в детскую была нараспашку, я сразу услышала Жужжена. Решив, что это Демаре прислал туфли, я спустилась вниз и увидела огромную коробку в руках традиционно недовольного таким поворотом событий мажордома.

Может, его величество решил возместить мне ущерб дюжиной калош...

Прежде чем забрать у Жужжена коробку (подержит — не переломится), я выдернула из-под широкой кремовой ленты послание. Оказалось, что это не туфли и не калоши от Фернана.

«Надеюсь увидеть тебя в нем завтра, красавица. Десмонд Шерро».

Надо же! Пере-Деслани объявилась. Видимо, что-то где-то сдохло или свистнуло.

— Я это возьму, — забрала у дворецкого коробку.

— Не хотите открыть? — Он даже шею вытянул, хоть это вряд ли бы помогло заглянуть под картонку.

— Не хочу.

Я уже развернулась к лестнице, когда в дверь опять позвонили. Что-то ворча себе под нос, Этиль пошел открывать, и я услышала бодрый мужской голос:

— Добрый вечер! Мирэль Тонэ здесь живет?

— К сожалению, здесь, — буркнул дворецкий.

— Для нее подарок.

— Еще один?! — Рискуя лишиться глаз, потому что они у него уже готовы были вывалиться из орбит, Жужжен обернулся ко мне.

Недовольно запыхтел. Особенно когда выяснилось, что подарков посыльный доставил аж целых два. Одна коробка поменьше (подозреваю, с обувью) и другая такая же огромная, что и Десмондова.

— Можно подумать, это у вас завтра день рождения, мирэль Тонэ, — с претензией высказали мне.

— Завидуете, что не вам приносят подарки? — забрала я у блюстителя порядка и нравов свои коробки и, стараясь смотреть себе под ноги, стала подниматься по лестнице.

Оказавшись в комнате, сначала открыла коробку поменьше и, как и ожидала, обнаружила в ней туфли. Удобные кожаные лодочки, которые, к счастью, пришли мне впору, и я блаженно зажмурилась, избавившись от неудобных шпилек.

После чего сняла крышку с подарка «Десмонда», увидела, что находится в коробке, выругалась. Открыла последнюю, к которой прилагалась короткая записка от его мируарства: «В качестве компенсации. Надеюсь, вы наденете его завтра», и выругалась еще раз.

И как это все понимать?

Ладно, Деслани. Та почему-то считает себя вправе навязывать мне свой вкус и тряпки, купленные на деньги Десмонда. На ее подарок можно было банально не обращать внимания, закрыть коробку и задвинуть под кровать. Но вот подарок Демаре... Каким он вообще думал местом, покупая мне дорогощее платье от мирэль Малори — Коко Шанель по-ньюеррски?! Явно не головой, а...

А про другие места Алмазного короля тебе, Ира, думать вредно.

Я продолжала плятиться на ярлык с витиеватыми инициалами известной модельерши, пришитый к внутренней стороне платья и размышляла о том, как мне все-таки поступить. По-хорошему следовало вернуть оба подарка, тем более что платья оказались... одинаковыми. Даже размеры совпали. Но после возвращения фидруара... Да, наверное, глупо, но мне вдруг захотелось сделать Фернану приятное.

Когда он забрал Реми, я страшно на него злилась, почти что ненавидела, хоть и пыталась убедить себя в том, что он прав. Что нужно было сразу рассказать о находке и спокойно принять любое его решение, ведь это его дом и его дети, но мысли о звереныше не отпускали. И сердце за малыша болело.

Я старательно гнала эти мысли, убеждая себя в том, что Демаре поступил правильно, а я прокололась, но в глубине души... В общем, в глубине души я до сих пор считала, что сделала слишком мало, чтобы вернуть Реми.

Но вот теперь он здесь, с нами, и завтра близняшки будут без ума от счастья.

А сегодня без ума я. Тоже от счастья. Из-за фидруара.

Ага, точно из-за Реми.

Выглянув в коридор и убедившись, что на горизонте нет ни вездесущего Жаббена, ни девочек (Анаис их так быстро из кухни не выпустит), закрыла дверь и, подгоняемая любопытством, стала раздеваться.

Платье село идеально. Насыщенного фиолетового цвета, искусно расшитое стеклярусом, создававшим на ткани сложный абстрактный узор, оно выглядело в меру нарядно и о-о-очень богато. Вырез скромный, колени кокетливо прикрыты бахромой, струящейся из волнообразного подола. К платью прилагался... эм-м-м, головной убор. Тонкая бархатка, только не для шеи, а на лоб, украшенная фиолетовыми перышками и экзотическим цветком.

Ни одно из моих платьев с этим и рядом не валялось (вернее не висело), но я продолжала сомневаться. Это когда и хочется, и колется. И... хочется гораздо больше, чем колется.

Если верить всемирно известному поэту, единственный способ избавиться от искушения — это уступить ему. Так, может, я завтра возьму и уступлю? Надену раз и успокоюсь. И Демаре с Шертонэ останутся довольны.

Впрочем, делать довольной Селани мне совершенно не хотелось. Но платье оказалось чудесным! А искушение слишком непреодолимым.

Разумеется, под кровать отправилась коробка от липового Десмонда, в то время как подарок его алмазного величества был аккуратненько повешен в шкаф. В последний раз проведя по блестящей ткани пальцами, я закрыла его дверцы и отправилась на кухню, вместе с близняшками любоваться кондитерским шедевром, который создала к их дню рождения Анаис.

Селани Тонэ

— Рад был знакомству, мируар Нуаро. И поздравляю с удачным приобретением! — торжественно объявил мируар Обен, бывший владелец старинного двухэтажного особняка, от которого до набережной было рукой подать.

Селани пожала протянутую ладонь мужчины и довольно улыбнулась своим мыслям. Когда она только приехала в Мальмар, мечтала о том, как будет засыпать под шум прибоя, а по утрам

бродить босой по пляжу, наслаждаясь тем, как волны щекочут и ласкают ее холеные пальчики.

И вот теперь она держала свою мечту в руках — массивный ключ с витой головкой, который едва умещался в лапище Десмонда, и купчую, в которую оставалось вписать ее имя.

Домик на рю де Баль — маленькой зеленой улочке, солнную тишину которой изредка нарушали проезжающие мимо автомобили, был небольшим, но уютным. Олицетворением ее девичьих грез. На втором этаже располагалась просторная спальня с балконом, ванная, кабинет и еще одна комната. Внизу — гостиная и кухня со столовой. А также сейф, который Селани снизу доверху забила банкнотами и слитками золота.

На черный день.

В общем, здесь было все самое необходимое.

Этот дом станет ее подстраховкой, ее спасительной гаванью.

Селани проводила мируара Обена, рассыпавшегося на прощание в любезностях, до крылечка. Закрыв за собой скрипучую калитку (которую не помешало бы смазать и заново покрасить), мужчина уехал на своей машине.

Селани осталась стоять на крылечке, оглядывая собственные владения. Она приняла все меры предосторожности. Только наличные, которые заблаговременно сняла со счета Десмонда. Только вымышленное имя, и даже амулет искажения с собой прихватила, хоть за него и пришлось отвалить кругленькую сумму в ювелирном. Но оно того стоило! С этим кольцом никто бы и никогда не узнал в ней завидного холостяка и богатея Десмонда Шерро.

Перед бывшим хозяином дома она предстала пожилым мужчиной, мируаром Нуаро.

Отлично.

Просто чудесно!

Теперь у нее есть приличный дом, и, если такое опять случится... Селани вся внутренне содрогнулась. От страха, липкой дрожью проползшего вдоль позвоночника.

Несколько дней она провела в постели, мечась в бреду, то возвращаясь в реальность, то проваливаясь в беспокойное забытье. Врач сказал, это какой-то вирус, о котором в последнее время все только и говорили. Симптомы были схожие, но девушка готова была поклясться: плохо ей стало не из-за болячки.

Она чувствовала, как что-то (а может, кто-то) пытался вытолкнуть ее сознание из тела Десмонда.

Немного прия в себя, Селани развила бурную деятельность. Понимая, что подобное может повториться снова, причем повториться в любой момент, начала подыскивать себе дом или квартиру. Место, что в случае чего станет ее укрытием.

Она спрячет ключ и купчую в тайник, к которому только она одна будет иметь доступ, и, возможно, тогда немного успокоится.

Что Селани и сделала, прежде чем отправиться в магазин игрушек.

Не то чтобы она не хотела вернуться в свое тело... Но что, если по ужаснейшей случайности, ее выбросит в тело какого-нибудь бездомного бродяги? Или того хуже — немощной старушки? Ребенка?

Нет, ей еще крупно повезло с Десмондом! И пока не будет точно уверена, что станет собой, продолжит держаться за эту оболочку всем своим естеством!

Селани почувствовала, как снова начинает нервничать и заводиться. Лишь неимоверным усилием ей удалось взять себя в руки. Девушка вдохнула, выдохнула. Сильнее сжала руль и, стянув с пальца кольцо с кристаллом искажения, завела машину.

Все хорошо. Она по-прежнему мириар Шерро. Она подстраховалась и теперь с чистой совестью может отправляться на день рождения близняшек. Демаре то ли забыл прислать ей

приглашение, то ли не пожелал видеть лучшего друга в числе гостей. Но уж по этому-то поводу она не станет тревожиться. Наспех купив подарки — плюшевые игрушки, на которые даже толком не взглянула, — Селани покатила к дому Демаре.

Сегодня она решила обойтись без водителя, опять же из-за предосторожности. Ей не нужны свидетели, особенно среди служащих Десмонда.

Шерро, конечно, когда вернется в свое тело (если вернется!), будет в ярости и шоке: Селани себе ни в чем не отказывала и в будущем отказывать не собиралась. Взять хотя бы платье от мирэль Малори. Валяясь в кровати после приступа и просматривая журналы с выставленными на продажу домами, бывшая актриса не забывала уделять внимание и журналам моды.

О платье от известного кутюрье она мечтала с незапамятных времен. Вернее, с того самого дня, когда познакомилась с Жизель Демаре и увидела на ней юбку и блузку от всеми обожаемой модельерши. Селани тогда ничего не оставалось, кроме как мысленно облизнуться и постараться справиться с острым приступом зависти, ножом вонзившейся в сердце: увы, на наряды от мирэль Малори Грегуар ни за что бы не раскошелился.

И вот теперь она могла их себе позволить! Ладно, не себе — Ире. Но только за одно то, чтобы полюбоваться собой, красавицей, в дорогущем платье, она могла и готова была потратиться.

Каково же было ее разочарование, когда в бутике Малори, единственном на всю столицу, приглянувшегося ей платья не оказалось. Какой-то предпримчивый малый увел его у нее прямо из-под носа получасом ранее.

Приказав продавщицам обзвонить все бутики страны, но достать ей второе такое платье (а всего оно было пошито, если верить журналу, в двух экземплярах), Селани устроилась на диванчике с бокальчиком игристого вина и стала ждать, пока девушки отлипнут от звонифона. Наконец одна из напомаженных блондинок, елейно

улыбаясь, приблизилась к ней и сообщила, что платье сегодня же прибудет в столицу.

— Вот только за срочную доставку... — девушка замялась, опустила взгляд.

— Цена не имеет значения, — небрежно отмахнулась Селани и достала из кармана чековую книжку. — Отправите вот по этому адресу, — протянула визитку Демаре, добавив: — Для мирэль Селани Тонэ. Я подпишу для нее карточку.

Селани предвкушала, как увидит это поистине шикарное платье на Ире. Как будет любоваться своим телом и представлять, сколько еще в будущем накупит для себя любимой таких же роскошных нарядов.

Да, ее тело достойно только самых лучших платьев от самых лучших кутюрье!

Главное, чтобы этой замухрышке гордость не стукнула в одно место (голову или где там у нее происходят немногочисленные мыслительные процессы), и она его все-таки надела. А еще надо будет всучить ей как-то браслет. Ира ведь просила защиту от магии — вот и будет ей защита от магии. С капелькой любовных чар...

Но об этом няне не следует знать.

В доме Фернана ее не ждали. Селани это поняла по удивлению, проскользнувшему во взгляде Жуффена, и растерянности, прозвучавшей в голосе этого кузнечика:

— Мируар Шерро?

Впрочем, дворецкий быстро взял себя в руки и, почтительно поклонившись, пригласил гостя в дом.

— Ну и где тут наши именинницы? — голосом Шерро пробасила бывшая актриса.

— Здравствуй, Десмонд, — из гостиной показался сам хозяин дома.

Голос — холодный, жесткий, в глазах — лед, о который можно запросто порезаться.

— Дядя Десмонд! — взвизнула не то Кристин, не то Аделин, выбегая следом за отцом. Подлетела к мужчине, явно рассчитывая, что ее подхватят на руки.

Селани девчонку нехотя подняла. И тут же чуть не уронила на пол. Когда увидела на вершине лестницы... себя. Иру... Неважно! В тот момент у фальшивого Шерро от восхищения перехватило дыхание.

В платье от мирэль Малори няня выглядела сногсшибательно, и будь Селани мужиком, уже бы пускала по самой себе слюни. «Мирэль Тонэ» медленно спускалась по лестнице, плавно поводя бедрами из стороны в сторону, и взгляд ее был прикован к... Демаре. На какой-то миг у Селани даже возникло сомнение, а стоило ли вообще тратиться на зачарованную побрякушку?

Фернан... А Фернан отвечал няне взаимностью. В том смысле, что пялился на нее так, будто собирался сожрать. Прямо здесь и прямо сейчас.

Ну или сделать с ней кое-что другое. Если не здесь и сейчас, то сегодня уж точно.

В тот момент Селани испытала странное чувство: радость и ликование с горьким привкусом ревности. На нее Демаре никогда так не смотрел. А ведь это было все то же тело! Это с ее тела он не мог сейчас отвести полного желания жадного взгляда.

Взгляда, которым ее, Селани, никогда не одаривал.

— Фернан, дорогой, представишь меня своему гостю?

Поглощенная своими размышлениями, Селани не сразу заметила появившуюся в холле рыжеволосую красотку. А стоило девушке заявить о себе, как ревность усилилась, перекинувшись на незнакомку.

Уж больно Селани не понравился слажавый тон смазливенькой гостьи и то, как она с улыбкой прожженной хищницы по-хозяйски положила на плечо Алмазному королю руку.

Глава 15

Холм Расцвета

Ира Илларионова

От меня не укрылось, как именно Элоиз (кузина Жизель, нагрянувшая на день рождения близняшек) положила руку на плечо Демаре. И уж тем более не укрылось, как он ее сбросил, со свойственной ему бесцеремонностью.

— Десмонд, это мирэль Элоиз Варан, кузина Жизель, — сообщил он. — Элоиз, это Десмонд Шерро, мой партнер.

— Только партнер? — приподняла брови Шертонэ. — Мне казалось, мы друзья.

Спустив Аделин на пол, Селани сунула ей в лицо игрушку так, что девочка едва успела увернуться, иначе бы поцеловалась с плюшевым пятноглазом.

— Вот. С днем рождения! И тебя тоже. — Вторая игрушка прилетела в руки Кристин, а Селани широким (слишком широким!) шагом приблизилась к нам. — Прекрасно выглядите, мирэль Тонэ.

— Благодарю, — сдержанно отозвалась я, принципиально не глядя на Демаре.

Достаточно было того, что мне пришлось на него смотреть, пока спускалась по лестнице, и это существенно поколебало мой внутренний дзен. Под его потемневшим взглядом я всерьез подумывала о том, а не сбежать ли мне наверх переодеться, но девочки уже были в холле, да и за стол пора было садиться.

— Что ж, пойдемте на террасу, — голос Демаре дергал внутри меня какие-то маленькие пружинки, которые (мне бы очень этого хотелось) должны были оставаться на месте. — Все подарки уже там, кроме одного. Так, мирэль Тонэ?

Меня снова окатило жаром пристального внимания, и я искренне порадовалась, что сейчас нужно будет отлучиться за Реми.

— Совершенно верно.

— В таком случае мы вас ждем, — проговорил он, подталкивая девочек в нужном направлении.

По случаю дня рождения малышек стол накрыли на террасе. Все подарки (а их была целая гора, несмотря на отсутствие приглашенных), отнесли туда же и сложили многоуровневой пирамидой. Честно говоря, я в жизни не видела столько коробок и свертков, но взглядами близняшки почему-то провожали именно меня. Видимо, что-то почувствовали.

Я подцепила Реми на поводок и почесала между крыльышек.

— Обещай, что будешь паинькой.

Фидруар издал нечто среднее между клекотом, рычанием и мурлыканьем, после чего устремился навстречу свободе. Когда мы вышли на террасу, Кристин стояла рядом с огромной куклой-певицей, а Аделин — с такой же, только в белом халате. Элоиз пыталась притереться к Демаре, Деслани пыталась втиснуться между ним и Элоиз, и совершенно очевидно, что здесь не хватало только нас с Реми.

— Девочки, с днем рождения, — сказала я.

Сказала негромко, но близняшки разом обернулись и... ахнули. Вместе, привычным эхом.

— Реми! — воскликнула Аделин, прижимая ладони к щекам.

— Реми! — прошептала Кристин.

Куклы были забыты, и в следующий миг девочки уже летели ко мне. Опустившись рядом с фидруаром на kortochki, они принялись чесать его между крыльев, гладить и дергать за лапы, которыми он отчаянно упирался в пол, сверкая на меня огромными глазищами.

— Какой лапочка!

— С ним все в порядке!

— Кажется, он немного подрос?

— Немного?! Да ты посмотри на его крылья!

Птицезверь отчаянно заверещал и попытался спрятаться за меня, но добился только того, что обмотал вокруг моих лодыжек поводок.

— Девочки! — голос Демаре сработал, как команда «в строй!».

— Когда вам дарят подарок, что нужно сказать?

— Спасибо!

— Спасибо, мирэль Тонэ!

Отлипнув от затиснутого Реми, близняшки бросились обнимать меня, и я с удовольствием им это позволила. Их лица сияли неподдельной радостью, глаза сверкали, и, кажется, в этот миг счастливее девочек не было никого на свете.

— Но... — первой в себя пришла Кристин.

— Где вы его нашли?

— И папа же был против...

— Все вопросы потом, — хмыкнул Демаре. — За стол, живо. Кто прибежит первой, получит дополнительный десерт!

Девочки с визгом бросились к столу.

Элоиз скривилась, Шертонэ отскочила в сторону. Близняшки прибежали вместе, уселись на стулья и, радостно переглянувшись, вытянули шеи, чтобы посмотреть, что делает Реми.

— Мирэль Тонэ, вы собираетесь к нам присоединиться или так и будете там стоять? — негромко поинтересовался Алмазный король.

Я отпустила Реми и приблизилась, при этом Элоиз скривилась еще сильнее и вздернула и без того вздернутый носик. На темноволосую высокую Жизель она была мало похожа, ей не хватало резкости черт и роста, а еще она была куда более фигуристой. Рыжие локоны, падающие на округлые плечи и ниже, подчеркивали пышную грудь. Платье, впрочем, тоже ее подчеркивало: красивое, ослепительно-зеленое, к которому очень шел комплект из бриллиантовых серег и колье.

Видимо, именно его она так старательно демонстрировала, выпячивая свой шестой размер перед Демаре.

Поймав себя на этой мысли, я тут же от нее отмахнулась. Какая мне разница, что и кто там ему демонстрирует. А вот Шертонэ сверкала глазами, как грозовое небо молниями. Побоявшись, что она сейчас случайно уронит кузину Жизель с украшенной цветами террасы, возвышающейся над кустами мальмары, я быстренько присоединилась к близняшкам. Свободное место рядом с Демаре тут же заняла Элоиз, Деслани расположилась напротив нас.

Стоило нам рассесться, как появились слуги. Стол заполнился самыми разнообразными блюдами: салатами, закусками, горячим. Полились соки и вина, и когда суета за столом утихла, Демаре поднял бокал. Все последовали его примеру, даже девочки подняли стаканы с соком. Глаза малышек по-прежнему сверкали от возбуждения, но теперь их внимание переключилось с Реми, который обнюхивал кукол и коробки с подарками, на отца.

— Хочу предложить тост. — Фернан обвел взглядом стол, задержавшись на дочерях. — Семь лет назад на свет появились два крохотных чуда, самое дорогое, что у меня есть. Так было, так есть и так будет всегда. Вы снова научили их улыбаться, мирэль Тонэ. За вас!

Не поперхнулась я исключительно потому, что не успела сделать глоток. Девочки вскинули стаканы так, что чудом не расплескали сок,

и радостно закричали:

— За мирэль Тонэ!

Их голоса подтвердил бас Деслани:

— За мирэль Тонэ!

Элоиз от комментариев воздержалась и, судя по выражению ее лица, в бокал не плюнула только потому, что ей еще предстояло из него пить. Что же касается меня, я все-таки осторожно пригубила вино, или как оно здесь называется. Из головы после такого переподвыверта алмазного величества у меня вылетели все местные названия, не говоря уже о чем-то большем.

Зато Шерトンэ выглядела довольною, как кот, обожравшийся деревенской сметаны, и когда мы наконец приступили к трапезе, положила себе на тарелку... два листика салата с местным аналогом помидорки и сырной стружкой. Проследив за взглядом Демаре, у которого даже челюсть слегка отвисла от такой «прожорливости» друга, я чуть не сползла под стол в глубоком фейспалме. Впрочем, чуть-чуть все-таки сползла и пнула Селани ногой, отчего бывшая актриса слегка подпрыгнула.

Я глазами указала сначала на ее тарелку, потом на жаркое, и местная дива опомнилась.

— Я тут недавно прочел, — сообщила она голосом Десмонда, — что для стимуляции аппетита нужно есть побольше зелени.

Да, права была реклама: иногда лучше жевать, чем говорить. Да и с «побольше» она явно погорячилась.

— А у нас в Ривательне, — заявила Элоиз, к счастью, перетягивая внимание на себя, — сейчас начались дожди. Обожаю Мальмар за его климат, потому что здесь женщинам не нужно кутаться в эти жуткие плащи и скрывать все самое прекрасное, чем их наградила природа.

На последних словах она гордо выпятила грудь.

— Ну, вам при всем желании не удастся что-то скрыть, мирэль Варан, — заметила Деслани, когда та будто невзначай коснулась Демаре.

Элоиз округлила глаза.

— Десмонд, — Фернан сдвинул брови.

— Что? — Шертонэ приподняла свои. Точнее, чужие, но это детали. — Я просто имел в виду, что красоту мирэль Варан не спрячешь даже под плащом.

— О, вы так милы, — заметила кузина Жизель, хотя судя по взгляду, уже разбила о голову Шерро не одну тарелку. — Фернан, не передашь мне тот чудесный соус? Жаркое с ним становится еще более пикантным.

Она так лыбилась (то есть, конечно, ослепительно улыбалась) и так жалась к Демаре, что сейчас уже я захотела разбить о ее голову те самые тарелки. А сверху полить соусом для пикантности. Когда Фернан передавал ей соусницу, Элоиз скользнула пальчиками по тыльной стороне его запястья.

— Спасибо, — прошептала с придаханием.

— Не хотите ли сказать тост, мирэль Тонэ?! — гаркнул Десмонд.

А почему бы и не сказать?

— Хочу, — я улыбнулась и подняла бокал. — Не так давно я познакомилась с двумя чудесными девочками. Хотя времени прошло всего-ничего, мне кажется, что я знаю их всю жизнь. Несмотря на то, что порой они ведут себя как маленькие врединки...

Кристин хихикнула и снова подняла бокал. Что касается Аделин, она то и дело поглядывала на Реми и не переставала светиться от радости.

— ...Сердца у них большие и добрые. Как и у их отца, благодаря которому стало возможно возвращение Реми. За именинниц и семью Демаре, которая сегодня стала чуточку больше.

Глаза девочек засияли еще ярче, улыбка на лице Фернана почему-то отпечаталась у меня в груди. Так явственно, что я снова пригубила вино, опуская взгляд в тарелку. Мне определенно не стоит обращать на все это внимание, потому что совсем скоро я отправлюсь на холм Расцвета, а спустя еще некоторое время — домой.

Урвать бы минутку и поговорить с Деслани наедине. Надеюсь, у нее есть хорошие новости.

При мысли об этом сердце почему-то кольнуло тоской, от которой я тоже отмахнулась. Все это глупости, этот мир мне чужой.

Да, вот только... девочки уже не чужие. И их отец...

Все, Ира, хватит.

После моего тоста разговор за столом сделался более непринужденным и каким-то семейным, что ли. Не считая Элоиз, которая постоянно бросала в мою сторону кислые взгляды (видимо, надеялась, что благодаря им у меня в тарелке что-нибудь непременно скиснет), и Шертонэ, которая не переставала на меня пялиться. Девочки возбужденно переговаривались, вертелись на месте: им явно не терпелось побыстрее расправиться с праздничным обедом и перейти к общению с Реми.

Что они и сделали, стоило отцу их отпустить.

Подарки, и даже куклы, были забыты, зато фидруар сейчас получал порцию ласки на десять лет вперед. Что касается меня, я медленно, но верно проникалась приближением часа Х, то есть момента, когда мне нужно будет подняться на холм Расцвета. Руна мадам Лилит лежала в прикроватной тумбочке, и сейчас я изо всех сил старалась не думать о том, что мне предстоит. Потому как (в этом я была уверена), сегодня ночью моя жизнь снова совершил крутой поворот.

Надеюсь только, что ради него мне не придется спускаться из окна на простынях, ибо желанием меня отпускать Демаре не горел.

— А вы что думаете, мирэль Тонэ?

Вопрос оказался внезапным, он вытолкнул меня из размышлений о грядущей ночи настолько резко, что я даже не сразу поняла, что обращаются ко мне. А обращались именно ко мне, все присутствующие за столом сейчас ждали моего ответа.

— Я... гм...

— Некоторые женщины совершенно не разбираются в политике, — проворковала Элоиз. — Фернан, ты же видишь, сфера интересов мирэль Тонэ лежит в... хм, несколько другой плоскости.

Кузина Жизель дотянулась до руки Демаре и обвела пальчиками циферблат его часов. Прежде чем я успела ей сообщить, что плоскость стола скоро треснет от очередной наглядной демонстрации ее прелестей, стол громыхнул так, что на нем подскочила большая часть посуды, близняшки вскинули головы, а Реми засвиристел. Оказывается, это Деслани поднялась с изяществом носорога и сейчас направлялась к стоявшему в шкафу аналогу патефона.

— Не знаю, кто как, — сообщила она, — а я хочу размяться.

Музыка хлынула на террасу, Шертонэ вернулась и чуть ли не рывком выдернула из-за стола Элоиз.

— Сражен, покорен, очарован. Готов танцевать с вами весь день и всю ночь, — сказал он, увлекая абсолютно обалдевшую от такого напора рыжую как можно дальше от Фернана. Мне показалось, что Селани ее сейчас за дверь утащит, а потом и за ворота, но бывшая актриса вовремя остановилась. У самого выхода с террасы.

Близняшки восприняли идею «дяди Десмонда» с энтузиазмом и, сцепившись руками, принялись скакать под музыку, которая, надо отдать должное, была очень красивой.

Поморгав, я перевела взгляд на Фернана. Поскольку за столом сейчас мы остались одни, коситься в тарелку было невежливо.

— Кажется, нам не оставили выбора, мирэль Тонэ. — Демаре произнес эти слова, поднимаясь, но что-то в его голосе подсказывало, что отсутствие выбора его нисколько не печалит. — Вы потанцуете со мной?

Понимая, что отказ сейчас привлечет гораздо больше внимания, чем согласие, я протянула ему руку. От короткого прикосновения словно ток побежал по телу, и я сама не поняла, как оказалась в надежных и сильных объятиях, вовлеченная в танец.

В руках Демаре мне было не по себе. Еще больше не по себе, чем тогда, в кабинете, потому что в кабинете мы были одни, а сейчас рядом кузина Жизель, дядя Десмонд, то есть тетя Селани, и девочки. Девочки, к слову, только что пронеслись мимо нас, не расцепляя рук, а следом за ними проскакал Реми.

— Вы так трогательно смущаетесь, мирэль Тонэ.

Что?! Я-а-а?! Вовсе я не смущаюсь, и вообще...

— У вас щеки покраснели, — заявил этот невыносимый тип.

Разумеется, потому что вы на меня пялитесь так... так...

— Потому что здесь жарко! — возмутилась я.

— И окаменели вы исключительно из-за жары?

— Нет, окаменела я потому, что не умею танцевать.

— Что? — совершенно искренне удивился Демаре.

— Я. Не. Умею. Танцевать, — шепотом сказала я, краснея еще больше.

Кто ж виноват, что я в своем мире так и не успела восполнить этот образовательный пробел. На йогу вот ходила, а танцевальное па могу воспроизвести разве что по памяти из сериалов и клипов.

— Да, вы определенно полны сюрпризов, — пробормотал Демаре. — Мне казалось, или вы хвастались Жизель, как отменно танцуете...

— Я соврала, — покаялась я. — Не хотела ударить в грязь лицом.

— Понимаю, — отозвался он. — Тогда просто расслабьтесь и положите руку мне на плечо. А вторую на талию. И пожалуйста, не напрягайтесь так сильно. Я вас не съем.

Прежде чем успела что-то ответить, Демаре шагнул в сторону, уводя меня за собой. Я последовала за ним, разумеется, а что мне еще оставалось делать? Это в нашем мире в клубе можно прыгать, выбрасывая руки-ноги в разные стороны, и теоретически, если ты знаком хоть с каким-нибудь видом спорта, совсем безобразно это выглядеть не будет. Что касается здешних танцев, то, что танцевали мы, чем-то напоминало помесь вальса, танго и бачаты. Это я от Светки умных слов нахваталась. Уж кто-то, а она, по-моему, не пропустила ни одного вида танца, которые у нас в городе преподавали.

— Направо. Налево. Поворот. — Демаре так легко пропустил меня под своей рукой, что я пролетела и заняла нужную позицию с изяществом заправской танцовщицы. Меня тут же подхватили и снова提升了 в сторону, а потом в другую и к перилам, откуда открывался шикарный вид на сверкающий под солнечными лучами бассейн.

— Ну вот. А говорили, танцевать не умеете, — произнес он, чуть плотнее прижимая меня к себе.

— Это так по технике положено?

— Разумеется, — ответил Демаре, продолжая вести меня в танце.

Так уверенно, словно только этим и занимался каждый день.

Но что самое удивительное, в его руках я совершенно расслабилась, забыв о том, что эту странную помесь танцуя впервые в жизни. Перед глазами мелькнули Десмонд и Элоиз, и вот хоть убей, я не поняла, кто из них ведет. Впрочем, Десмонд и Элоиз тут же исчезли, а я снова натолкнулась взглядом на Алмазного короля.

Глаза в глаза.

Этот взгляд отозвался в сердце, заставив судорожно вздохнуть: музыка меняла ритм, и мы вместе с ней.

— А вы, между прочим, — прошептала я, чтобы нарушить расстояние от вдоха до выдоха и наше единение при всех, — воспользовались моей идеей с куклами.

— Только не говорите, что остались в проигрыше, мирэль Тонэ. Ваш подарок приглянулся девочкам куда больше, про мой они даже не вспомнили, — в глазах Демаре светилась улыбка. — Поворот. Налево. Разворот.

В этот раз я едва не улетела, но меня поймали, так уверенно и сильно, рывком привлекая к себе за талию, что перед глазами на миг потемнело. Особенно когда я снова оказалась в кольце его рук.

— Кажется, они вообще забыли про подарки, — кивнула на сложенную у стены гору.

— А, это все страждущие сохранить со мной хорошие отношения. Несмотря на то, что их забыли пригласить.

— Зачем же так цинично? — я изогнула бровь.

— Возможно, потому, что я слишком много с ними общался.

Больше нам поговорить не удалось, потому что музыка, переливами набирающая силу, подхватила нас, как порыв ураганного ветра. И непременно унесла бы, если бы Демаре не держал. Пропуская под вскинутой рукой в развороте, на миг соединяя наши пальцы и снова отпуская, до следующего всплеска. Теперь уже я кружилась, полностью захваченная ритмом, позабыв обо всем и обо всех. Просто странным образом понимала: этот мужчина не отпустит, за ним можно идти.

Чувствовать каждое движение.

Каждое прикосновение.

Каждый перехват и жить между этими головокружительными моментами, от прикосновения пальцев — до разворота. От череды шагов до расхождения на всю длину рук.

Музыка взмыла ввысь, и я взмыла за ней, кружась в сумасшедшем вихре: шаг — разворот — в сторону. Шаг — разворот — назад.

Нырнуть под его руку, вернуть ладонь на талию, разойтись...

Рывок — и Демаре привлек меня к себе на самом высоком аккорде.

Я врезалась в него и почувствовала, как из меня выбило весь воздух. Выбило вообще все мысли, остались только я и этот мужчина, так близко. Только глухие удары сердца и желание податься вперед, коснуться пальцами колючей щетины, а потом губами его губ и чувствовать, как вспыхивают мои...

И мои натурально вспыхнули, потому что на них смотрел Демаре.

А в следующий момент раздались аплодисменты: близняшки хлопали в ладоши и прыгали, глядя на нас, рядом с ними прыгал Реми. Элоиз старательно поддерживала челюсть (и лицо в целом). А вот Деслани смотрела так, словно теперь не против была меня уронить в кусты. Или расцеловать в обе щеки, и чего больше сейчас хотела — пока не определилась.

— М... — сказала я, осторожно высвобождаясь из рук Фернана.
— Мне... нужно...

Не договорив, выбежала с террасы, наперегонки с сердцем. Оно колотилось так, что я не слышала даже стук каблуков. Щеки действительно горели, и я прямо на бегу прижала к ним руки. Понимая, что то, что со мной творится, никак нельзя списать на вынужденное пребывание в другом мире.

Если поцелуй еще можно было отнести ко временному помешательству, то этот танец — однозначно нет.

Чудом не сбив с ног нарисовавшегося на моем пути Жужжена, я пробежала до конца коридора, свернула направо и замерла. Ну и куда я бегу, спрашивается? До посещения холма Расцвета времени еще вагон и маленькая тележка, а от себя... от себя все равно не убежишь.

Прислонившись к стене, я постаралась совладать со своими мыслями и чувствами. Получалось с трудом. Во-первых, мне нужно было успокоиться и вернуться назад, а во-вторых... Во-вторых, больше не давать поводов Демаре ко мне прикасаться.

— Ты что удумала?! — голос Деслани прозвучал как гром среди ясного неба.

Явилась — не запылилась.

— Я перед тобой отчитываться не обязана, — бросила ей раздраженно. — И к слову, я собиралась вернуться. Так что прости, но...

— Эй-эй-эй, — она перехватила меня за руку, что в исполнении стальной клешни Десмонда было не очень приятно, а потом втолкнула в библиотеку, возле которой мы оказались. Не знаю, как так получается, но все наши беседы с ней происходят именно здесь. — Не так быстро. Забыла про амулет от близняшек?

Звучит-то как.

— Он мне больше не понадобится.

— А я говорю — понадобится! Осторожность не помешает! — Она нацепила браслет на мое запястье с такой прытью, что я даже пикнуть не успела. — Это сейчас у вас мир-благодать, а завтра поссоритесь, и будешь опять плакаться?

— Я. Не. Плакалась, — процедила ей в лицо, тщетно пытаясь справиться с застежкой, но она заела.

— Не снимай! Он предупредит тебя о приближении любой магии...

— О какой любой?

— О любой, — настойчиво повторила эта чудо-громила. — Вот Элоиз, например, захочет тебе напакостить...

— Зачем ей мне пакостить?!

— Затем! — Деслани скривилась. — Ты что, не видела, как она вешается на Фернана?

Видела, видела, не слепая.

— Меня-то это с какой стороны касается?

— С такой! — рявкнула Шерトンэ. — Демаре на тебя слюни пускает, а ты хочешь просто его оттолкнуть?

Да! Хочу. Потому что дома меня ждет Миша.

Потому что это неправильно!

— Представь себе, — шагнула по направлению к двери, но Селани преградила мне дорогу.

— Даже не вздумай, — прошипела угрожающе. — Теперь, когда я столько для тебя сделала... Когда ты уже на пороге победы! Да он ноги готов тебе целовать и на руках носить, слышишь? Он сделает для тебя все, если только ты...

Сделает все.

На руках носить...

В памяти отчетливо всплыл эпизод, когда я повредила лодыжку. Миг, когда Демаре подхватил меня на руки... Я вдруг с ужасом осознала, что хочу снова это испытать. Снова оказаться в его руках, в танце или наедине.

Кажется, все эти чувства отразились у меня на лице, потому что Селани смягчилась и произнесла:

— Ну все, пойдем. А то пока мы тут спорим, эта корова... Элоиз то есть, наверняка его вовсю обхаживает, а нам это совершенно не нужно. Ты же не хочешь, чтобы она увела Фернана у тебя из-под носа...

Она подхватила меня под руку, но я вырвалась.

— Не нужен мне твой Фернан! — прорычала ей в лицо. — Слышишь?! Не нужен! Да я терпеть его не могу! Меня от одного его вида... воротит!

— Чудесная речь, мирэль Тонэ.

Селани икнула и медленно повернулась в сторону открывшейся двери.

Мир почему-то сузился до створки, из-за которой в библиотеку шагнул Демаре. А потом медленно растянулся до границ комнаты. В которой воцарилась страшная, гнетущая тишина.

Слова (сложные и простые, нужные и ненужные) на миг застыли в груди, а когда я смогла наконец выдохнуть, момент уже был упущен: ко мне повернулись спиной.

— Десмонд, я тебя искал, — произнес Демаре совершенно спокойным, но каким-то чужим голосом.

— Меня? Зачем? — натурально побледневшая Селани сложила руки на груди.

— Хотел поговорить с тобой о мирэль Тонэ, но теперь это лишено смысла. — Демаре кивнул. — Возвращаемся. Мне не хочется надолго оставлять Элоиз с девочками.

— Фернан, — я шагнула к нему, но под темным тяжелым взглядом тут же поправилась: — Мишуар Демаре. Я бы хотела сказать...

— Вы и так уже сказали достаточно, — отчеканил мужчина.

— Фернан, Селани просто перенервничала! — подала голос Шертонэ.

Вот лучше бы молчала, честное слово!

Демаре недобро сощурился:

— Теперь я понимаю, о чем шла речь, когда ты предлагал мне нанять мирэль Тонэ и говорил, что хочешь за ней приударить.

Что?!

— Да, говорил! — заняла оборонительную позицию Селани. — И между прочим, был бы не против, потому что...

— Ну в таком случае можешь начинать прямо сейчас. Приударить за мирэль Тонэ не составит ни малейшего труда, правда, потом можешь случайно услышать, что ее от тебя воротит. Надеюсь только, это будет иносказательно.

Прежде чем я успела открыть рот, Деслани раздула ноздри и вплотную шагнула к Фернану:

— Немедленно извинись!

— За что? — поинтересовался Демаре. — За правду?

— Ты не имеешь ни малейшего права осуждать женщину только потому что...

— Потому что она принимает мои подарки, появляется в них на публике, а потом обжимается с другим мужчиной в библиотеке? — хмыкнул Демаре. — Пожалуй, нет.

— Не знаю, о чём ты говоришь, — процедила Деслани, окинув меня взглядом с головы до пят. — Но твоего подарка я тут не вижу. Зато вижу платье, которое ей подарили я, и, в отличие от тебя, совершенно, между прочим, без задней мысли!

Идиота кусок.

Это было первое, что пришло мне в голову после слов Селани. Больше ничего прийти не успело, потому что Демаре повернулся ко мне и посмотрел так, словно видел перед собой таракана.

— Чудесно, — произнес он. — В таком случае забирай свою мирэль Тонэ и выметайтесь из моего дома! Оба!

В библиотеке снова воцарилась тишина, в которой отчетливо слышалось наше дыхание. За те секунды, что я преодолела расстояние до дверей и вылетела в коридор, успела еще услышать свои шаги и быстрые удары сердца. Следом за мной выскоцила Деслани и, схватив за руку, развернула к себе. Я рванулась, чудом не оставив ей же подарок, читай браслет, и в эту минуту увидела Демаре. Которому Селани решительно преградила путь.

— Уйди с дороги, Десмонд, — прошипел Алмазный король.

Натурально прошипел, потому что таким я его голос еще не слышала: низкий, глухой, по-настоящему опасный. Возможно, именно поэтому и попыталась отвести Селани в сторону, но тщетно — теперь уже рванулась она.

И холодно потребовала:

— Извинись.

Одно движение, настолько быстрое, что я даже сказать ничего не успела — Шерトンэ прилетело в лицо. Коротко, резко и очень сильно. Издав странный булькающий звук, Деслани рухнула на пол, а я бросилась к ней. Падая на колени и приподнимая голову:

— Се... Десмонд!

Тишина.

Я легонько похлопала экс-приму по мужской щеке.

Никакой реакции.

— Десмонд!

— Очень трогательно, — донеслось сверху.

Ответа не последовало, и я вскинула голову:

— ВЫ! — прошипела в стиле Демаре. — Вы ударили...

Выражение его лица стало совсем зверским.

— Сию же минуту замолчите, мирэль Тонэ, — это был приказ.

— А то — что?! — выкрикнула я. — Отправите меня следом за не... ним?!

— Я не бью женщин, — процедил этот чертов король. — Даже таких, как вы.

После чего просто прошел мимо, оставив меня с потерявшей сознание Деслани.

Ярость, обида и боль сплелись в клубок, разрывающий грудь, и я сделала первое, что пришло мне в голову: просто стянула туфлю и запустила им в Его Алмазное Идиотство. Надо признаться, в ту минуту я не думала, что докину, но туфля прилетела Демаре аккурат в королевскую задницу. Ударилась в нее и отскочила на пол с глухим «бум», после чего Демаре медленно повернулся ко мне.

Я не успела даже вскрикнуть, когда браслет ударили в запястье легкой пульсацией, а над коридором взметнулось магическое лассо. Упало на меня и рывком протащило по коридору прямо к ногам Алмазного короля.

— Поднимайтесь, — жестко процедил он.

— И не подумаю! — вернула ему яростный взгляд.

Демаре ничего не ответил, развернулся и зашагал по коридору, волоча меня за собой прямо по полу. На повороте я попыталась уцепиться за стену, но тщетно — лассо просто дернули в сторону, и я больно ударились локтем об угол. Еще один поворот, и меня вытащили в холл, на глазах у Жужжена, который уронил себе на ноги поднос с бокалами, вмиг ставшими стекольным крошевом. Взгляд его с недоуменного сменился торжествующим, а Демаре направился к лестнице.

— Даю второй шанс, — процедил он. — Пока сюда не сбежался весь дом.

Опираясь о перила, я все-таки поднялась.

— Вы чудовище! — выдохнула ему в лицо.

Вместо ответа меня просто дернули за собой наверх, по ступенькам, и тащили так до самой комнаты, в которую впихнули, после чего магическое лассо исчезло.

— Сидите здесь, мирэль Тонэ, — заявили мне. — Пока ваш любовник не придет в себя и пока я не решу, что с вами делать.

Демаре вышел, дверь с треском захлопнулась, и на короткий миг ее затянуло искрящейся дымкой. Вслед королю полетела вторая туфля, потом украшение с головы, потом стул... стул, правда, не долетел. Тяжело дыша, я рванулась вперед, дернула ручку: тщетно. Дверь не поддавалась, хоть в ней и не было замка.

Магия!

Чертова магия! Везде в этом мире чертова магия!!!

Понимая, что выйти через дверь не получится, рванулась к окну.

Не останусь в этом доме. Не останусь больше ни на минуту!

Подняла тяжелую раму, глянула направо, затем налево. Ну что могу сказать — мне повезло, стену оплетал густой плющ, карнизы и эркерные окна мне в помощь. Стянув треклятое платье, я швырнула его на постель и переоделась в более свободное и простое, сунула руну мадам Лилит и колье от Деслани в сумочку. Брать удобные туфли от ненавистного Демаре не хотелось совершенно, но и ходить по городу босой тоже не вариант. Ничего, потом пришлю ему почтой.

Приблизившись к окну, зажмурилась.

Не так уж высоко, конечно, но если упаду...

Не упаду!

Глубоко вздохнув, выбросила туфли и сумочку за окно, потом села на подоконник и перекинула сначала одну, затем другую ногу на каменный выступ. Ветерок подхватил мои волосы, швырнул в лицо, и я на миг застыла. После чего осторожно двинулась чуть влево, где плющ был гуще, а дизайнерско-архитектурное решение отметило стену уступами, как шипами дракона.

На один из таких уступов поставила ногу.

Потом на второй.

Чтобы спуститься ниже, пришлось отпустить окно, и я, прижимаясь к стене, вцепилась обеими руками в плющ. Чувствуя, как бешено колотится сердце, ногой нашупала следующую «ступеньку». Хватаясь за нее в чем не повинное растение, второй ногой ступила еще ниже.

Еще.

И еще.

Выступ эркерного окна. Я развернулась, теперь прижимаясь к стене спиной.

Чуть вправо и...

Зажмурившись, прыгнула вниз.

Мне повезло: под травой размокшая от ночного дождя почва по-прежнему была рыхлой и мягкой. Не так уж высоко лететь, всего один метр, но в колени спружинило знатно. Благо хоть занятия йогой помогли правильно распределить вес.

Отдышавшись, я немного постояла в тени оставшегося за спиной дома, а потом обулась и бросилась к главным воротам.

— Э-э-э... мирэль Тонэ... — удивился привратник, увидев меня.
— Вы разве не должны быть на дне рождении девочек?

— Нет, у меня выходной, — заявила я.

Заправила за ухо непослушную прядь и, как ни в чем не бывало, вышла за ворота.

Не представляя, что ждет меня ночью на холме Расцвета, но точно зная: в этот дом я больше не вернусь!

Михаил Соколов

Такси остановилось у небольшого, огороженного заборчиком таунхауса. Для Доминиканы это в порядке вещей: пара домов, справа и слева дорога, а вокруг ни души. Расплатившись с водителем, Михаил вышел из машины и, приблизившись к потертым воротам, нажал кнопку звонка. Андрей, когда узнал, куда он собрался, покрутил пальцем у виска, но останавливать не стал.

— Дурью ты маешься, Мих, — сказал добродушно (он познакомился с очень горячей американкой и по этому поводу пребывал в отличном настроении), — но у тебя отпуск, так что майся. Только смотри осторожнее, а то разведут тебя, как лоха.

Ответа на звонок не последовало: негромко щелкнул замок, и дверь приоткрылась, пропуская Михаила на территорию. Двор был не убран, повсюду валялись какие-то бумажки, на столе (чем-то напомнив родное советское детство) стояла банка пива Президенте и тарелка с объедками рыбы.

На втором этаже распахнулось окно, и Мария сказала коротко:

— Восьмая.

После чего окно с треском захлопнулось, отрезая путь вездесущим жирным комарам. Учитывая, что раньше на месте Баваро было одно сплошное болото, комаров здесь водилось в избытке.

Михаил толкнул дверь и поднялся на второй этаж, отыскав нужную ему квартиру. Весьма просторную, к слову сказать, и, вопреки его представлениям, совершенно не соответствующую логову колдуны вуду. Впрочем, от вуду здесь все-таки кое-что было — всякие непонятные талисманы, символы на стенах, часть стен занавешена тяжелыми непрозрачными шторами, а еще здесь было слишком тихо.

Михаил мог поклясться, что окна в этой комнате старые (по крайней мере, то, что открывала Мария), но тишина стояла такая, словно он очутился на глубине в бункере.

— Ну, решил, значит, — женщина кивнула ему на дальнюю комнату. — Тогда проходи.

— Прежде чем мы начнем, хочу, чтобы вы знали: я в это не верю.

— Не верил бы — не пришел, — Мария ухмыльнулась, обнажив крупные белые зубы.

Пришел, потому что другой надежды не осталось.

Вслух он этого не сказал, но в дальнюю комнату все-таки прошел. Хозяйка шла следом.

— Деньги вперед, — сказала Мария, кивнув на потертый, покрытый темно-бордовой скатертью стол. На скатерти темнели пятна, и Михаил почему-то подумал, что ему не хочется выяснять, откуда они взялись.

Может быть, Андрей прав, и он действительно рехнулся.

Выложив на стол пачку банкнот, обернулся на закрытую дверь.

— Не переживай, я не обманываю, — хмыкнула гаитянка, и заперла дверь на замок. — Обман в нашем деле очень сильно аукнуться может.

— Да ладно! — Михаил хмыкнул.

— А то как же. За каждое действие расплачиваешься частичкой души, а вот что ты в нее приглашаешь — свет или тьму, каждый для себя сам решает.

— Если не ошибаюсь, магия вуду от света далека.

Мария пристально на него посмотрела, но отвечать не стала.

— Прежде чем начнем, расскажу тебе кое-что. Переход в другой мир — испытание не из легких. С собой не возьмешь ни статус, ни нажитое. Только себя, и кем ты там станешь — зависит только от тебя. Можешь в трущобах оказаться, а можешь возвыситься, но как бы там ни было, все придется начинать сначала.

— Но Ира-то здесь осталась, — скептически заметил Михаил.

— Говорю же, твоя Ира — особый случай. И чтобы вам соединиться, тебе нужно будет ее тело забрать с собой.

— Да это я уже понял.

До настоящей встречи Мария только коротко обрисовала ему детали, и, если верить ее словам, ему нужно будет вернуться в Россию, надеть заговоренный сдвоенный браслет Ире на руку, и тогда они вместе окажутся там, где она сейчас. Ее душа, энергия, или ее суть, вернется обратно в тело, притянутся к нему, где бы она ни была.

— Обратного пути не будет, — напомнила гаитянка. — Как только браслетами соединишься и произнесешь слова, оба окажетесь в том мире.

— Почему обратно нельзя попасть?

— Потому что второй переход тело человека не выдержит.

— А душа? Значит, Иру можно вернуть в ее тело?

— Если б знать, где искать, — фыркнула Мария. — Миров вокруг бесконечное множество, а по следу души только тело пойти может.

Бред. Господи, какой же бред.

— Ладно, — Михаил кивнул. — Приступайте.

— Кровь понадобится. — Мария достала два деревянных браслета, напоминающих закольцованные четки, скрепленные в знак бесконечности.

— Ну разумеется.

— А вот скепсис твой ни к чему, мальчик, — нахмурилась женщина. — До конца не поверишь — застрянете между мирами. Ни там и ни здесь, ты этого хочешь?

— Я хочу вернуть Иру, — сказал Михаил. — Этого мне хватит, чтобы между мирами не застрять?

«Главное после всего этого не застрять в психбольнице», — добавил мысленно.

— От тебя зависит, — Мария усмехнулась. — Руку давай.

Михаил протянул ей пузыrek со спиртом.

— Автоклав у вас просить бессмысленно, поэтому просто воспользуйтесь этим.

Женщина пренебрежительно фыркнула, но пузыrek взяла. Полила спиртом кинжал, тщательно так, а после — ладонь Михаила.

— Ну, мальчик, надеюсь боли ты не боишься.

«Сама ты мальчик», — подумал он, но говорить о том, что после службы в горячих точках его сложно чем-то напугать, не стал. Правда, в следующую минуту все мысли его просто-напросто остали, потому что боль, пронзившая ладонь, прокатилась от предплечья по всему телу, собралась в груди и взорвалась в голове, заставив содрогнуться и сжать зубы.

Словно во сне он смотрел на то, как кровь капает на дерево и тут же с шипением впитывается в вырезанные на нем знаки, исчезая без следа. Это выглядело так фантастически, что он не мог отвести глаз и не мог поверить в то, что происходит.

Единственное объяснение — что кинжал был смазан каким-то галлюциногеном, но ведь Мария его продезинфицировала и...

— Слова я тебе записала, — прервала ход его мыслей колдунья, прошептала что-то еле слышно, и кровь перестала идти. Михаил недоуменно моргнул, глядя на затянувшуюся рану, и перевел взгляд на женщину. — Когда окажешься в другом мире, будь осторожней со знакомствами и чувствами.

— С чувствами?

— Да, первый или первая, кто вызовет сильные эмоции, станет для тебя в новом мире якорем.

— Что это значит?

— То и значит, — Мария насмешливо прищурилась, — что никогда не сможешь стать к нему или к ней равнодушным, вырвать из своей жизни. А уж во что ваши отношения перерастут — в любовь или ненависть, только время покажет.

— Погодите. Но я же с Ирой увижуся с первой.

— Так Ира родилась в одном мире с тобой. — Мария поднялась, забирая деньги. — Поэтому и говорю, будь осторожен. А то сцепишься с какой-нибудь местной девицей, и все, не до Иры станет. Всю жизнь между двумя будешь разрываться.

— Исключено, — Михаил улыбнулся. — Мне кроме Иры никто не нужен.

— Ну-ну, — гаитянка сунула ему браслет. — Мое дело предупредить. Удачного перелета.

О чем она говорила — о возвращении в Россию или межмирковом переходе — Михаил задумался только когда оказался за воротами. Равно как и о том, что даже не подумал вызвать такси заранее.

Вытащил телефон, который предварительно поставил на беззвучный режим, и замер.

Четыре пропущенных от Ольги Семеновны.

Ириной мамы.

Чувствуя, как браслет обжигает руку, а по телу наоборот растекается холод, тут же набрал ее номер. Прислушивался к гудкам, которые бились о сердце, заставляя все сильнее сжимать зубы, пока наконец не...

— Миша! Мишенька! — донесся из далекой России наполненный слезами и счастьем голос. — Наша Ирочка пришла в себя!

Ира Илларионова

Не знаю, это новолуние на меня так действовало или случившееся в доме Демаре, но на холм Расцвета я поднималась в состоянии среднестатистической паршивости. Около тысячи ступенек, которые предстояло преодолеть, уводили меня от гречной земли, и чем дальше я от нее оказывалась, тем сильнее меня штормило. Возможно, отчасти из-за того, что на холме Расцвета явно присутствовала какая-то магия: браслет на руке раскалился и упрямо тянул обратно. Запястье покалывало, словно мне кто-то сжал руку и намеревался силой утащить вниз, но я с упорством заядлого альпиниста продолжала свое восхождение.

Специально для решивших покорить высоту горожан на разных уровнях холма соорудили смотровые площадки с удобными скамейками, где можно было приятно провести время, любуясь красивейшей панорамой, но мне было не до приятного времяпрождения. Конечно, в другой ситуации я бы с радостью задержалась, чтобы передохнуть, но сейчас боялась: если остановлюсь, дальше уже никуда не пойду.

И что тогда?

Колье я сегодня вполне успешно заложила, несмотря на то, что оценщик очень долго подозрительно косился то на него, то на меня. Но видимо, не обнаружив никаких изъянов ни в украшении, ни во мне, отсчитал приличную сумму. С этих денег я сняла номер в гостинице на два дня, за которые намеревалась решить, что делать дальше. Потому что судя по всему, поездка на яхте накрылась медным тазом. Не только для меня, но и для Деслани.

Но это все после.

А сейчас...

Шестьсот сорок вторая ступенька, шестьсот сорок третья...

На восьмисотой у меня сбилось дыхание, и я все-таки остановилась. Что ни говори, а Мальмар — очень красивый город. Что днем, что сейчас, когда россыпи огней прокатываются вдоль побережья, как драгоценные камни. В темнеющей водной глади тоже отражаются огни, сверкают маячками окна вилл, белеют пятнами дорогие яхты. Еле слышно шумит под лаской теплого ветра приглушенная ночью яркая зелень.

Так, все, Ира. Отдышалась — и вперед!

Последние ступеньки дались мне особенно тяжело, на каждой нога будто приклеивалась к камню, а когда я поднималась на следующую, чей-то голос внутри шептал: «Вернись, вернись, вернись!». Разозлившись на себя, я на чистом энтузиазме вползла наверх и оказалась рядом со статуей.

«Моей любимой Эрике», — гласила дарственная надпись.

Застывшая в камне девушка стояла, раскинув руки, глядя на растянувшееся вниз море. Волосы ее развевались, длинное платье летело над постаментом.

Справедливо рассудив, что если до сих пор не поинтересовалась историей холма Расцвета, то сейчас восполнить этот пробел и вчитываться в табличку под статуей точно не стоит, я подошла к самому краю. Остановившись, положила одну руку на перила, другую на сумочку, в которой лежала руна.

Ну... вот и все.

Либо получится, либо нет. А даже если получится, что дальше?

Сама не зная почему, стараясь оттянуть момент неизбежного, я пошла вдоль ограждения, по кругу. Смотровая площадка была достаточно просторной, но впереди замаячило что-то белое. Приглядевшись, различила две дрожащие на ветру оградительные ленты и надпись:

«Осторожно! Ведутся ремонтные работы!»

Секция перил отсутствовала, и сразу за ними бугрилась раскопанная земля. Остановившись в двух шагах от разлома между перилами, я достала руну. Как там говорила мадам Лилит?

— Я наделала столько глупостей, — сказала тихо, стараясь приглушить подступающий к горлу комок. — И вообще, возможно, я не достойна даже к тебе обращаться, но...

Мне пришлось взять паузу, потому что сердце колотилось так, что становилось трудно дышать, а руна в ладонях и браслет стали горячими.

— Я верю, что все можно исправить, было бы желание. И я очень, очень хочу все исправить. Пожалуйста, если ты меня слышишь... Я сейчас в другом мире, и пусть это звучит, как безумие, я никогда еще не была так далеко от тебя и так близко. Найди меня, Миша, пожалуйста! Забери меня отсюда!

Последнее я выкрикнула в темноту, уже давясь слезами.

Ладони пронзило огнем. Вскрикнув, я выронила руну, когда позади раздалось:

— Мирэль Тонэ!

Я резко обернулась, ладонями стирая пелену слез, чтобы увидеть надвигающегося Демаре.

— Стой на месте! — последовал приказ.

Да сейчас!

Шагнула назад, намереваясь развернуться и бежать, но подо мной внезапно кончилась земля. Хлипкие ленты с треском надорвались, и я полетела вниз.

Михаил Соколов

— Мих, ты тут свое добро забыл, — фыркнул Андрей. — Эти твои... как их, заговоренные четки.

Судя по голосу, друг едва сдерживал смех, но сейчас Михаил готов был простить ему даже это. Сейчас он кому угодно что угодно готов был простить.

Ира пришла в себя!

Ира. Пришла. В себя.

Какие-то шестнадцать часов, долгие шестнадцать часов, последние шестнадцать часов, потраченные на перелеты и стыковочные рейсы — и они будут вместе! Теперь уже навсегда.

— Можешь их здесь оставить, — фыркнул он, удобнее устраиваясь в кресле и пристегивая ремень.

— Да уж фигушки, — Андрей все-таки расхохотался. — Я привезу их как боевой трофей, поставлю в рамочку и сделаю надпись: «Безумие Михаила Соколова».

— Выключите телефон, пожалуйста. — Стюардесса склонилась над пассажиром. — Сейчас взлетаем.

— Слышал? — Михаил кивнул девушке. — До встречи в России. Осторожнее со своей американочкой.

— Да иди ты.

Самолет стремительно набирал высоту. Глядя на отдаляющийся остров, Михаил плотно сжал губы. Мария, Лиля, все эти идиотские суеверные мысли сейчас казались такими далекими и ненужными, как и весь его несостоявшийся отпуск. Ведь знал же, что без Иры отпуска не получится. Знал, но повелся на уговоры!

Сейчас был бы уже с ней, а теперь предстоит пересечь океан...

Безумие! Просто безумие, Андрей прав.

Он же чуть не поверил во всю эту чушь с другими мирами.

Стемнело быстро: летели на закат. Подали ужин и заказанные напитки, вкуса которых Михаил даже не почувствовал. На то, что получится спать, он не надеялся, но все-таки, глядя в ночь за иллюминатором, ненадолго прикрыл глаза.

Шум в ушах, повторяющий далекий гул двигателей, убаюкивал.

Он почти провалился в сон, когда шум стал сильнее. Настолько сильным, что у него сдавило барабанные перепонки, и Михаил резко открыл глаза. У него никогда не было проблем во время перелетов, в том числе и долгих. А если и испытывал неудобства, случались те не на высоте, а на взлете и при посадке.

— Я наделала столько глупостей, — в ушах звучал голос Иры. Звучал так отчетливо, словно она стояла рядом. — И вообще, возможно, я не достойна даже к тебе обращаться... Но...

Михаил огляделся, однако сосед уже спал, да и в целом в салоне бизнес-класса было очень тихо. Не считая того, что...

— Я верю, что все можно исправить, было бы желание. И я очень, очень хочу все исправить. Пожалуйста, если ты меня слышишь... Я сейчас в другом мире, и пусть это звучит, как безумие, я никогда еще не была так далеко от тебя и так близко. Найди меня, Миша, пожалуйста! Забери меня отсюда!

На миг перед глазами мелькнули очертания женских ладоней, потом Ира вскрикнула, и все исчезло.

Пытаясь прийти в себя, Михаил смотрел прямо перед собой, но вместо салона самолета видел сцепленные пальцы и слышал ее голос.

«Найди меня, Миша, пожалуйста! Забери меня отсюда!»

Десмонд Шерро

Голова болела. И не просто болела — раскалывалась, словно он перебрал оръятта, причем перебрал так, что даже не помнил, как добрался домой. Признаться честно, Десмонд и правда мало что помнил. Кажется, утром он проснулся в отличном расположении духа. Потому что вчера отменно поужинал с Софи в одном из самых дорогих ресторанов Мальмара, после чего они хорошо провели время у нее дома. После такой ночки он спал как убитый, а вот потом...

Насчет потом память отказывалась сотрудничать и выдавала большой такой пробел. Десмонд помнил, что позавтракал и связался по поводу предстоящей встречи с секретарем, и на этом — все. Почему он снова оказался в спальне? Да еще в состоянии, как после грандиозной попойки.

Голова раскалывалась все сильнее, и с этим надо было что-то делать.

Сбросив одеяло, Десмонд поднялся, накинул халат и подошел к зеркалу. Оттуда на него смотрел не столичный денди, а какой-то несчастный забулдыга: синяк во всю скулу, под глазами — темные круги.

Пару минут мируар Шерро изучал свое отражение, а потом яростно прорычал:

— Твою ж хмарь!